ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

№2 2015

ЗЕМЛЯ TRE

Мурманский курьёз
Александра Барченко

Александр Ферсман
К восточным массивам

Страна Гипербореев
Льва Гумилевского

ТЕМА НОМЕРА:
Исследования Ловозерских тундр в 1920-е годы

Оглавление

20-е годы чудесные...
– стр. 1

Хроники Луяврурта до 1930 г.
– стр. 2

М.Н.Михайлов
Мурманский курьёз
– стр. 4

В.А.Лихачёв
Александр Барченко: факты биографии
– стр. 9

А.В.Барченко
Письма Бехтереву
– стр. 14

«Лапландская экспедиция» в воспоминаниях А.А.Кондиайна
– стр. 18

«Ферсмановский» период исследований Луяврурта (1922-1926 гг.)
– стр. 21

А.Е.Ферсман
К восточным массивам
– стр. 24

А.Е.Ферсман, А.Н. Лабунцов, Б.М.Куплетский
Из маршрутных дневников экспедиции 1923 года (отрывки)
– стр. 30

В.А.Лихачёв
«Страна гипербореев» Льва Гумилевского
– стр. 44

Инж. А.Е.Назаренко
Пути и средства сообщения за полярным кругом (работы 1925 г.) (отрывки)
– стр. 51

В. С. Доктуровский
По реке Умбе и реке Вороньей (пересечение Кольского полуострова в 1924 г.) (в сокращении).
– стр. 61

Зинаида Рихтер
По Лапландии (отрывки)
– стр. 68

Д.А.Золотарёв
Лопарская экспедиция (отрывки)
– стр. 75

Выражаем благодарность

Борису Жилину

за поддержку публикации данного номера альманаха “Земля ТРЕ”

Земля TRE

20-е годы чудесные...

Исследования Луяврурта (Ловозерских тундр) в 20-х годах XX-го века явились определяющим событием для этого региона Кольского Севера. В это время активно проводятся землеустроительные, геологические, почвоведческие экспедиции, начинается строительство дорог. Материалы этого номера рассказывают о нескольких экспедициях затронувших наш край в эти «чудесные» годы открытий.

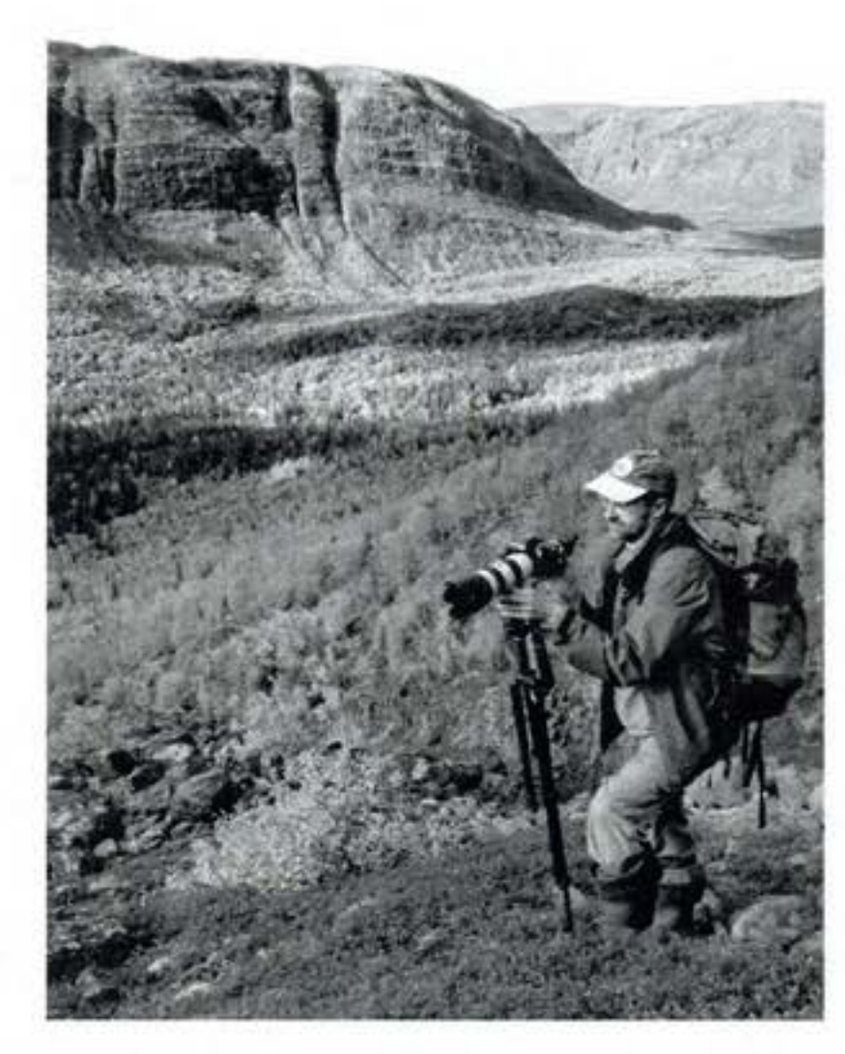
В августе 1922 года, через 35 лет после знаковой финской экспедиции 1887 года, открывшей для науки Луяврурт, академик Александр Ферсман ступил на территорию Ловозерских тундр в устье реки Тавайок, переправившись через Умбозеро со стороны Хибин на лодке саама Петра Галкина. Начался новый виток геологического и географического изучения Луяврурта.

В данном номере альманаха мы публикуем отрывки из маршрутных дневников академика А.Е.Ферсмана и его соратников (А.Н.Лабунцова и Б.М.Куплетского), связанные с исследованием геологии и минералогии Ловозерского горного массива.

Эти исследования 20-х годов способствовали закладке здесь рудников, осваивающих редко-метальное сырьё — лопарит и эвдиалит.

Примечательно, что в том же 1922 году с другой стороны Луяврурта из села Ловозера к Сейдозеру отправилась экспедиция А.В.Барченко. Биолог, мистик и популяризатор науки — Александр Васильевич Барченко — в трудное время становления советской власти на Мурмане прибыл в район Ловозерских тундр с целями землеустроительного характера. Но, по возвращении в Петроград им был сделан доклад о находках следов доисторической цивилизации в дебрях Лапландии, вызвавший немало газетного шума и дискуссий. Последующая проверка опровергла его заявления.

Гипотеза Барченко-Кондиайна о следах Гипербореи в Ловозерских тундрах захватила умы многих энтузиастов в конце 20-го века, и сейчас Сейдозеро и его окрестности являются одним из центров поиска таинственной Гипербореи и «Северной Шамбалы». Подборка материалов по теме Лапландской экспедиции А.В.Барченко занимает значительную часть нашего альманаха.



Вадим Лихачёв
главный редактор
www.vk.com/zemlyatre

Рассказ Льва Гумилевского «Страна Гиперборeев» несомненно навеян дискуссией вокруг «гиперборейского» происхождения саамов, инициированной Барченко в 20-х годах. Об этом произведении наш небольшой очерк.

Строительству Ловозерского тракта посвящена книга инженера Назаренко, отрывки из которой и редкие фотографии мы предлагаем вашему вниманию.

Ещё одна работа «По реке Умбе и реке Вороньей» была написана по результатам экспедиции через Кольский полуостров в 1924 году известным почвоведом Д.С.Доктуровским. Участники экспедиции также пересекли Ловозерские тундры и составили интересное описание жизни саамов и природы края.

Выдержки из книги «По Лапландии» известной в своё время журналистки Зинаиды Рихтер посвященны её поездке в Ловозеро в январе 1925 года.

И завершают альманах отрывки из статьи «Лопарская экспедиция» этнографа Д.А. Золотарёва, описывающие жизнь села Ловозера зимой 1927 года.

Главный редактор
Вадим Лихачёв

Редакционная коллегия
Вадим Лихачёв
Ирина Йохна

Корректор
Анна Михайлова
Ирина Йохна

Макет, вёрстка
Вадим Лихачёв

Фотографы
В.А.Лихачёв
Б.М.Куплетский
А.Е.Назаренко
А.Е.Ферсман
А.В.Барченко
и др.

Художник
Анна Михайлова

На передней обложке:
Карта Ловозерских тундр, 1925 г.
На задней обложке:
Фрагмент военно-дорожной карты России. 1888 г. Источник: kolamap.ru
Репродукция картины «Осень в Умбе». Художник — Анна Михайлова.
В оформлении обложки использованы фото из ресурсов Интернет.

Учредитель и издатель:
В.А. Лихачёв

Номер издан при поддержке Кольского центра охраны дикой природы (г.Апатиты), Мурманского областного краеведческого музея, Музейно-выставочного центра АО»Апатит»(г.Кировск), Музея Истории освоения Европейского Севера (г.Апатиты), Музея культуры и быта Кольских саамов (с.Ловозеро), Краеведческого музея Ловозерского ГОКа (Ревда).

Адрес редакции:
184580 п.Ревда, Мурманская область, Комсомольская, 19.
www.vk.com/zemlyatre

Тираж 999 экз.

Редакция знакомится с письмами, оставляя за собой право вступать или не вступать в переписку. Мнения редакторов не всегда совпадают с мнением авторов.

© В.А.Лихачёв

Отпечатано в типографии НП-принт, Санкт-Петербург.

Хроники Луяврурта (Ловозерских тундр) до 1930 года

Вадим Лихачёв

В хронологическом порядке приводятся основные события в истории изучения Луяврурта (Ловозерских тундр) с середины 19-го века по конец 20-х годов 20-го века. Саамское название Луявр-Урт или Луявр-Тунтур (Ловозерские тундры) происходит от названия озера Луявр (Ловозеро).

1516/1517

— Первое упоминание о Ловозерском погосте расположенном в предгорьях Ловозерских тундр в грамоте Василия Ивановича III.

1607/1611

— Первое упоминание Сейдозера (озера в центральной части Ловозерских тундр) в писцовой книге Алая Михалкова при перечислении угодьев Ловозерских саами.

1745

— На карте «Российская Лапландия. Атлас Российский» (1745) появляется изображение Умбозера — озеро которое отделяет Ловозерские тундры от Хибин. На этой же карте показано оз.Ловозеро, но изображение горного массива между Умбозером и Ловозером отсутствует.

1850

— Первое упоминание о Ловозерских тундрах как об отдельном горном массиве в статье А.И. Шренка «Областные выражения русского языка в Архангельской губернии» (1850 г.): «... и Ловозерские Хибены к востоку от Умбозера.»

1873, лето

— Писатель В.И.Немирович-Данченко прошёл летней тропой от Кольского тракта в Ловозерский погост, среди виденных им горных хребтов упоминает «Лавозерский хребет» и большое озеро в Хибинских горах — видимо, Умбозеро.

1876

— Финский исследователь Арвид Генетц (Arvid Genetz) посетил село Ловозеро и, проехав вдоль Ловозерских тундр, определил, что они являются отдельным горным массивом. В его работе впервые в научный оборот вводится саамское название Ловозерских тундр — Луяврурт.

1887, июль

24 июля экспедиция Общества исследователей финской фауны и флоры (рук. Ю.Пальмен) прибывает в Ловозеро. Ими установлено, что Луяврурт (Ловозерские тундры) являются отдельной горной страной, сложенной нефелиновыми сиенитами. 22-хлетний геолог, участник экспедиции Вильгельм Рамзай (Wilhelm Ramsay) осуществляет первые геолого-петрографические и минералогические наблюдения в Ловозерском массиве.

1890

— О.Чильман и Ю.Пальмен публикуют предварительное сообщение об основных результатах экспедиции 1887 г. Это первая опубликованная работа, где даётся описание горной страны Луяврурт.

— Выходит в свет работа В.Рамзая «Geologische Beobachtungenauf der Halbinsel Kola. Nebsteinem Anhange: Petrographische Beschreibungder Gesteinedes Lujavrurt»; в этой статье приводятся первые геологические сведения о Ловозерском массиве, описываются горные породы и минералы Ловозера, в том числе будущие новые минералы — лампрофиллит, лопарит и мурманит.

1892

— В работе А.Ященко «Несколько слов о Русской Лапландии» опубликована легенда о Куйве — знаменитом сейде на Сейдозере в Ловозерских тундрах.

1893

— В.Рамзай публикует подробное описание эвдиалита из Ловозерского и Хибинского массивов.

1894

— Выходит в свет капитальный труд В.Рамзая и В.Гакмана «Das Nephelin syenit gebietauf der Halbinsel Kola» (1-я часть), посвящённый главным образом Ловозерскому и Хибинскому щелочным массивам. Здесь впервые описываются новые горные породы луяврит и тавит. Описан новый минерал, получивший название лампрофиллит.

1896

— В.Рамзай описывает новую щелочную горную породу — уртит, названную им по местонахождению в Ловозерских тундрах (Lujavr-urt).

1910, лето

— Село Ловозеро и горный массив Луяврурт посетил шведский этнограф и археолог Густав Хальстрем — им были обследованы саамские священные места возле Сейдозера и в Ловозерских тундрах.

1910—1911

— Студенты — географ В.Ю.Визе и геолог М.А.Павлов посещают Ловозерские тундры.

1912

— В.Ю.Визе опубликовал в статье «Лопарские сейды» несколько вариантов легенды о Куйве, действие которой присходит в Ловозерских тундрах.

1922

— 17 июля, пленум Мурманского Губисполкома санкционировал постановление ЭКОСО (Экономического совещания) о посылке научной экспедиции для комплексного изучения районов Кольского полуострова. Руководитель экспедиции профессор А.В.Барченко.

1922, август

— А.В.Барченко, рук. научной экспедиции Мурманского ЭКОСО, обследуя «экономическое значение Ловозерского района», посещает Сейдозеро и Ловозерские тундры.

1922

— 23—27 августа: А.Е.Ферсман и Е.Е.Костылёва впервые посещают Ловозерский массив.

1923

— Август — сентябрь: экспедиция под руководством А.Е.Ферсмана (А.Е.Ферсман, Н.Н.Гуткова, Е.Е.Костылёва, А.Н.Лабунцов, Э.М.Бонштедт, Б.М.Куплетский) проводит минералогические и обзорные геолого-петрографические работы в Ловозерском массиве.

1924

— Н.Н.Гуткова проводит минералогические работы на горах Ангвундасчорр и Аллуайв.

— Экспедиция почвоведа В.С.Доктуровского пересекает Ловозерский массив.

1925

— Минералогический отряд Н.Н.Гутковой исследует северо-западную и западную части массива.

— Выходит в свет 1-й том монографии «Хибинские и Ловозерские тундры» (под редакцией А.Е.Ферсмана).

— Начинается строительство железной дороги от ст. Пулозеро до с. Ловозеро (рук. инж. Назаренко).

1926

— Минералогический отряд Н.Н.Гутковой проводит свои работы в Ловозере: исследуется центральная часть массива.

1928

— Выходит в свет 2-й том монографии «Хибинские и Ловозерские тундры». В нём Н.Н.Гуткова публикует первый кадастр минералов Ловозера, включающий 21 вид.

1930

— Отряд Академии наук под руководством Е.Е.Костылёвой производит первые поисково-разведочные работы на циркониевые (эвдиалитовые) руды в Ловозере и отбирает на г.Сенгисчорр 0.5 т богатой эвдиалитом породы для технологических испытаний.

Источники:

Лихачёв В. А. История Ловозерских тундр в дореволюционный период. Историко-краеведческий льманах «Земля Тре» № 1. Ревда. 2013. 44 с. (стр. 2-6)

Пеков И.В. Ловозерский массив: история исследования, пегматиты, минералы. М., 2001. — 464 с. (стр. 130-131)

Ферсман, А.Е. Полезные ископаемые Кольского полуострова : Современное состояние. Анализ. Прогноз / Акад. А.Е. Ферсман ; АН СССР. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. — 345 с.

Мурманский Курьёз

М. Н. Михайлов

Заметка Михаила Николаевича Михайлова — первого директора Мурманского областного краеведческого музея (далее МОКМ) «Мурманский курьёз» была написана к подборке газетных публикаций, сделанной им в 1930 году. Один её вариант в машинописном виде хранится в фондах Мурманского областного краеведческого музея (МОКМ). В 1967 году М.Н. Михайлов прислал в музей ещё один экземпляр данной подборки. В конце машинописного текста стоит подпись автора, дата 12 июля 1967 года и город — Ленинград. Заметка и статьи даются по рукописи 1967 года. Опечатки автора исправлены, в остальном текст приведён без изменений.

Научный сотрудник отдела истории края
ГОБУК МОКМ Г.А. Дзенисов

Редакция альманаха благодарит Мурманский областной краеведческий музей за любезно предоставленные материалы.

Михаил Николаевич Михайлов
(1899 – 1976)

Мурманский курьёз. Случился он в конце 1922 г. А начало было положено 17 июля, когда пленум Мурманского Губисполкома санкционировал постановление Экономического Совещания (ЭКОСО) о посылке научной экспедиции для комплексного изучения районов Кольского полуострова. В этот далёкий год Мурманский край представлялся местом крайней отдалённости, холода, льда, белых медведей, полярной ночи и голода, последнее, естественно, так как и в Петрограде было не очень хлебно. Руководителем этой экспедиции являлся некий А.В. Барченко, якобы профессор и биолог. Известно, что он проявил кипучую деятельность в организации Северной экспедиции Мурманского ЭКОСО и сумел привлечь действительно известных научных работников, волею обстоятельств застрявших там, а именно профессора Надсона, Сулимо-Самойло и других. Профессор Надсон проделал солидную работу по изучению иодосодержащих морских водорослей, отчасти по использованию их в качестве кормов. Надо сказать, что, как только были изгнаны интервенты, Мурманский край пробудился для новой жизни и собственно, случались второе и главное его открытие. В мае месяце 1920 года на станцию Хибины приехали Президент Академии наук СССР А.П. Карпинский, президент Географического общества СССР Ю.М.Шокальский и академик А.Е. Ферсман и вот с того знаменательного дня и началось интенсивное, ежегодное изучение Центральной Лапландии. Однако вернёмся к экспедиции ЭКОСО — Барченко и о ней, её результатах много говорить не приходится — почитайте, пожалуйста, прилагаемые к этой заметке документы и вам станет ясным её курьёз.

«Полярная Правда» — ежедневная газета № 12, л.5, четверг, 20 июля 1922 г. Мурманск.

17 июля Пленум Губисполкома санкционировал постановление ЭКОСО о посылке научной экспедиции во главе которой стоит профессор А.В. Барченко. Денежная и материальная сметы экспедиции утверждены полностью. По полученным редакцией сведениям первый отряд экспедиции во главе с инженером Колосовым уже выехал на Терский берег. В пятницу 12-го июля выезжает из Петрограда агрономический отряд, состоящий из трёх агрономов и одного почвоведа, а в понедельник 24 выезжает известный профессор Надсон и Сулимо-Самойло. Не исключена так же возможность участия в работах экспедиции ректора Петроградского

МИХАЙЛОВ Михаил Николаевич, (01.11.1899—1976), работник культуры, географ, геофизик, палеонтолог, первый директор Мурманского областного краеведческого музея (1926—1929). Род. в г. Раненбург Рязанской губ. (ныне г. Чаплыгин Липецкой обл.). Окончил Тамбовское реальное училище и 2 курса Ленинградского географического института. В 1918—1922 служил в армии. С 1924 работал драгировщиком на Мурманской морской биологической станции. Один из основателей Общества изучения Мурманского края. С августа 1924 назначен заведующим губернского Музея краеведения, к открытию которого (1926) приложил все силы. Одновременно преподавал биологию в школе. С 1929 в Ленинграде. Работал в Геологическом музее АН СССР, затем Палеонтологическом институте. Умер в г. Кировск Мурманской обл.

Кольский Север. Энциклопедический лексикон. А-Я.
http: / /lexicon.dobrohot.org

агрономического института профессора Джандирера и профессора Федченко.

«Мироведение» — журнал, т.XII №1(44), апрель 1923 г. Петроград. Стр. 113. 9-е заседание 29 ноября 1922 г.

А.А. Кандиайн в докладе «В стране сказок и колдунов» поделился впечатлениями о своей поездке в центральную Лапландию (до села Ловозерского), где, по его мнению, местные жители — лопари, судя по сохранившимся предметам обихода и другим древним остаткам, должны происходить от какой-то более культурной расы. Доклады сопровождались большим числом диапозитивов и вызвали большой интерес.

«К открытию древних сооружений в Лапландии». «Последние новости». Газета литературно-общественная №9(31), л.2. Понедельник 26 февраля 1923 г. Петроград.

Под влиянием газетных сообщений об открытых на Русском Севере в Лапландии древних сооружений в виде пирамиды и гигантского барельефа. В Петрограде в последние дни много говорят о том, что благодаря вышеуказанному открытию, с несомненностью устанавливается факт, что на далёком севере процветала эпоха по времени более ранняя, чем эпоха развития египетской цивилизации. По словам профессора Д.О. Святского, в обществе любителей мироведения несколько времени тому назад был сделан доклад гражданином Кандиайном, участником экспедиции в Лапландию, которой и было сделано вышеуказанное открытие лапландских древних сооружений. Когда докладчик коснулся открытия этих сооружений, то всех слушателей удивило, что участники экспедиции видели открытые ими древние сооружения в бинокль на 15-ти вёрстном расстоянии и сделали лишь карандашные наброски сооружения. На вопрос слушателей по окончании доклада, почему участники экспедиции не подошли сами к виденным ими сооружениям, докладчик отвечал, что им помешала погода.

«У Колыбели» (из беседы с профессором А.В. Барченко — руководителем Кольской Экспедиции). «Красная газета». Вечерний выпуск №47 (128), л.2. Среда 28 февраля 1923 г. Петроград.

«Возвратившийся в Петроград руководитель Кольской экспедиции Мурманского Губэкосо проф. А.В. Барченко в беседе с нашим сотрудником поделился следующими сведениями о своих открытиях в глубине Лапландии. Первая задача обследовать экономическое значение Ловозерского района. Попутно удалось собрать немаловажный этнографический материал, в особенности относительно старейших жителей Лапландии — лопарей. В обследуемом нами районе лопарей насчитывается не более 400, а на всю Мурманскую губернию приходится сейчас, пожалуй, не более 1000. Живут лопари совершенно обособленно, со своими обычаями и повериями, насчитывающими сотни и тысячи лет. По религии лопари числятся православными, и по отзывам местного священника они очень ревностны в выполнении религиозных обрядов. Между тем, на вопрос, кому вы молитесь, в глубине острова можно неизменно получить ответ: «богу-солнцу». При подробных же расспросах лопари тотчас же начинают уверять, что этот бог и есть Иисус Христос, что так их учили, и проч. и проч. Между прочим выяснилось, что лопари до сих пор приносят бескровные жертвы в виде съестных припасов, табаку и прочее как вышеупомянутым остаткам изваяний, так и священному холму на лежащем верстах в 5 от Сейд-озера Ловозере — священном острове — «острове Славы», Кыйтсуэл.

Лопари крайне суеверны, и в их быту огромную роль до сих пор играют колдуны и знахари. Среди

этих персонажей, в массе представляющих из себя типичных истериков, а то и просто мистификаторов, немало, однако, весьма интересных хранителей древнейших преданий, древнейших суеверий, облеченных иногда в любопытную поэтическую форму.

До сих пор лопари русской Лапландии чтут остатки доисторических религиозных центров и памятников, уцелевших в недоступных для проникновения культуры уголках края. Например, в полутораста верстах от железной дороги и верстах в 50 от Ловозерского погоста экспедиции удалось обнаружить остатки одного из таких религиозных центров — священное озеро Сейд-озеро с остатками колоссальных священных изображений, доисторическими просеками в девственной тайболе (чаще), с полуобвалившимися подземными ходами-траншеями, защищавшими подступы к священному озеру. Местные лопари крайне недружелюбно относятся к попыткам более тщательно обследовать интересные памятники. Отказали экспедиции в лодке, предостерегали, что приближение к изваяниям повлечёт всевозможные несчастия на наши и их головы и пр. У ряда авторитетных этнографов и антропологов имеются указания, что лопари являются старейшими предками народностей, покинувших впоследствии северные широты. В последнее время упрочивается также теория, согласно которой лопари, параллельно с карликовыми племенами всех частей света, представляются древнейшими прародителями ныне значительно более высокорослой белой расы. Вот почему изучение и исследование этой колыбели человечества, затерянной в непроходимых чащах и дебрях нашего Севера, представляет собой в высшей степени высокий научный интерес.»

Статья подписана инициалами «В.Р.»

А.В.Барченко (слева вверху), участники экспедиции и Сейдозерские саамы. 1922 г. Источник: Интернет

«Мироведение» — Известия русского общества любителей мироведения. Т. XII №2 (45) сентябрь 1923 г. Петроград. Стр. 233. 13-е заседание 18 апреля 1923 г.

А.А. Кандиайн повторил вкратце свой доклад «В стране сказок и колдунов» (из поездки в центральную Лапландию). Продолжительный обмен мнений, выступление начальника экспедиции А.В. Барченко и ряд диапозитивов с посещением мест не рассеяли сложившееся у многих присутствующих мнение о малой объективности докладчика при описании своих наблюдений и открытий, так как представленные фотографии дают возможность делать весьма противоположные выводы.

Примечание редакции <«Мироведения»>: В газете «Полярная правда» (№32, от 17 августа 1923 года) напечатан «Акт о следах так называемой

Лапландская экспедиция (1922 г.). *Слева направо:* проводник М.Распутин, А.В.Барченко, Н.Барченко, Л.Н.Шишелова-Маркова, Ю.В.Струтинская, А.А.Кондиайн, неизвестный, Семенов (корреспондент «Известий»). *Из архива семьи Кондиайн (Андреев, 2004)*

«древней цивилизации в Лапландии». Проведённых обследованием товарища Арнольда Колбановского 3 и 4 июля 1923 г., из которого видно, что последний вместе с другими лицами, взявши с собою проводника экспедиции Барченко и Кандиайна посетил все, казавшиеся неприступными для этой экспедиции, места, сфотографированные издали, и не нашли в них ничего археологического. «Статуя старика» на Сейдозере представляет из себя не что иное, как выветренные тёмные прослойки в отвесной скале, издали напоминающие своей формой подобие человеческой фигуры, а знаменитая «пирамида» — обыкновенное каменистое вздутие на горной вершине. Экспедиция академика А.Е. Ферсмана, побывавшая на этих местах, тоже не нашла в них ничего археологического.

«Наука и жизнь», «Горе-учёные». «Открытие» пирамид и «опровержение» открытия. «Полярная правда» — ежедневная газета, г. Мурманск №32, л.4, 17 августа 1923 года.

В прошлом году, летом Мурманский губисполком поручил гражданину Барченко, биологу, произвести некоторые обследования в центре Лапландии. Попутно со своими работами он «открыл» пирамиду — метод открытия — пылкое воображение. Не менее странным является и опровержение этого открытия. Некто Колбановский, применяя метод «всезнайства», очень легко сумел опровергнуть «научные» открытия, прибегнув к милицейскому акту. В его «научном опровержении» — акте не хватает подписи представителя РКИ, а по сему оное считаем недействительным. При сем прилагается:

АКТ

(О следах так называемой «древней цивилизации в Лапландии», проведённых обследованием товарища Арнольда Колбановского, совешенного 3 и 4 июля 1923 года.)

3-го июля т. Колбановский выехал из погоста Ловозерского по Ловозеру в сопровождении предволисполкома ловозерского товарища Шарупича, секретаря волисполкома товарища Чупрова, милиционера волости товарища Шевелева и гражданина Распутина. Товарищ Колбановский поставил своей целью проверить данные о найденных в прошлые годы Экспедицией Мурманского Губисполкома под руководством гражданина Барченко, якобы следах «Древне-лапландской цивилизации». Товарищем Колбановским указывалось, что один из участников этой экспедиции гражданин Кандиайн выступил этой весной в городе Петрограде с лекцией, в которой привел ряд сомнительных доказательств вероятности существования такой цивилизации. Среди этих доказательств фигурировал также недоступный остров в Ловозере, на котором будто бы заметны тени истуканов. Это аргумент относится к данным о суевериях и элементах первобытной культуры лопарей.

Гражданин Распутин, сопровождавший в прошлом году открывших «цивилизацию» исследователей, подтверждает, что попытки попасть на остров никак не удались. Вторичная попытка едва не стоила жизни, так как в озере, бурном около «заколдованного» острова (именно поэтому он и заколдован) поднялись смерчи. Товарищу Колбановскому, несмотря на всякие отсоветования ловозерских граждан, в сопро-

Лапландская экспедиция (1922 г.). *Справа налево:* проводник, А.В.Барченко, Н.Барченко, Л.Н.Шишелова-Маркова, Ю.В.Струтинская. Архив семьи Кондиайнов (Андреев, 2004).

Одна из находок. «Камень-жертвенник». 1922 г. Архив семьи Кондиайнов (Андреев, 2006).

вождении указанных товарищей удалось прибыть на остров 3 июля. Полуторачасовое обследование не дало никаких полезных результатов. На острове поваленные бурями деревья, однако, никаких истуканов там нет. А есть туча комаров. Пытались отыскать заколдованные оленьи рога, которые давно — по легенде лопарской — потопили наступавших шведов. Эти рога насылают «погоду» на всех, кто пытается приблизиться к острову с недобрыми намерениями (а также с целью обследования), особенно, на женщин.

4 июля ночью товарищ Колбановский выехал в Сейдозеро. «Статуя старика» оказалась такой же призрачной «статуей», как истуканы на упомянутом озере. Это ничто иное, как выветренные тёмные прослойки в отвесной скале, издали напоминающие своею формой подобие человеческой фигуры. Тоже можно сказать о «поваре» на одной из вершин Сейдозерских стен — Хибинских гор.

Но самым существенным документом в пользу существования древней цивилизации, является изображенная в литературном приложении «Петроградской правды» и снятая экспедицией Барченко «пирамида». Товарищ Колбановский высадился у южного берега Мотки-губы и по указаниям гражданина Распутина уже раз открывшего пирамиду (издали), направился вместе с остальными товарищами к чудесному памятнику старины. Подошли вплотную. Глазам представилось обыкновенное каменистое вздутие на горной вершине. Тоже выяснено с площадкой и колоннами на угловом отроге Мотки-губы с юга.

Подписи: инициатор обследования — Арнольд Колбановский.

Сопровождающие:

Предволисполкома 16. 07. 1923 г., член РКП, партбилет №659721 — Шарупич.

Секретарь Волисполкома — Чупров.

Милиционер волости — Шевелев.

Подтверждение гражданина Михаила Распутина, проживающего в погосте Ловозерском, сопровождавшего в 1922 г. группу экспедиции гражданина Барченко по Ловозеру и Сейдозеру, бывшего свидетеля их галлюцинаций, занесенных под видом новой Атлантиды в умы легковерных граждан города Петрограда.

Показание гражданина Распутина:

Подтверждаю, что в прошлом году я был проводником экспедиции Барченко. Экспедиция ограничивалась фотографиями тех мест, которые 3 и 4 июля 1923 года хорошо были осмотрены в моем присутствии Колбановским, как то: запретный остров в Ловозере, статуя старика в Сейдозере «повар», пирамида, площадка с колоннами. Я сопровождал Колбановского. Правильность акта подтверждаю.

Распутин.

Акт составлен в погосте Ловозерском 16 июля 1923 год подтверждаем, что гражданин Михаил Распутин, действительно сопровождал экспедицию профессора Барченко и других на запрещённый остров Ловозера и на Сейдозеро. Житель Ловозера: А. Терентьев.

Собственноручные подписи удостоверяются:
Председатель В.И.К. — Шарупич.
С подлинным верно.

Михаил Иванович Распутин (1880-1933) с дочерьми. Русский. Священник Ловозерской Богоявленской церкви. Репрессирован в 1931 году. Реабилитирован посмертно. *Фото из архива Музея истории, культуры и быта кольских саамов (Ловозеро).*

О Михаиле Распутине смотрите также в очерке Зинаидцы Рихтер в данном номере альманаха (стр.75) (прим. ред.)

Александр Барченко: факты биографии

А.В.Барченко - гимназист
(Андреев, 2002)

Александр Васильевич Барченко родился 25 марта 1881 в г. Елец. Умер в Москве 25 апреля 1938. Известен как русский писатель, журналист, биолог.Его отец, Барченко Василий Ксенофонтович, был присяжным поверенным Елецкого окружного суда, владел нотариальной конторой, дружил с писателем Иваном Буниным.

В 1898 году Александр Васильевич окончил петербургскую гимназию. Два с половиной года слушал лекции в Казанском и Юрьевском (Дерптском) университетах, на медицинских факультетах, но прекратил учение «за неимением средств».

В 1905 —1909 годах А. В. Барченко в поисках своего призвания и с целью заработка объехал «в качестве туриста, рабочего и матроса большую часть России и некоторые места за границей», в том числе, не исключено, что побывал в Индии. В этот же период Барченко начинает увлекаться тем, что мы называем «эзотерикой».

1904 —1914 годы зарабатывал в литературным трудом. В 1909 — 1911 годах занимался также «рукоганием», давал, с разрешения полиции, частные консультации в Боровичах Новгородской губернии. В 1910 году в Нарве издаёт собственную газету. Писательский дебют А.В.Барченко — рассказ «Конец компании «Радий» (1911). Его рассказы под псевдонимами А. Нарвский и А. Елецкий печатались на страницах журналов «Мир приключений», «Жизнь для всех», «Русский паломник», «Природа и люди», «Исторический журнал». В 1913 году в номерах 1 — 5 приложения к еженедельнику «Природа и люди» он опубликовал роман о «современной жизни» — «Доктор Чёрный». В 1914 году выходит из печати роман «Из мрака» и сборник рассказов «Волны жизни» с иллюстрациями автора. Прообразом героя мистической дилогии «Доктор Чёрный» (1913-1914) послужил П.Д.Успенский, русский философ и теософ. В дилогии изложены в рамках авантюрного романа некоторые теософские идеи Успенского, которыми был увлечён Барченко. В 1918 году сотрудничает в еженедельнике «Вестник труда»; один из организаторов издательства «К свету». В том же году вышло второе издание его повести «Океан-кормилец» (из жизни мурманских промышленников). Этим романом завершается его литературная деятельность. Участник Первой мировой войны, ранен на фронте в 1915. Известно, что он и его жена хлопотали о получении пенсии по причине контузии. «...Характер моей болезни (органическое поражение мозга и припадки эпилепсии) требует лечения непрерывного в течение долгого времени» (Кудрявцев, 2006).

Осенью 1918-го года Барченко поступил на естественно-географический факультет открывшихся в Петрограде одногодичных Высших педагогических курсов. В заявлении в правление курсов Александр Васильевич указал на желание «посвятить себя педагогической деятельности в качестве преподавателя географии». Год спустя, прослушав курс «по географическому циклу», Барченко обратился в Совет академии с просьбой принять его в число слушателей-стипендиатов «на химический цикл». В результате Барченко был повторно принят в академию. Правда, не на физико-химический, а на биологический цикл, который и закончил благополучно весной 1920 г. (Андреев, 2006: 259-260). После ранения, вернувшись с фронта, он некоторое время служил в Министерстве финансов.

Сфера научных занятий после 1918 г. — астрономия, гипноз, электромагнитные излучения мозга. «В годы Первой мировой войны Барченко начал осуществлять опыты по изучению особых форм энергии и телепатии. Вскоре после революции 1917 года он читал лекции на тему древних цивилизаций, обладавших будто бы высочайшим уровнем научных знаний, и рассказывал о сакральном смысле древних мифов. Поиски «духовного

абсолюта» и «высшей силы» привели Барченко к союзу с новой властью, так как в коммунистическом учении наш герой почувствовал родство со своими нравственными идеалами» (Мороз, 2005).

Что касается мировоззрения Барченко, биографы говорят о том, что он увлекался идеями французского мистика конца XIX — начала XX столетия Сент-Ив д'Альвейдра, был связан с петербургскими теософами, последователями Блаватской, находился под влиянием книг Элифаса Леви, и был знаком с учениками Георгия Гурджиева. Особую роль в формировании воззрений Барченко сыграли контакты с тибетскими ламами, которые посещали Санкт-Петербург—Петроград—Ленинград, останавливаясь здесь при буддийском храме, открытом в 1915 году в пригороде Старая Деревня. Барченко был хорошо знаком с его обитателями, включая воспитателя и посланника Далай-ламы Агвана Дорджиева. Сам Барченко особо выделял среди своих буддийских наставников ламу Нага Навен, представлявшего интересы Панчен-ламы и Хаян Хирва. Хаян Хирва являлся членом ЦК Монгольской народной трудовой партии, занимая при этом пост начальника государственной охраны. «Революционные буддисты посвятили Барченко в учение Калачакры, которое российский мистик переосмыслил в соответствии с воспринятыми им ранее оккультными идеями. Барченко был убеждён в том, что самые разные его учителя воспроизводят идеи единого древнего знания, которое являлось достоянием давно исчезнувших великих цивилизаций» (Мороз, 2005).

Известно, что Барченко встречался с представителями секты странников-голбешников (от «голба» — подполье), которые искали земной рай — Беловодье, прототип буддийской Шамбалы. В переписке с бурятским учёным Г. Цыбиковым, автором книги о паломничестве в Тибет («Буддист-паломник у святынь Лхасы»), Барченко рассазывает о представителе этой секты — костромском крестьянине Михаиле Круглове, который разыскал его в Москве и посвятил в своё учение (Андреев, 2002:107). Позднее Барченко познакомился и с духовным учителем голбешников — старцем Никитиным из Костромы. Барченко планировал путешествие в Тибет, где он собирался продолжить свои поиски «древней науки», в частности совместив их с поисками легендарной Шамбалы, где, по его мнению, эта наука сохранилась в наиболее чистом виде.

«Барченко выступал на кораблях Балтийского флота и вдохновлял революционных матросов описаниями существовавшего некогда Золотого века, который он отождествлял с первобытным коммунизмом. Впечатление, произведённое этими откровениями, было столь значительным, что, когда в 1920 году Барченко планировал экспедицию на Тибет, где он надеялся отыскать легендарную Шамбалу, двое моряков захотели его сопровождать и обратились с такой просьбой в Наркомат иностранных дел. Ситуация напоминает, как кажется, сюжет «Аэлиты» Алексея Толстого, где матрос помогает исследователю в его экспедиции на Марс» (Мороз, 2005).

Вместо Тибета Барченко попадает на Кольский полуостров. В феврале 1921 года он отправляется на Мурман в сопровождении трёх спутниц — преданных учениц и соратниц — жены Наталии, личного секретаря Юлии Вонифатьевны Струтинской и Лидии Николаевны Марковой. Позднее в апреле на Мурман прибывает и друг и компаньон Александр Кондиайн с женой Э.М.Месмахер.

Чем же занимался Александр Васильевич на Кольском?

Известно что Барченко пробыл на Севере около двух лет. Как вспоминает мурманский краевед Я.А. Камшилов, он работал в Мурманском губземуправлении — заведовал научно-исследовательской (испытательной) сельхозстанцией, которую оборудовал сам зимой 1921 г. (Андреев, 2006: 303).

Имеются факты о том что Барченко сотрудничал с биологами Мурманской биологической станции (г.Александровск). О встречах с Надсоном, Клюге, Книповичем упоминает Я.А.Камшилов. Известно, что биологические изыскания А.В.Барченко были связаны с изучением водорослей. Его биограф А.И.Андреев утверждает что Барченко самостоятельно вёл исследования по извлечению агар-агара из красных водорослей (Андреев, 2002). На биостанции этим вопросом занимался Г.А.Надсон.

В 1920-м году у Барченко завязались дружеские отношения с акад. В.М. Бехтеревым и рядом других ведущих сотрудников Института мозга. Учёная конференция института выбрала его - по предложению Бехтерева - своим представителем на Мурмане и официально командировала в этом качестве (Андреев, 2006: 289) (см. также переписку с В.М.Бехтеревым в данном номере альманаха).

Летом 1922 г. Барченко был назначен руководителем научной экспедиции Мурманского ГубЭКОСО (Губернского экономического совещания).

1922 г.	Скульптурная подставка	Одна из не-гыр Сейдъ-ра.	Барченко А.В. (хранится у него же)

Из таблицы «Материалы к карте археологических находок и открытий на Кольском полуострове»(1940). Архив МОКМ.

А.В.Барченко. Снимок периода Первой мировой войны. (Андреев, 2002)

А.В.Барченко. (1918). ЦГА СПб. (Андреев, 2004)

А.В.Барченко. (1922). Архив семьи Кондиайнов (Андреев, 2002)

В «Полярной Правде» (№ 12, л.5, четверг, 20 июля 1922 г. Мурманск) была опубликована заметка:

«17 июля Пленум Губисполкома санкционировал постановление ЭКОСО о посылке научной экспедиции во главе которой стоит профессор А.В. Барченко. Экспедиция состояла из нескольких отрядов — к работе были привлечены известные учёные.

Денежная и материальная сметы экспедиции утверждены полностью. По полученным редакцией сведениям первый отряд экспедиции во главе с инженером Колосовым уже выехал на Терский берег. В пятницу 12-го июля выезжает из Петрограда агрономический отряд, состоящий из трёх агрономов и одного почвоведа, а в понедельник 24-го выезжает известный профессор Надсон и Сулимо-Самойло. Не исключена так же возможность участия в работах экспедиции ректора Петроградского агрономического института профессора Джандирера и профессора Федченко».

В рамках деятельности экспедиции ЭКОСО А.В.Барченко совершил две экспедиции — на остров Кильдин и в Ловозерские тундры.

Как отмечает в своём письме краевед Яков Камшилов петроградский учёный провел на острове Кильдин «исследование по определению естественных запасов кормов для крупного рогатого скота». Об этих своих работах он докладывал на заседаниях Губисполкома.

Исследователь биографии Барченко А.И.Андреев предполагает (видимо на основании письма Я.А. Камшилова), что на Могильном острове им была сделана «археологическая находка» — выполненная из камня фигурная «подставка», которую он называл «капителью» и которая предположительно была передана в Мурманский краеведческий музей (Андреев 2004: 307)).

В Мурманском областном краеведческом музее хранится любопытный документ «Материалы к карте археологических находок и открытий на Кольском полуострове»(1940), где имеется следующая запись:

«3. Скульптурная подставка. Найдена у входа одной из пещер Сейдозера в 1922 г. А.В.Барченко. Хранится у него же.»[1]

Запись подтверждает что у А.В.Барченко действительно был артефакт в виде «подставки», но происхождение этой находки не совсем ясно — то ли она была найдена на Кильдине, то ли позднее на Сейдозере, да и куда она подевалось тоже непонятно.

На Мурмане Барченко много и увлечённо занимается краеведческими изысканиями в качестве профессора и заведующего Морским институтом краеведения высшего типа (краеведческое движение в стране в 1920-е гг. находилось на подъёме) — изучает прошлое Кольского полуострова, быт и верования коренных жителей, лопарей. В то же время он занимался и научно-просветительской деятельностью. В удостоверении, выданном Барченко Мурманским исполкомом 1 июля 1921 г., даётся высокая оценка этой его работе. В нём, в частности, отмечается, что А.В. Барченко «обнаружил выдающиеся качества, как специалист, знаток края, талантливый лектор-популяризатор и исключительный по знаниям и работоспособности организатор научно-просветительского дела, оказавший исключительные услуги просвещению в крае»(Андреев, 2004).

Э.М.Кондиайн вспоминала что как-то раз они застали своего друга в большом сарае, где он с увлечени-

---

[1]. Автор статьи благодарит сотрудника МОКМ Константина Коткина за предоставленную возможность ознакомиться с этим любопытным документом.

А.В.Барченко
В Лефортовской тюрьме
(из следственного дела) 1937 г.

ем читал лекцию группе матросов (Андреев, 2006:33). Имя Барченко упоминается в очерках истории Мурманской партийной организации в одном ряду с именами акад. А.Е.Ферсмана, Н.М.Книповича, Н.И.Прохорова и К.М. Дерюгина (Очерки истории Мурманской организации КПСС. Мурманск, 1969. С. 85.)

После возвращения с Мурмана продолжилась научная карьера Александра Васильевича. 27 октября 1923 года он был принят Главнаукой на работу в качестве учёного-консультанта (Брачев, 2006: 164). Вместе с единомышленниками Барченко создаёт тайную организацию — Единое трудовое братство (ЕТБ). Моделью для него стало Единое Трудовое Содружество Георгия Гурджиева. С бывшими членами которого (например, С. П. Шандаровским) Барченко был знаком лично. Цель ЕТБ состояла в «изучении философии, истории, мистики и нравственном совершенствовании».

«Проповедь непротивления, христианского смирения, помощь человеку в нужде, не входя в обсуждение причин нужды, овладение одним из ремёсел, работа в направлении морального саморазвития и воспитание созерцательного метода мышления — в этом я видел ближайшие функции ЕТБ, ориентирующегося на мистический центр Шамбалу и призванного вооружить опытом «древней науки» современное общество» - этут цитату из «признания» следователю приводит в своей статье внук Барченко - Святозар, сумевший в своё время ознакомиться с некоторыми документами следственного дела отца (Барченко, 1991: 17).

В 1925 году Барченко уходит из Главнауки на должность консультанта в научно-технический отдел ВСНХ (Высший Совет Народного Хозяйства). «В своём первом письме Цыбикову, написанном весной 1927 г., он сообщал о том, что в течение двух лет работает в научно-техническом отделе ВСНХ, занимаясь исследованиями в области гелиодинамики и лекарственных растений» (Андреев, 2006: 398).

В этом же году он серьёзно готовится с другими членами ЕТБ в экспедицию в Тибет, через Афганистан. Но, несмотря на поддержку чекистов из спецотдела ОГПУ (Бокий, Владимиров), экспедиция срывается. Вместо этого Барченко отправляется на Алтай.

«Цель этой поездки, по-видимому, организованной Г.И. Бокием, состояла в том, чтобы установить связь с представителями «русской ветви традиции Дюнхор», искателями Беловодья. Э.М. Кондиайн сообщает нам маршрут путешественников — через Семипалатинск, Усть-Каменогорск, пароходом по Оби и Иртышу, а затем на лошадях в горы. Конечный пункт — селение Катон-Карагай, расположенное в живописной Бухтарминской долине. Там рассчитывали встретить тех, кто некогда ходил в Беловодье-Шамбалу.» (Андреев, 2006: 387).

В конце 1925 года при поддержке начальника специального (шифровального) отдела при ОГПУ Г.И. Бокия удалось организовать небольшую группу для изучения Древней науки — кружок большевиков-эзотериков. В эту группу вошли ведущие сотрудники спецотдела — Гусев, Цибизов, Клеменко, Филиппов, Леонов, Гопиус, Плужницов, а также его начальник Бокий (Андреев, 2006: 390).

21 мая 1937 года Барченко был арестован. 11 месяцев тюрьмы. 25 апреля 1938 года осуждён Военной Коллегией Верховного Суда СССР под председательством В. Ульриха к высшей мере наказания по обвинению в соз-

дании масонской контрреволюционной террористической организации «Единое трудовое братство» и шпионаже в пользу Англии (пункты 6, 8 и 11 статьи 58 УК РСФСР). Расстрелян через 15 минут после вынесения приговора в Лефортовской тюрьме. Семье уже после реабилитации сообщалось, что он умер в лагере в 1943, а дело уничтожено в Москве в 1941 во время подготовки к эвакуации. Однако в годы перестройки внуку было разрешено прочитать некоторые страницы сохранившегося в архивах дела.

Были конфискованы и уничтожены все рукописи А.В.Барченко, в том числе и его главный научный труд «Введение в методику экспериментальных воздействий энергополя» и книги приложений к нему, которые он готовил к печати, а также библиотека на нескольких языках.

В заключение хочется отметить, что, несмотря на спорность научных достижений и эзотерических прозрений, Александр Васильевич Барченко, имея некоторое влияние на отдельных руководителей страны Советов, был движим весьма благородной целью, которую он сформулировал как «скорейшее ознакомление крупнейших идейных руководителей Советской власти с истинным положением вещей, с истинной ценностью тех древнейших бытовых особенностей Востока, к разрушению которых Советская власть подходит так примитивно и грубо не из злостных побуждений, но по неведению, действуя с глазами, завязанными ей авторитетом западноевропейской академической науки». Он был уверен в том, что «самым сильным, самым авторитетным и убедительным орудием в этом может послужить подтверждение, что Восток до сих пор владеет в неприкосновенности не только случайно уцелевшими практическими формулами тантрической науки»(Из письма Барченко Г.Ц.Цыбикову от 24 марта 1927 г. Цит. по: Андреев, 2002: 153—154).

Факты собирал В.А.Лихачёв

Источники:

Андреев, 2002 = А. И. Андреев. Время Шамбалы: Оккультизм, наука и политика в советской России. СПб.: Издательский дом «Нева», М.: Олма-Пресс, 2002.

Андреев, 2004 = Андреев А. Оккультист страны Советов. — М, 2004.

Андреев, 2006 = Андреев А., Бережков В. Оккультисты Лубянки. - М.: Издатель Быстров, 2006.

Барченко, 1991 = Барченко С.А. Время собирать камни. Вступит, статья // Барченко А.В. Из мрака. М., 1991

Брачев, 2004 = Брачев В. «Единое Трудовое Братство» А. В. Барченко // Чекисты против оккультистов: оккультно-мистическое подполье в СССР / В. Брачев. — М. : Яуза : Эксмо, 2004. — С. 271-305.

Брачев, 2006 = Брачев В. С. Тайные общества в СССР. — СПб: Стомма, 2006. 390 с.

Вуколов, 2000 = Вуколов А. Александр Барченко — человек-загадка // Медицинская газета. — 2000. — 7 апр. — С. 15.

Гаранга, 2001 = Гарнага С. Потерянный рай // . — Совершенно секретно, №1/140, 2001. http://www.sovsekretno.ru/articles/id/575/

Дёмин, 1997 = Дёмин В. Н. // Тайны русского народа / В. Н. Дёмин. — М.: Вече, 1997. — С. 6-21.

Заусайлов, 2007 = Заусайлов В. Елецкий нотариус : [о елец. нотариусе, купце, потомств. почет. гражданине В. К. Барченко и судьбе его семьи] // Липецкая газета. — 2007. — 13 янв. — С. 4.

Мороз, 2005 = Евгений Мороз. Коммунизм и еврейская магия. Эпизод истории двадцатых годов. «Нева» 2005, №6 http://magazines.russ.ru/neva/2005/6/mo19.html

Кудрявцев, 2006 = Кудрявцев Э. Новое об оккультисте Страны Советов // «Нева» , №12. — 2006. http://magazines.russ.ru/neva/2006/12/ku27.html

Ляпин, 2012 = Ляпин Д. Религиозное воспитание и интерес к мистике // Талисман. — 2012. — 12 мая (№ 10). — С. 6.

Шишкин, 1999 = Олег Шишкин. «Битва за Гималаи: магия и шпионаж» (М., 1999)

Шишкин, 2007 = Шишкин О.А. Доклад Начало оккультного и паранормального проекта ОГПУ: декабрь 1924-го — август 1925 года и его отголосок // научной конференции «The Occult in 20th Century Russia / Оккультизм в России: Metaphysical Roots of Soviet Civilization» в Harriman Institute. — 2007.

Чемякина, 2011 = Карма елецкого фантаста: к 130-летию со дня рождения Александра Барченко / подгот. И. Чемякина // Липецкая газета: итоги недели. — 2011. — № 52 (19-25 дек.). — С. 46-47.: фото.

Произведения А.В.Барченко:

Волны жизни : сб. рассказов. — С.-Петербург : В. И. Губинский, 1914. — 84 с., 8 л. ил.

Из мрака : романы, повесть, рассказы. — М. : Современник, 1991. — 541 с. — Содерж.: Романы: Доктор Чёрный; Из мрака; Золото: повесть; Рассказы: Хозяева воздуха; На берегу; На льдине; Ненастоящее; Спаситель; Сват; Частное дело.

Письма Бехтереву
(о мурманском периоде)

А.В.Барченко

Текст писем А.В.Барченко В.М.Бехтереву впервые опубликован в книге А.И.Андреева «Оккультист страны Советов». — М, 2004.

Отрывок из письма А.В.Барченко В.М.Бехтереву от 8-го января 1921 ЦГА СПб. Ф. 2265. ОП.1. Д. 65. Л. 130-131 об.

Высокочтимый Владимир Михайлович!

Направляю вам «положения», резюмирующие мой доклад[1]. Третьего дня я направлял их в Институт, но посланный там никого не застал, и не знал, кому передать.

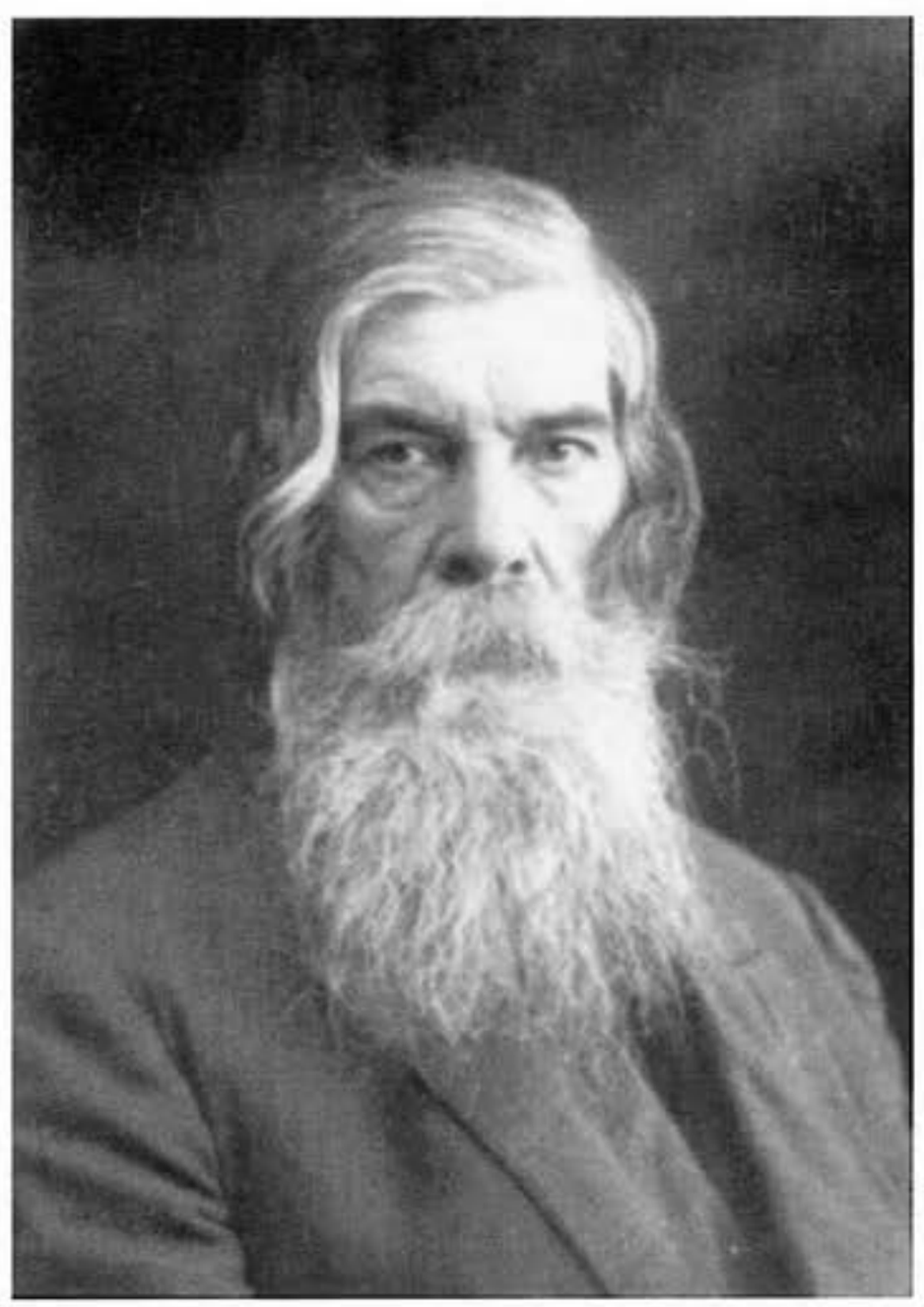
Если Вы ничего не имеете против, я думаю, можно вовсе избежать переписки и рассылки «положений».

В заседании 10-го я прочту сначала «положения» в полном объёме, а засим, с листа же, буду предлагать на обсуждение каждый пункт отдельно. Впрочем, порядок обсуждения, разумеется, всецело зависит от Вас.

Теперь разрешите утрудить Ваше внимание следующим. Я обязан уехать в Мурманск никак не позже 16-го. Вернуться в Петроград я получу возможность лишь в конце февраля. Россию я, во всяком случае, какие бы личные выгоды мне ни представлялись, покину, лишь только представится к тому легальная возможность. Я имею основания надеяться, что такая возможность представится мне не позже середины лета. В Россию я ранее 10 лет возвратиться возможности не получу. Тратить непроизводительно полтора месяца при таких условиях представляется мне недопустимым.

Посему, если точка зрения, освещённая мною в докладе, кажется Вам серьёзной, я просил бы Вас теперь же войти в обсуждение дальнейшего моего отношения к исследованию интересующей Вас области.

1 Имеется ввиду доклад А.В.Барченко составленный в форме тезисов «положений») и озаглавленный «Дух древних учений в поле современного естествознания» (прим. ред.)



В.М.Бехтерев

Приемлемой для меня формой [сотрудничества] в этом направлении мне представляется следующее.

Если 10-го «защита» мною своих «положений» от возражений произведет на Вас впечатление серьезности, Вы, быть может, не откажете установить между мною и институтом определённую конкретную связь, предложив Конференции моё сотрудничество в качестве ассистента по кафедре, какую сочтёте для такой работы подходящей.

Ни жалованья, ни пайка по сей должности мне не нужно. Мне необходимо лишь иметь возможность: 1) вести систематическую работу в конкретных рамках, в контакте с людьми, коим я в полном объёме доверяю; 2) аргументировать перед своим Морским начальством по Мурманскому Политотделению мои поездки в Петроград и по [Кольскому] полуострову (для приглашения из лопарских становищ интересных для нашей работы перцепиентов и перевозки их в Мурманск и Петроград) и ту работу, с коей сопряжено развитие плана исследований. Вам известно детское тяготение современной администрации к

канцелярским формам. Если мои отношения к Институту не будут легализованы в фиксированной форме, я не получу досуга для работы по интересующему Вас вопросу и рискую застревать в Мурманске в моменты, наиболее удобные для контакта с работающими в Петрограде. Тем более, что все мои связи с Петроградом (семья, квартира и пр.) к 16-му ликвидируются для перевода в Мурманск.

В февральский мой приезд из Мурманска я представлю в заседании Института или той группы, которую Вы объедините, детально разработанный проект органа, предусмотренного п. XXIX «положений». Этот орган может быть образован или при Институте непосредственно, или в виде секции при Вашей Комиссии.

И в том и в другом случае орган возглавляется Вами и работает под непосредственным Вашим руководством. Тогда же я представлю детально разработанный на ближайший год план работ органа и проект мотивированного доклада об отпуске средств на работы.

В следующий через полтора мес. приезд я представлю детально разработанные планы исследования применительно к каждому объекту, к тому времени персонально уже фиксированному.

В конце мая я получу возможность приехать в Петроград уже на полтора-два месяца. Лично помогу Вам в оборудовании «магической» лаборатории, доставлю Вам объекты для исследований и, если разрешите, приму личное участие в постановке экспериментов.

В июле надеюсь получить легальную возможность ехать из России на Восток. Около 2 лет я располагаю провести в некотором пункте, находящемся всего в 460 верстах от русской границы, откуда почта ходит вполне регулярно. Таким образом, я буду иметь возможность поддерживать с Вами живую и регулярную связь ещё 2 года и, если Бог даст, получу возможность пригласить подходящее из объединённой Вами группы лицо для непосредственных наблюдений на месте явлений, которые в европейской обстановке воспроизведены быть не могут. Почему — Вы сами ясно поймёте, когда глубже ознакомитесь с механизмом явлений.

К тому времени, когда мне можно будет уйти дальше и связь наша превратится в пользование редкими случаями, Вы с объединённой Вами группой настолько уже ориентируетесь в области, для Европы ещё совершенно тёмной, что Ваша самостоятельность в исследовании не представит риска

№ 32—1911 ПРИРОДА и ЛЮДИ. 513

— Но вѣдь вы сами нѣсколько минутъ тому назадъ сказали, чѣмъ вызванъ этотъ трепетъ. Почтовыя сумки и бараны. Причины очень уважительныя для испанскихъ мужиковъ, но слишкомъ мало говорящія королю французскому...

— Ну, не скажите,—баранья лопатка и бѣлое вино были не безразличны Генриху, по крайней мѣрѣ, когда онъ еще жилъ въ Наваррѣ...

— Не въ этомъ дѣло... Сопротивленье Лиги кончалось, она разбита; Испанія, лишенная поддержки, не въ состояніи вести продолжительной войны; черезъ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и черезъ недѣлю миръ будетъ заключенъ... Но до того я, во что бы то ни стало, долженъ достичь своей заѣтной цѣли. И я хочу...

— Пройти въ Эскуріалъ,—иронически подхватилъ д'Антрагъ,—плѣнить несчастнаго Филиппа и привести его въ Парижъ... Не много ли?

— Да, это много,— невозмутимо согласился съ нимъ донъ Пабло.—Я хочу только взять Сарагоссу, а это гораздо меньше.

Гасконецъ мгновенно вскочилъ на ноги.

— Послушайте,—воскликнулъ онъ, глядя на своего собесѣдника широко-раскрытыми глазами.— Вы это серьезно говорите...

— Какъ нельзя болѣе. Если хотите, повторю.

— Благодарю васъ,—подпрыгивать выше у меня нѣтъ желанія. Будьте только добры отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ: сколько человѣкъ у васъ?

— Сорокъ девять, считая и васъ обоихъ.

— Но не сорокъ девять тысячъ и даже не четыре тысячи девятьсотъ, не такъ ли?

— Къ счастью для васъ, что это такъ. Всякая армія разбилась бы у этихъ стѣнъ.

— А мы?

— Мы вступимъ въ Сарагоссу... И если хотите, я объясню, какимъ путемъ. У меня эта мысль явилась, когда мы встрѣтились съ тѣмъ толстенькимъ монахомъ, помните? Такъ вотъ, судя по возрасту, онъ, вѣроятно, самый обыкновенный инокъ, а между тѣмъ по объемъ у онъ равенъ обоимъ вамъ; слѣдовательно, въ монастырѣ у нихъ не особенно заботятся объ умерщвленіи плоти. Вещественныя доказательства этого печальнаго явленія, въ видѣ остатковъ коровьихъ и бараньихъ тушъ, препровождаются, конечно, въ Эбро. Но какъ? За монастырскую ограду ихъ вывозить не станутъ, во избѣжаніе огласки... Значитъ—въ самой обители есть какой-нибудь каналъ, всего вѣроятнѣе, подземный, который соединяется съ рѣкой. Дѣлать его слишкомъ узкимъ преподобные отцы не стали бы, чтобы избѣжать возможныхъ засореній, и потому я полагаю, что мы въ него проникнемъ безъ труда.

— Прекрасно, мы проберемся въ монастырь. Но что же дальше?..

— Прежде всего лишимъ монаховъ возможности намъ повредить, для чего устроимъ ихъ въ какомъ-нибудь надежномъ мѣстѣ, а сами постараемся не возбуждать лишнихъ подозрѣній и удержать монастырь въ своихъ рукахъ, пока къ намъ, тѣмъ же путемъ не подоспѣютъ остальные... Когда же насъ окажется не пятьдесятъ, а триста человѣкъ, и притомъ за городскими стѣнами, то, полагаю, мы не найдемъ Сарагоссы слишкомъ неприступной...

(Продолж. слѣдуетъ).

Рис. 2. а и в — мѣдныя оплетенки; г — мѣдная рамочка; б — алюминій; е — шелковые обводки.

ПЕРЕДАЧА МЫСЛЕЙ НА РАЗСТОЯНІЕ.

Опыты съ „мозговыми лучами".

Очеркъ А. Барченко.

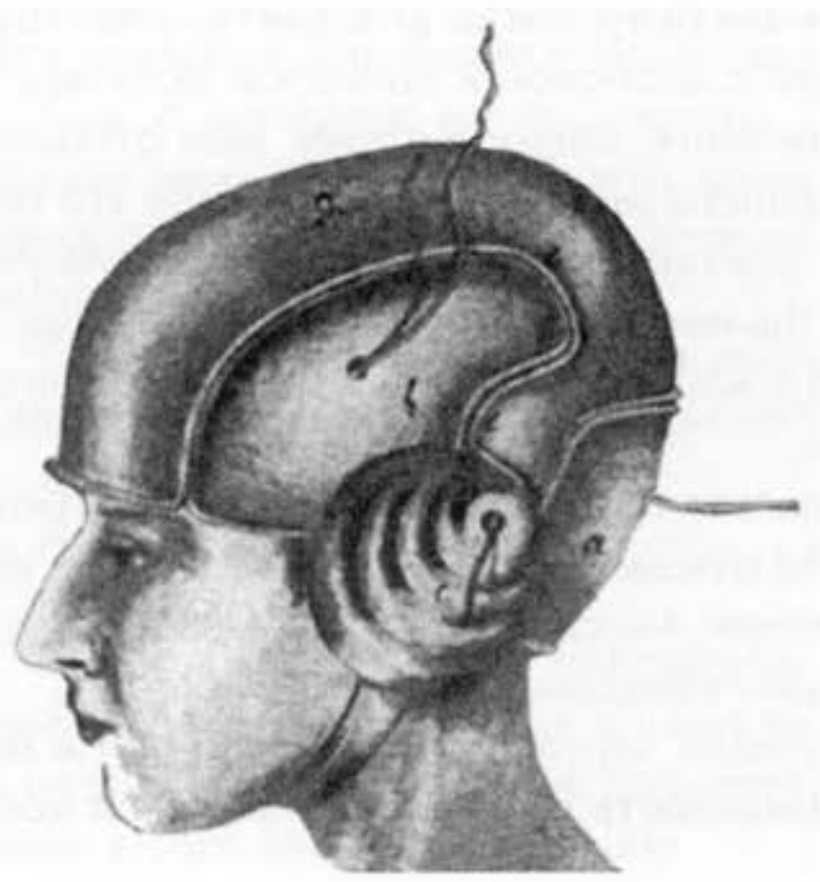
II.

ДВИГАТЕЛЬНЫЕ нервные пути, несущіе мышцамъ „приказанія" отъ головного мозга, перекрещиваются—одни, проникая въ продолговатый мозгъ, другіе — въ сѣромъ веществѣ спинного мозга.

Результатомъ этого является то, что центры, вѣдающіе движеніе правой половины тѣла, сидятъ въ лѣвомъ полушаріи, а лѣвой—въ правомъ.—Заставьте испытуемаго двигать правой ногой, и пробирка-экранъ вспыхнетъ ярче, будучи поднесена къ лѣвой сторонѣ головы (рис. 2). Предложите испытуемому вдуматься хорошенько въ смыслъ какого-либо слова. Пробирка усилитъ свѣченіе у лѣваго виска (тотъ же рисунокъ), такъ какъ работаетъ, а, стало-быть и излучаетъ *N*, „центръ запоминанія смысла словъ", сидящій въ 1-й височной лѣвой извилинѣ (рис. 3 а). Заставьте говорить какъ можно громче, и пробирку придется передвинуть ближе ко лбу, такъ какъ „центръ запоминанія движеній, необходимыхъ для процесса рѣчи", лежитъ у основанія третьей лобной извилины (рис. 3 в).

Рис. 1.
Схема передачи лучей N.

Статья «Передача мыслей на расстоянии» А.В.Барченко опубликованная в журнале «Природа и люди» (№32, 1911г.) На рисуснке шлем для улавливания телепатических волн (Андреев, 2006).



№ 31—1911 ПРИРОДА и ЛЮДИ. 501

ПЕРЕДАЧА МЫСЛЕЙ НА РАЗСТОЯНІЕ.

Опыты съ „мозговыми лучами".

Очеркъ А. Барченко.

Статья А.В.Барченко о передаче мыслей на расстоянии, журнал «Природа и люди» (№31, 1911г.)

вании интересующего Вас вопроса. Расширение или изменение их не в моей компетенции.

Само собой разумеется, что все мои работы, поездки и т. п. не влекут ни для Вас, ни для Института никаких расходов. Со временем Вы сами поймёте, что иной, кроме безвозмездной, работы в этом направлении быть не может.

Ввиду неоднократных прецедентов мне приходится быть крайне осмотрительным в личных сношениях. Посему я должен предварить Вас, что с настоящей минуты письмами и документами, принадлежащими несомненно мне, должны считаться только снабжённые нижеоттиснутой печатью. Лицо, пользующееся моим доверием в полном объёме, должно прочитать эту печать так, как я Вам её лично прочитаю, если это Вас заинтересует.

Приношу почтительные извинения, что злоупотребил Вашим вниманием, и прошу верить моему искреннему исключительному почтению.

Готовый к услугам,

Александр Барченко.

Отрывок из письма А.В.Барченко В.М.Бехтереву от 6 декабря 1922 г.

ЦГА СПб. Ф. 2265. ОП.1. Д. 65. Л. Л.148-149 об.

Петроград. Ул-ца Красных Зорь
(бывш. Каменоостр. пр.)

Высокочтимый Владимир Михайлович!

Я уже в течение недели в Петрограде. Но мытарства с прописками и квартирами до сих пор не давали мне возможности засвидетельствовать Вам своё почтение, хотя бы письменно.

С Мурмана я выехал окончательно. Кстати, прилагаю формальный документ, освещающий картину той экспедиции, участию в коей я взял на себя смелость пригласить Вас летом.

В Петрограде я пробуду, во всяком случае, не позже мая. Если же формальности по исхлопотанию выезда окончатся ранее, то выеду уже в апреле.

Для выполнения этих формальностей я и выехал с Мурмана.

У меня накопился кое-какой материал, освещающий санитарно-гигиенические условия края, в том числе кое-какие цифры по поводу Мурманских эпидемий, постановки врачебного дела. Также кое-

для тех людей и того органа, которые доверят Вам определённые методы.

До 16 января я просил бы Вас, в случае если Вы принципиально согласны с предложенным мною планом, собрать у себя (ибо все эти дни я могу быть свободен лишь после 7 вечера) группу привлекаемых к работе лиц (не более двух человек, кроме Вас), коим Вы безусловно доверяете. Этой группе я постараюсь с возможной полнотой осветить окраску того течения, коему я служу, моё отношение к этому течению и мотивы, заставляющие это течение входить в контакт с Вами. Это необходимо уже потому, что Вы меня изволили посвятить в Ваше представление о «посвящении» в лице добрейшего д-ра Рябинина.

Это налагает на меня обязанность осветить Вам моё личное отношение к тому, что в Европе известно под именем «посвящения», и поделиться с Вами конкретными сведениями по этому вопросу.

Вот, в общих чертах, те рамки, в коих я мог бы иметь возможность быть Вам полезным в исследо-

какие штрихи по обследованию «лопарского испуга». Кроме сего довольно интересный материал по обследованию мною, в качестве начальника экспедиции, острова Кильдина (Ледовитый океан) и глубины Лапландии, до сих пор никем не исследованной (район крупнейших горных озёр Умбяверь и Луяверь).

В моём распоряжении около 100 диапозитивов по снимкам, сделанным нашим отрядом.

Если Вы ничего не имеете против, я мог бы сделать в Институте доклад под заглавием, примерно: «В краю колдунов и полярных сияний». Примерную программу доклада помещаю в конце письма. Доклад по размеру займёт часа полтора-два. В моём распоряжении отличный проекционный фонарь со всеми принадлежностями.

Сделать доклад я могу, однако, лишь через 16 дней, не ранее, ибо помимо хлопот с ремонтом квартиры жестоко занят обеспеченной авансом срочной работой.

Если Вы ничего не имеете против, благоволите, хотя бы за полторы недели, известить меня о дне и часе; а о том, желателен ли такой доклад или нет, не откажите известить, по возможности, в ближайшее время, ибо необходимы кое-какие подготовительные шаги.

Я был бы весьма счастлив иметь честь видеться с Вами до доклада, когда Вы изволите указать. Сам я, до окончания ремонта занятой мною квартиры, в течение недели пробуду в квартире моего близкого приятеля, астронома Александра Александровича Кондиайна. Прописан же я, в качестве постоянного жильца, в колонии Тибетской миссии, в Новой Деревне, при Ламаитском дацане (храме).

В случае направления ко мне письма по указанному в заголовке адресу, благоволите предупредить посланного, чтобы он непосредственно передал письмо мне, или кому-либо из семьи моей, или Кондиайну, поднявшись наверх в указанную квартиру (49), ибо в Домовом Комитете меня не знают.

В Тибетской же колонии (Благовещенская, 15) благоволите справляться обо мне отнюдь не у Управдома (какой-то весьма растрёпанный, довольно подозрительного вида «механик» Сансеро — якобы «большой поклонник буддизма», по внимательному же обследованию о буддизме имеющий представления весьма смутные), а непосредственно у Настоятеля Дацана, ламы Джигмита Доржиева, или у его слуги Чигмита Бадмаева в маленьком флигеле во дворе Дацана.

Управдом Сансеро служит на заводе Эриксона,

В.М.Бехтерев

за Московской заставой, бывает в колонии раз-два в неделю, поздно вечером, и у него письмо ко мне, безусловно, затеряется.

Разрешите в этом же письме ещё раз принести мою почтительную благодарность за Ваше неизменное внимание и за Вашу исключительную любезность и внимание к моему приглашению нынешним летом.

Я не имел возможности ответить на Ваше письмо, так как Вы не указали точного срока Вашего возвращения в Россию. (В Вашем письме указано: или в сентябре, или около Рождества.)

Сам я вернулся из последнего маршрута экспедиции лишь в октябре и вплоть до выезда был неимоверно завален работой по сдаче материалов и их систематизированию.

Ещё раз прошу принять мои почтительные благодарности и пожелания всего лучшего.

Высоко почитающий,

А.Барченко.

[печать Барченко]

Я пользуюсь случаем предварить Вас, что знакомая Вам вышеоттиснутая личная моя печать более мне не принадлежит и за документы, ею заверенные, с сего числа я не отвечаю.

«Лапландская экспедиция» в воспоминаниях А.А.Кондиайна

Близкий друг и соратник А.В.Барченко — Александр Кондиайн вел дневник экспедиции и по её результатам подготовил доклад на обществе «Мироведения», который вызвал широкий интерес у петроградской прессы (см. подборку «Мурманский Курьёз» М.Н.Михайлова в данном номере альманаха).

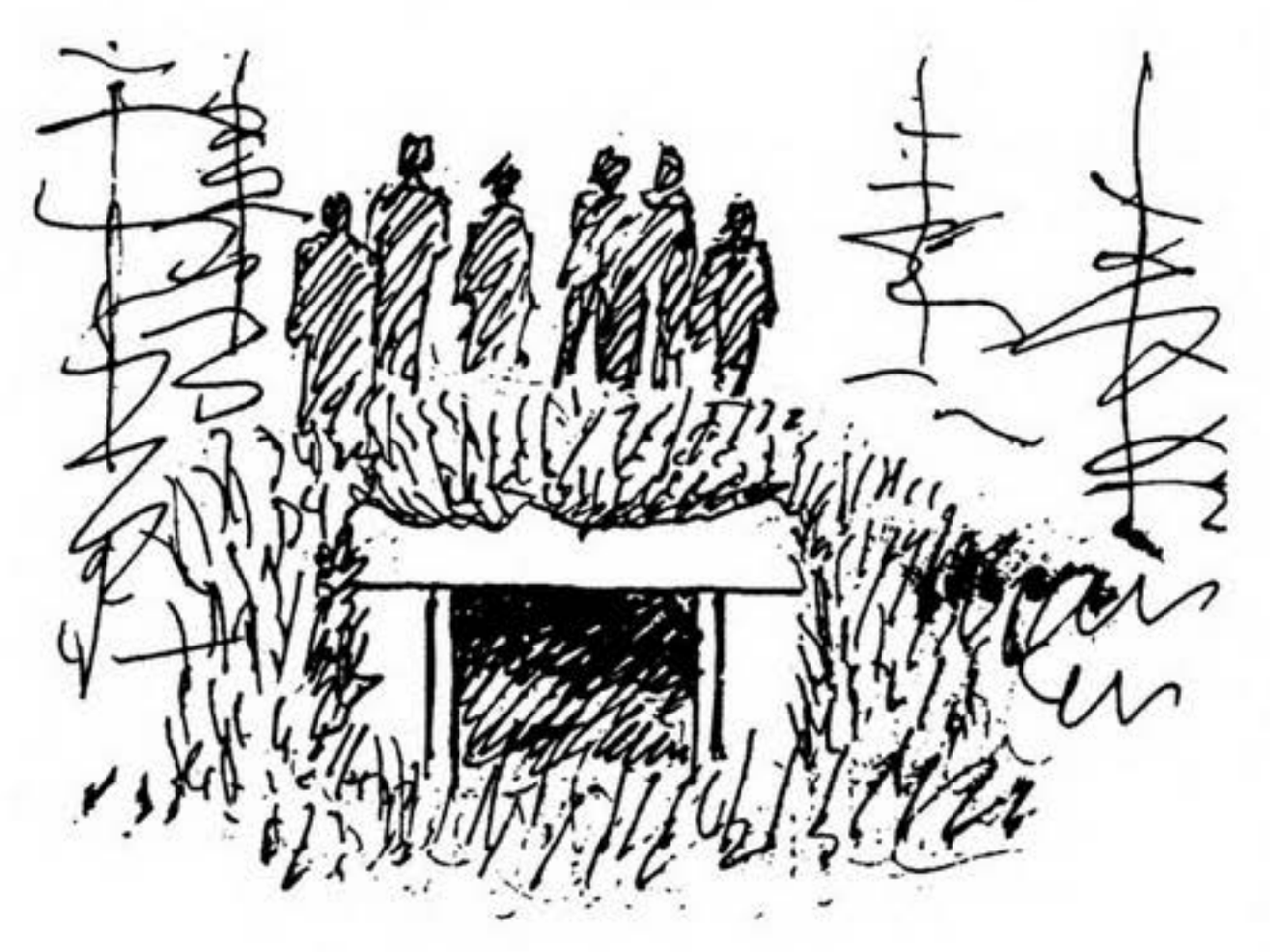
Доклад этот к сожалению не сохранился. Но сохранились некоторые материалы о «Лапландской экспедиции» А.В.Барченко в архиве семьи Кондиайн (сына О.А.Кондиайн и невестки А.Г.Кондиайн). Эти материалы частично публиковались в книгах и статьях В.Н.Дёмина, О.А.Шишкина, А.И.Андреева. Это страницы из дневника самого Александра Кондиайна, и воспоминания его жены Э.М.Месмахер-Кондиайн (в экспедиции в Ловозеро она не участвовала, но, видимо, пересказывала описания сделанные мужем). Также в их архиве сохранились некоторые фотографии и рисунки (выполненные Э.М.Месмахер-Кондиайн, возможно, при обработке полевых материалов либо с несохранившихся фотографий). Здесь мы попытались собрать все эти отрывки вместе в одной подборке.

По публикациям работавших с архивами семьи Кондиайн О.А.Шишкина и А.И.Андреева известно, что уже в начале экспедиции «во время перехода к Ловозеру, её участники натолкнулись в тайге на довольно странный памятник — массивный прямоугольный гранитный камень. Всех поразила правильная форма камня, а компас показал к тому же, что он ориентирован по странам света.»(Андреев, 2002). И там же, согласно описанию А.А.Кондиайна: «Переправившись на парусной лодке через Ловозеро, экспедиция двинулась дальше в направлении близлежащего Сейд-озера, почитавшегося священным. К нему вела прорубленная в таежной чаще прямая просека, поросшая мхом и мелким кустарником. В верхней точке просеки, откуда открывался вид одновременно на Ловозеро и Сейд-озеро, лежал ещё один прямоугольный камень.»(Андреев, 2002). Фотографии из архива Кондиайнов одного из этих камней и рисунки выкладок сделанные Э.М.Месмахер-Кондиайн приводит А.И.Андреев в другой своей книге (Андреев, 2004).

Там же мы находим следующую информацию: «Всего у Сейд-озера путешественники провели около недели. За это время они подружились с лопарями, и те показали им один из подземных ходов. Однако проникнуть в подземелье также не удалось, поскольку вход в него, выложенный опять-таки загадочными прямоугольными камнями, оказался основательно заваленным землей. Экспедиция обнаружила в окрестностях «святого озера» и несколько других памятников лопарской древности, в том числе заинтриговавшую всех каменную «пирамиду»» (Андреев, 2002).

Ариадна Готфридовна Кондиайн (невестка А.А. Кондиайна) по профессии геолог в начале своей карьеры работала в Ловозерских тундрах:

«В 1946 г. я работала в геологической экспедиции в районе горы Алуайв, что возвышается над Сейд-озером. Я тогда была первый год замужем за Олегом Александровичем и ещё ничего не знала о работах его отца и А.В. Барченко. К озеру я не спускалась, хотя оно было окружено ореолом таинственности. И действительно, сотрудники нашеи экспедиции уже после моего отъезда в Ленинград дважды пускались в плаванье на лодках по этому озеру, и оба раза это кончалось трагедией — по-



Вход в подземелье. Рисунок Э.М. Месмахер-Кондиайн.
Архив семьи Кондиайн (Андреев, 2004)

А.А.Кондиайн (1920). Архив семьи Кондиайн (Андреев, 2004).

А.А.Кондиайн в рабочем кабинете (конец1920-х). Архив семьи Кондиайн (Андреев, 2004).

Э.М. Месмахер-Кондиайн, Дерекой (1927)(Андреев, 2004).

гибло 8 человек. Кроме того, несколько человек погибло под обвалом в ущелье, ведущем к Сейд-озеру. Район Ловозера и Сейд-озера весьма интересен с геологической точки зрения. В частности, он характеризуется аномальным интенсивным тепловым потоком из недр Земли и распространением необычных горных пород. Интересен он и в геоморфологическом и в климатическом отношениях. С ним связано много легенд, а также сведений о том, что Сейд-озеро и его окрестности опасны для неискушенных посетителей»(Андреев, 2006).

В процитированном выше письме Ариадны Годфридовны Кондиайн В.Н. Дёмину от 22 мая 1997 г. (архив семьи Кондиайн) выражается сомнение в том, что «каменные образования», обнаруженные экспедицией А.В.Барченко являются «остатками древней культуры». «Уверенности в этом нет, и потому необходимо, чтобы эти остатки были тщательно изучены высококвалифицированным специалистом, знакомым, с одной стороны, с гляциогеологией, геоморфологией, мерзлотоведением и пр., с другой — с петрологией и физическими свойствами пород, а также способным ... достаточно глубоко ознакомиться с геологическим строением центральной части Кольского полуострова» (Андреев, 2006).

Далее мы приводим некоторые цитаты из воспоминаний Э.М.Месмахер-Кондиайн (Андреев, 2002, 2004, 2006; Шишкин, 1999).

Пересказ Э.М. Месмахер со слов мужа рассказа молодой лопарской «колдуньи» — шаманки Анны Васильевны о происхождении «Стариков».

«Давным-давно лопари воевали чудь. Победили и прогнали. Чудь ушла под землю, а два их начальника ускакали на конях. Кони перепрыгнули через Сейд-озеро и ударились в скалы, и остались там на скалах навеки. Лопари их называют «Старики»».

Рассказ о лечении А.В.Барченко саамской шаманкой Анной Васильевной.

«Когда к вечеру они (*члены экспедиции* — прим. ред.) добрались до чума Анны Васильевны, у А.В. сделался тяжёлый сердечный приступ. Анна Васильевна взялась его вылечить. Он лежал на земле. Она встала у него в ногах, покрылась с ним длинным полотенцем, что-то шептала, делала какие-то манипуляции кинжалом. Затем резким движением направила кинжал на сердце А.В.. А.В. почувствовал страшную боль в сердце. У него было ощущение, что он умирает, но он не умер, а заснул. Проспал всю ночь, а наутро встал бодрый, взвалил свой двухпудовый рюкзак и продолжил путь».

В дальнейшем (по утверждению Э. М. Кондиайн) сердечные приступы у А.В. Барченко больше не повторялись.

О Роговом острове.

«С этого места виден по одну сторону в Ловозере остров — Роговой остров, на который одни только лопарские колдуны могли ступить. Там лежали оленьи рога. Если колдун пошевелит рога, поднимется буря на озере. По другую сторону виден противоположный крутой скалистый берег Сейд-озера, но на этих скалах довольно ясно видна огромная, с Исаакиевский собор, фигура. Контуры её тёмные, как бы выбиты в камне. Фигура в позе «падмаасана». На фотографии, сделанной с этого берега, её можно было без труда различить».

Рассказ об одном дне экспедиции из «Астрономического дневника» А. А. Кондиайна из семейного архива Кондиайнов:

«10/IX. «Старики». На белом, как бы расчищенном фоне, напоминающем расчищенное место на скале, в Мотовской губе выделяется гигантская фигура, напоминающая тёмными своими контурами человека. Мо-

товская губа поразительно, грандиозно красива. Надо себе представить узкий коридор версты 2—3 шириной, ограниченный справа и слева гигантскими отвесными скалами, до 1 версты высотой. Перешеек между этими горами, которым оканчивается губа, порос чудесным лесом, елью — роскошной, стройной, высокой до 5—6 саженей, густой, типа таежной ели. Кругом горы. Осень разукрасила склоны вперемежку с лиственницами пятнами серо-зелёного цвета, яркими кущами берёз, осин, ольхи; вдали сказочным амфитеатром раскинулись ущелья, среди которых находится Сейд-озеро. В одном из ущелий мы увидели загадочную вещь: рядом со скитами, там и сям пятнами, лежащими на склонах ущелья, виднелась желтовато-белая колонна вроде гигантской свечи, а рядом с ней кубический камень. На другой стороне горы с N виднеется гигантская пещера, сажень 200, а рядом нечто вроде замурованного склепа.

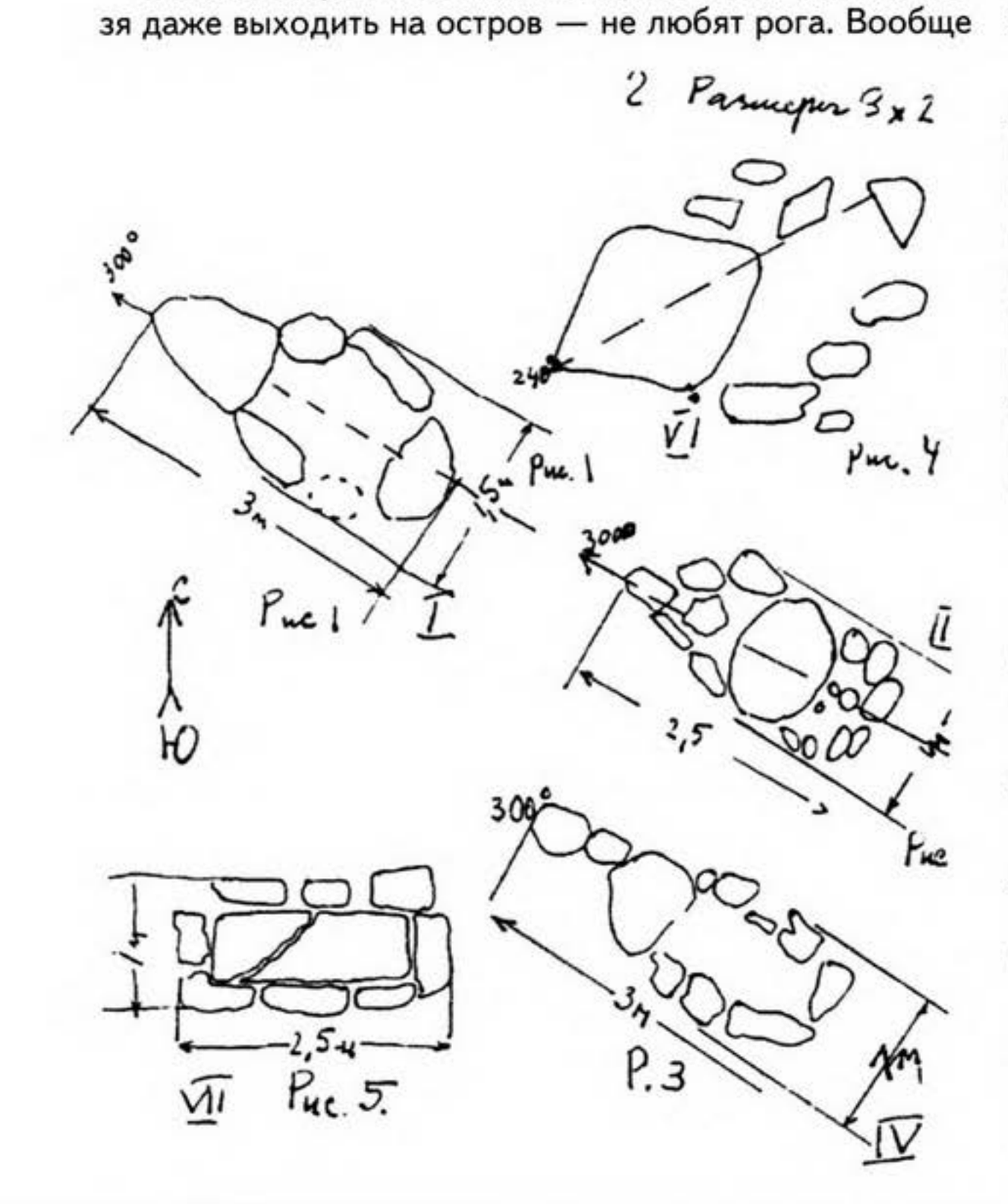
Солнце освещало яркую картину северной осени. На берегу стояли 2 вежи, в которых живут лопари, выселяющиеся на промысел с погоста. Их всего, как на Ловозере, так и на Сейд-озере, ок. 15 человек. Нас, как всегда, радушно приняли, угостили сухой и варёной рыбой. После еды завязался интересный разговор. По всем признакам мы попали в самую живую среду седой жизни. Лопари вполне дети природы. Дивно соединяют в себе христианскую веру и поверья старины. Слышанные нами легенды среди них живут яркой жизнью. «Старика» они боятся и почитают.

Об оленьих рогах боятся и говорить. Женщинам нельзя даже выходить на остров — не любят рога. Вообще же они боятся выдавать свои тайны и говорят с большой неохотой о своих святынях, отговариваясь незнанием. Тут живёт старая колдунья, жена колдуна, умершего лет 15 назад, брат которого, до сих пор ещё глубокий старик, поёт и шаманствует на Умб-озере. Об умершем старике Данилове говорят с почтением и страхом, что он мог лечить болезни, насылать порчу, отпускать погоду, но сам он однажды взял задаток у «шведов» (вернее чуди) за оленей, надул покупателей, т. е. оказался, по-видимому, более сильным колдуном, наслав на них сумасшествие.

Нынешние лопари имеют несколько другой тип. Один из них имеет немного черты ацтеков, другой — монгол. Женщины — с выдающимися скулами, слегка приплюснутым носом и широко расставленными глазами. Дети мало отличаются от русского типа. Живут здешние лопари много беднее ундинских. Много их обижают, и русские и ижемцы. Почти все они неграмотные. Мягкость характера, честность, гостеприимство, чисто детская душа — вот что отличает лопарей.

Вечером после краткого отдыха пошёл на Сейд-озеро. К сожалению, мы пришли туда уже после захода солнца. Гигантские ущелья были закрыты синей мглой. Очертания «Старика» выделяются на белом фоне горы. К озеру через тайболу ведет роскошная тропа. Везде широкая проезжая дорога, кажется даже, что она мощеная. В конце дороги находится небольшое возвышение. Всё говорит о том, что в глубокой древности роща эта была заповедной и возвышение в конце дороги служило как бы алтарем-жертвенником перед «Стариком».

Погода менялась, ветер усилился, облака собирались. Надо было ожидать бури. Часов в 11 я вернулся на берег. Шум ветра и порогов реки сливались в общем шуме среди надвигающейся тёмной ночи. Луна поднималась над озером. Горы оделись чарующей дикой ночью. Подходя к веже, я испугал нашу хозяйку. Она приняла меня за «Старика» и испустила ужасный вопль и остановилась как вкопанная. Насилу её успокоил. Поужинав, мы обычным порядком залегли спать. Роскошное северное сияние освещало горы, соперничая с луной».



Литература:

Андреев, 2002 = А. И. Андреев. Время Шамбалы: Оккультизм, наука и политика в советской России. СПб.: Издательский дом «Нева», М.: Олма-Пресс, 2002.

Андреев, 2004 = Андреев А. Оккультист страны Советов. — М, 2004.

Андреев, 2006 = Андреев А., Бережков В. Оккультисты Лубянки. - М.: Издатель Быстров, 2006.

Шишкин, 1999 = Олег Шишкин. «Битва за Гималаи: магия и шпионаж» (М., 1999).

Карандашные рисунки Э.М. Месмахер-Кондиайн: каменные глыбы менгиры (сейды). Архив семьи Кондиайн. (Андреев, 2004)

«Ферсмановский» период исследований Луяврурта (1922-1926 гг.)

А.Н.Лабунцов и А.Е.Ферсман в Хибинах.
1920-е гг.

Исследования Луяврурта («восточные массивы») были начаты А.Е.Ферсманом в 1922 году. В этом году помимо продолжавшихся уже третий год исследований Хибинского массива Ферсман запланировал рекогносцировочное посещение Ловозерских тундр, состоявшееся в период с 23 по 27 августа. Переплыв на лодке через Умбозеро, А.Е.Ферсман, Е.Е.Костылёва и молодой саам-проводник высадились близ устья р.Тавайок, стекающей с западного склона Луяврурта, и начали подъём по долине этой реки в горы. В очерке «К восточным массивам» из книги «Три года за полярным кругом» (1924), приведённом ниже в данном альманахе, А.Е. Ферсман красочно описывает этот поход.

Летом 1923 г. экспедиция продолжила работы в Ловозерских тундрах. Этот год А.Е.Ферсман называет годом завершения «героического периода» изучения кольских щелочных массивов. Для проведения маршрутов в разных частях массива были сформированы три группы: А.Е.Ферсман и Н.Н.Гуткова, А.Н.Лабунцов и Е.Е.Костылёва, Б.М.Куплетский и Э.М.Бонштедт. Участники искали пегматиты («месторождения минералов»), изучали их минералогию, вели петрографические наблюдения (Б.М.Куплетский).

Подробный отчёт о работах Ловозерского отряда был опубликован в 1925 г. Ниже, в данном номере альманаха мы знакомим читателя с выдержками из данного отчёта, описывающими маршруты экспедиции. Здесь же мы приведём некоторые цитаты общего характера из предварительного отчёта сделанного в 1923 г. (Ферсман, 1923; цит. по Пеков, 2001):

«...Экспедиции для геолого-минералогического изучения Хибинского и Ловозерского щелочных массивов были организованы силами Геологического и Минералогического Музея Российской Академии Наук в качестве отдельного отряда Северной Научно-Промысловой Экспедиции Научно-Технического Отдела Высшего Совета Народного Хозяйства.

Задачами этого исследования было поставлено: на фоне классических работ В.Рамзая дать полное географическое и геохимическое обследование обоих массивов, общей площадью в 1600 кв.клм.

В задачи географические входило: проверка и картирование тех районов, которые в работах финляндских экспедиций были намечены лишь схематически или по расспросным данным, выявление основных орографических элементов, геоморфологических особенностей и в частности природы морозного ландшафта.

Неизбежно в эту часть работ входило фотографирование, краткие гидрологические и метеорологические наблюдения (попутно) и изучение местного населения.

В задачи геохимические входило изучение горных пород массивов и их соотношений, отыскание и изучение месторождений пегматитовых жил с редкими минералами, наблюдения над распространением редких металлов и общая минералогическая и геохимическая характеристика со специальным учетом полезных ископаемых.

Организация экспедиций строилась в годы 1920, 1921, 1922 на следующих основаниях:

Основными базами являлись станции Мурманской жел. дор.: в первые два года — ст. Хибины, в 1922 г — ст. Имандра. В горах создавались дополнительные постоянные базы с рядом промежуточных, для подноса продовольствия и выноса научного материала.

Отсутствие каких-либо путей сообщения и трудно проходимые ущелья и перевалы требовали непосредственного переноса грузов самими участниками экспедиции, и лишь для ближайших баз можно было пользоваться помощью рабочих. В районе Умпъявра и Кунъявра передвижению по озеру помогали местные лопари...»(Хибинский массив, 1923; цит. по Пеков, 2001).

В книге «Неизвестный Ферсман»(2003) приводится письмо Ферсмана в Южный отряд относящееся к экспедиции 1923 года. Приведём отрывки из него:

«...С отъездом Вик [В.И.Крыжановского] прошу взять начальство Куплету [Б.М.Куплетскому] и всех подтянуть. Необходимо все силы готовить на Луеврурт: к 10-му августа надо часть публики перебросить на Луеврурт.

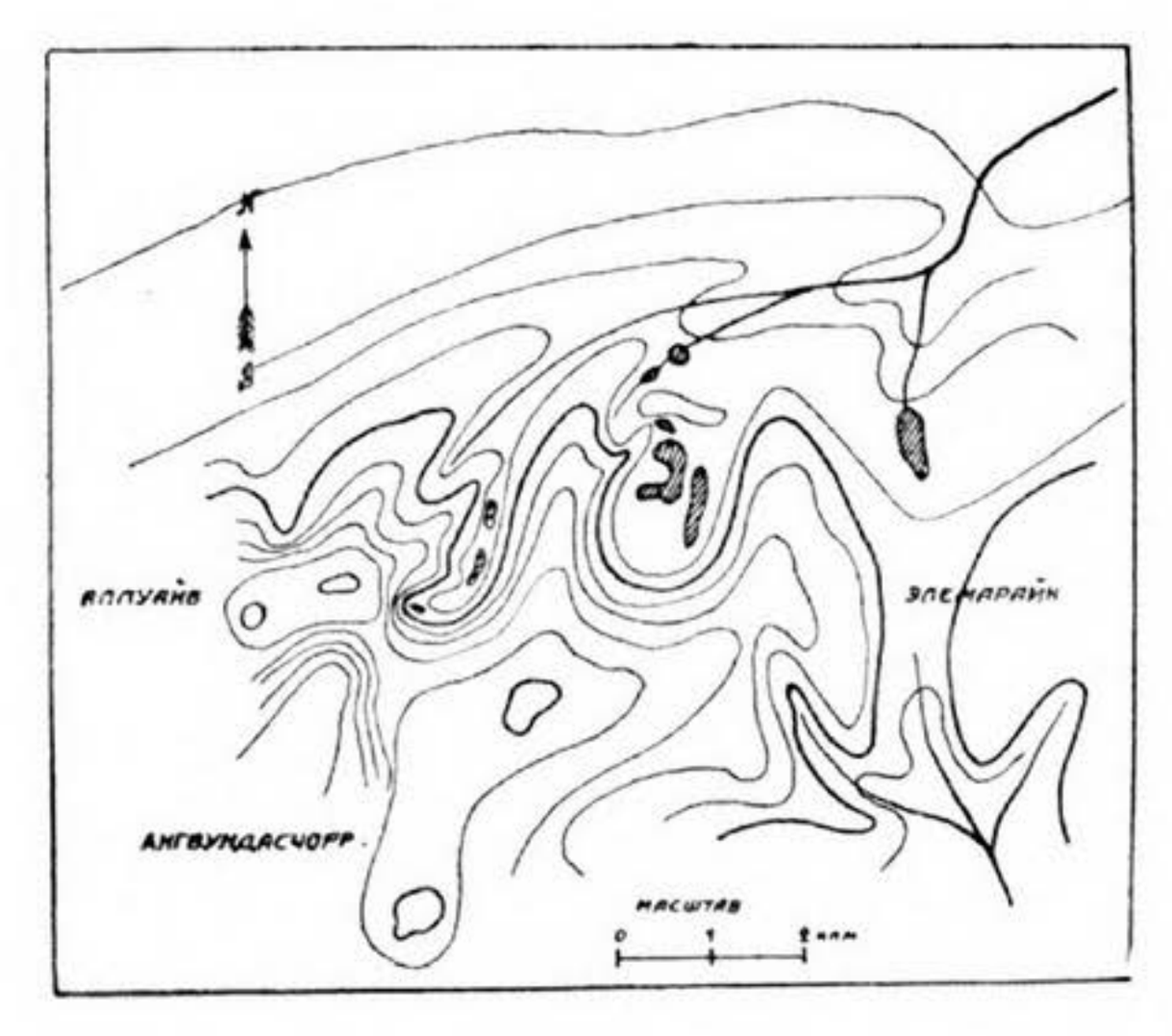


Схема Северо-западных цирков Луяврурта.
(Хибинские и Ловозерские тундры. т.1. 1925 г.)

... Яхонтов с Ниной [Н.Н.Гутковой] прокладывают пути к Ловозеру и с Катенькой и Лабунцовым по возможности не позднее 6-8 августа уезжают на Умпъявр [Умбозеро] к южным лопарям. Там они изучают склоны на восток от большого цирка южных отрогов Ловозерских тундр.

В это время Эльза и куплет отдыхают. До 12 числа отдыхают и экскурсируют с Левинсоном... С ними В.Унковская. Я их догоняю и мы идём прямо на Умпъявр.

Необычайно важно, чтобы к моему приезду уже кто-либо был на том берегу Умпъявра и чтобы там уже был достаточный запас продовольствия и снаряжение.

если по каким-либо соображениям выгоднее ехать на сев. часть Ловозерских, всё равно. Деньги на рабочих я привезу и думаю, что будет достаточно, около 15 мардов можно будет вложить в них + остатки продовольствия. основная забота это устройство переправы через Куниок. надо что-либо придумать и устроить постоянное. Может быть лодку на веревке! Будьте энергичны и возьмитесь на август за задачу Ловозерских тундр и самого Ловозера!! Готовьте планы и начинайте их.

По всем видимостям основные черты Хибинского массива ясны и много нового он не даст. Теперь задачи Ловозерские. ...Имейте в виду, что сразу через озеро многих не переправить и это так зависит от лопарей, погоды и проч.

...Наша книжка ещё в верстке. Итак, Ловозеро! Я еду стать под Ваше начало!

А.Ферсман»

Главные результаты экспедиции были достигнуты в области минералогии. Так, уже в 1923 г. Е.Е.Костылёва опубликовала описание нового минерала рамзаита, широко распространенного в Ловозере и более редкого в Хибинах (Костылёва, 1923); позже он был отождествлен с ранее описанным в Гренландии лоренценитом. Э.М.Бонштедт подготовила работы, посвящённые манганнептуниту (Бонштедт, 1923, 1924), уссингиту и «шизолиту» (Бонштедт, 1925) из Ловозера, а А.Е.Ферсман дал общую характеристику минеральных ассоциаций пегматитов двух массивов (Ферсман, 1923в; Fersman, 1926а,б)(Пеков, 2001).

После 1923 г. масштабные работы экспедиции А.Е.Ферсмана в Хибинах были на какое-то время свёрнуты, участники занимались обработкой собранных материалов и подготовкой результатов к публикации. В Ловозере, напротив, минералогические работы продолжались, хотя уже далеко не так интенсивно, как в 1923 г. Их проводил отряд Н.Н.Гутковой в течение трёх полевых сезонов 1924-26 гг. Отчёты обо всех трёх экспедициях Н.Н.Гуткова опубликовала в «Докладах Российской Академии наук» (Гуткова, 1924, 1925, 1927).

Приведём выдержки из этих отчётов:

«...В задачи экспедиции 1924 г. входило: 1) изучить северо-восточную часть Луяврурта, мало посещённую отрядами 1923 г.; 2) собрать дополнительный материал мурманита, рамзаита, эгирина, астрофиллита, и, главным образом, луяврита. Отряд состоял лишь из двух человек — Н.Н.Гутковой и В.А.Сермягина и работал в течение трёх недель. 12 августа отряд с двумя рабочими, помогавшими нести продовольствие и снаряжение, вышел в Ловозерские Тундры на 18 дней для сбора луяврита и посещения никем ещё не исследованных двух северных цирков Раслака.

Работами отряда установлено: 1. наличие двух больших северных цирков Ангвундасчорра и Аллуайва с озёрами без стока; 2. обнаружены в вышеуказанных цирках на высоте 700 м. пегматитовые выделения с рамзаитом, мурманитом, эвколитом; 3. найдено на вершине Ангвундасчорра богатое месторождение рамзаита с эвколитом и элатолитом; 4. собран богатый материал разнообразных луявритов, для химического анализа — мурманит и рамзаит с элатолитом...» (Гуткова, 1924, , цит. по Пеков, 2001).

«...Истекшим летом 1925 года для продолжения работ в Ловозерских Тундрах был организован силами Минералогического Музея Академии Наук геолого-минералогический отряд Научно-Исследовательского Института по изучению Севера в составе: Н.Н.Гутковой, Е.П.Кесслер, В.Н.Кунина и В.А.Сермягина. В план работ входили следующие задачи:

1) Обследование северных склонов Ловозерских Тундр, восточных склонов к Сейтъявру, вершин Аллуайва и Ангвундасчорра.

2) Посещение Ловозерского погоста. ...

29 июля отряд пришёл в Сарилухт к Павлу Галкину и на следующий день выехал в Ловозерский погост по Ловозеру. В течение 5 дней, проведённых в погосте, были сделаны наблюдения над жизнью и бытом лопарей и ижемцев, записаны и исправлены неточности географических названий...

10 и 11 августа отряд провел в безрезультатных поисках в цирке Аллуайва месторождения уссингита, найденного там в виде отдельных валунов ещё в 1923 г.

14, 15 и 16 августа были осмотрены склоны перевала Элемарайка и оба цирка Раслака...

20 августа отряд пытался выйти на работу, но ураганный

Отряд экспедиции АН СССР на ж/д станции Имандра перед отъездом в Ленинград. 1926 г.
Из архива Кировского краеведческого музея.

ветер заставил возвратиться назад; на следующий день работа велась в цирке Сенгисчорра, где обнаружена коренная жила с крупными кристаллами рамзаита.

22, 23 и 24 августа отрядом проделана была тяжёлая работа по переносу материала из долины Чинглусуайя...» (Гуткова, 1925, цит. по Пеков, 2001).

«...Летом 1926 года Минералогическим Музеем Академии Наук СССР был организован отряд в составе Н.Н.Гутковой, Е.П.Кесслер, Д.М.Шрейдера, А.С.Завьялова и А.А.Тетерина для окончания минералогических работ в Ловозерских Тундрах. Работами предыдущих лет были обследованы западные, северо-западные и частью северные склоны Луяврурта; задачей минувшего лета явилось изучение восточных склонов массива прилежащих к Сейтъявру. Рабочих дней у отряда было 52. Основная база была на ст. Имандре, где всё время оставалась Е.П.Кесслер, заведовавшая базой и работавшая на контактах Маннепахка.

29 июля отряд выехал на поезде на ст. Пулозеро и в ту же ночь с шестью рабочими, несшими продовольствие и снаряжение, выступил в Ловозерский погост по вновь строящейся дороге, откуда отряд со всем снаряжением и продовольствием на карбасе доехал по Луявру до бухты Мотлухт. Из последнего всё снаряжение и продовольствие было перенесено силами отряда на Сейтъявр, где была основана горная база в избе Павла Галкина. Работа с горной базы продолжалась с 4 августа по 4 сентября, когда весь отряд с лопарями Павлом Галкиным и Петром Юрьевым и их 9 оленями, несшими снаряжение и собранные минералы, выступил обратно на станцию Имандру по новой дороге через труднопроходимый каменистый перевал Элемарайк вдоль северных склонов Луяврурта и Умптека. Путь в 120 километров был пройден в 5 дней...» (Гуткова, 1927; цит. по Пеков, 2001).

«Ферсмановский» период по хронологии Игоря Пекова заканчивается экспедицией 1926 года (рук. Н.Н.Гуткова). «После обнаружения в 1926 г А.Н.Лабунцовым крупных промышленных месторождений апатита в Хибинах все силы были брошены на эти объекты, и Ловозерские тундры снова на несколько лет опустели. Между тем, обработка собранных материалов продолжалась. В 1928 г. вышел в свет второй том издания «Хибинские и Ловозерские тундры», где, собственно, и были приведены основные результаты геолого-минералогического изучения двух массивов экспедициями 20-х гг. В этой книге дан составленный Н.Н.Гутковой первый кадастр минералов Ловозера, включавший 21 вид. В 1930 г Н.Н.Гуткова опубликовала описание нового минерала из Ловозера — мурманита. Наконец, данные, полученные за эти годы, наряду с результатами исследований первой половины 30-х гг вошли в капитальную монографию «Минералы Хибинских и Ловозерских тундр», увидевшую свет в 1937 г и долго остававшуюся главной настольной книгой исследователей щелочных комплексов Кольского полуострова»(Пеков, 2001).

В.А.Лихачёв

По материалам книги :

Пеков И.В. Ловозерский массив: история исследования, пегматиты, минералы. М., 2001. — 464 с.

К восточным массивам
(экспедиция 1922 г.)

А.Е.Ферсман

Из книги «Три года заполярным кругом». 1924 г.

На восток мы выступили втроём с большим грузом продовольствия на спине; с нами был наш неизменный проводник — молодой саам Алексей. Мы шли по сухим склонам Лявочорра уже знакомыми перевалами в 720 метров к оставленной нами в долине Майвальты палатке. Палатка оказалась на месте, а вокруг — однообразный и скучный ландшафт восточных предгорий. Довольно пологие склоны здесь покрыты крупными обломками нефелинового сиенита. Эти склоны представляют собой холмистый ландшафт, образованный частью моренными отложениями отступавших ледников, частью создаваемый просачиванием по трещинам вод и их подземным течением по границе вечной мерзлоты. Воронка сменяется воронкой, как в карстовых местностях, бессточные впадины самых разнообразных форм с озерками и болотцами разделены нередко узкими гребешками, и передвижение по этому ландшафту очень утомительно и мешкотно.

Здесь необычайно резко проявляется роль мерзлоты и мороза, и очень благодарна задача того геоморфолога, который займётся разгадкой своеобразных черт этого полярного ландшафта. Особенно прекрасны здесь знаменитые полигональные поля из мелкого щебня, ограниченные сеткою более крупных обломков, создающие своеобразную картину шахматных полей самых разнообразных размеров — каждая клетка диаметром от 10 сантиметров до 4 метров. Огромную роль играет в создании этих элементов и мороз; и недаром наш проводник саам на мой вопрос о происхождении этих полей сказал: «Мороз выпирает». А что действительно мороз выпирает, это мы знаем по тем ледяным стебелькам, которые в холодные, морозные ночи поднимают на высоту до 11 сантиметров мелкие камешки и песок.

Полюбовавшись этим явлением, мы без большого труда прошли к нашей палатке и стали готовиться к ночлегу.

В 4 часа утра я поднял своих товарищей. Густой туман застилал все окрестности, но по его характеру я легко угадывал, что это только ночной туман, поднявшийся после жаркого дня, и что к 9 часам утра он рассеется.

Наскоро выпив какао и поев каши, мы двинулись в путь, оставив половину снаряжения в палатке. Бодро шли мы по пологому гребню Партомчорра, с слабо выраженными воронками. Туман медленно рассеивался, и над его густой пеленой уже сверкали освещённые солнцем высоты Ловозерских тундр. Внизу под нами расстилалось зелёное море низовий Майвальты и Тульи, далее — красивый залив Тульилухт и ещё дальше — скрытое полосой тумана Умбозеро.

На спуске к лесной зоне Алексей разглядел своим привычным глазом и обратил наше внимание на большую фигуру, медленно двигавшуюся по поляне, густо покрытой ягодами. Скоро мы все узнали в ней медведя, и нашему удовольствию не было конца, пока мы поочерёдно наблюдали в бинокль зверя, совершенно безопасного, правда только при этих условиях.

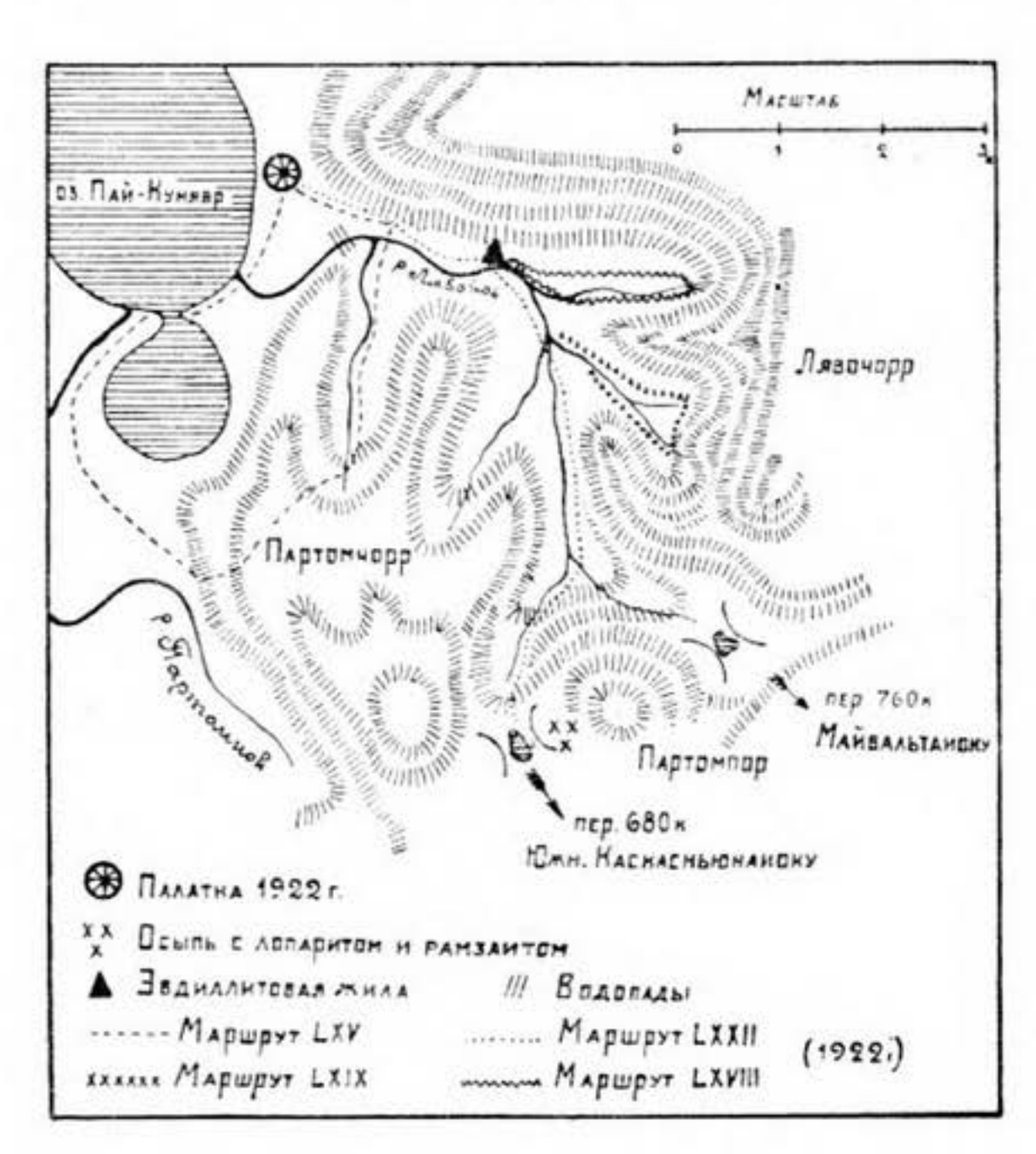


Схема цирков Западного Лявочорра и Партомчорра и маршруты 1922 года.
(Хибинские и Ловозерские тундры. т. 1. 1925 г.)

Академик А.Е.Ферсман. 1923 г. После маршрутов по Ловозерским тундрам и Хибинам. Ст.Имандра.

Мы знали, что бояться в этих местах надо другой встречи — с медведицей, и надо сознаться, что, когда один из наших отрядов повстречал на песке совершенно свежие следы медведицы и медвежат, он проявил максимум осторожности, чтобы избежать неприятной и, по словам саамов, роковой встречи.

Мы легко спускались вниз, пробираясь вдоль глубокой Майвальты, борясь с болотами, зарослями и старицами. Всё ближе и ближе было от нас озеро, и только полоса болота в 200—300 метров отделяла нас от песчаного и сухого берега Тульилухт. Здесь понадобился весь опыт нашего саама, его лёгкая походка и огромная осторожность. Алексей знал эти трясины вдоль больших озёр; он легко подпрыгивал на отдельных кочках, определяя их устойчивость, постоянно возвращался назад и уверял, что никогда не рискнул бы пересечь болото в незнакомом месте, если бы был один. Мы и сами понимали, что провалившись в глубокое «окно», выбраться одному человеку из трясины невозможно.

Долго шли мы этим извилистым путём, и только через полтора часа песчаная полоска была достигнута. Мы на берегу прекрасного синего озера; свежая волна плещется о песчаный берег. Но вот какието следы на песке, а там дальше чтото белое, — говорит саам. И пока я вытаскивал бинокль и выискивал указанное место, острые глаза саама уже все увидели: там, вдали, чум, из него стелется дым, на берегу одна, две, три лодки...

Мы были в восторге, — мы нашли саамское становище, нашли его там, где нам как раз нужно было, и мы быстро пошли по песку, поближе к жилью. Но глубокая Майвальта преграждала нам дорогу, длинная песчаная коса вдавалась в озеро, и с её конца мы стали усиленно махать и кричать. Показались фигуры; одна из них бросилась к лодкам, и через 15 минут мы уже сидели в удобном карбасе, а наш Алексей посаамски беседовал с молодым Федотом Галкиным.

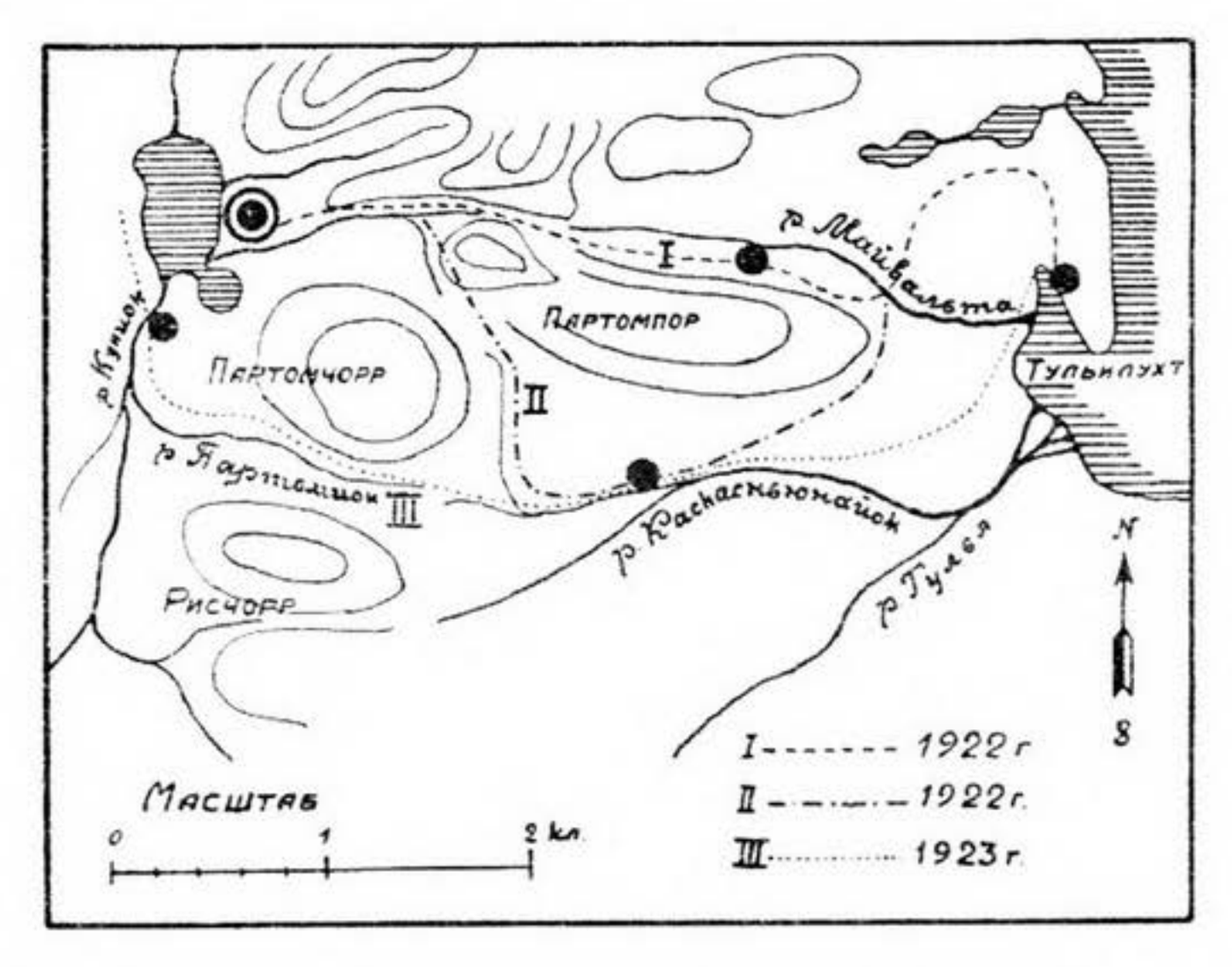
Мы попали в одно из самых интересных саамских становищ в центральной части Кольского полуострова, а их ведь немного. Только несколько семей приезжают на лето промышлять на Умбозеро, протянувшееся на 60 километров по меридиану и достигающее ширины 10 километров. Впрочем, выражение «на лето» неправильно: с последним снегом они грузят на своих оленей весь скарб и собранное за зиму продовольствие и из своего зимнего жилья — кто из Ловозерского погоста, кто из Ягельного Бора (по линии Мурманской железной дороги) — отправляются к летним местам. Вплоть до декабрьских морозов они остаются на своих летних стоянках и только в январе по проторенным путям по льду озёр и рек возвращаются к зимнему жилью.

На севере — там, где большая безымянная река впадает в озеро, живёт Василий Васильевич, человек хозяйственный: много его оленей пасётся в тундре; богаты те места, где он из года в год промышляет рыбу, переставляя с места на место свой незатейливый шалаш из брезентов.

В Тульилухте, куда мы пришли, живёт Пётр Галкин с большой семьёй. Это крепкий, коренастый мужчина, прекрасный плотник, который весь день усовершенствует свой чум, построенный, правда, по типу саамских веж, но большой и удобный. У него и сараи, и несколько карбасов, сети, а в прекрасно содержимой загороди живут на свободе олени, прячась от непогоды и от комаров в низкий сарай — лемму.

Хороша семья Галкина, и много вечеров просидели мы у костра все вместе, с ребятишками да с седовласым Василием Васильевичем, разговаривая о житьебытье, о том, что надо теперь делать.

Дальше на юге, в красивой бухте, живут ещё саамы — Григорий Галкин и Александр Данилов; как говорят, народ они пугливый, и к ним идти надо осторожно. Наконец, ещё южнее, на острове Вулсуоле, живут со своими стадами братья Сорвановы, но их места улова связаны с южною равниною оконечности озера, и потому они нас не могли интересовать. Вот и всё население этого огромного пространства вокруг озера, площадью в 600



Пути от озера Пай-Кунъявр к Умбозеру (схема) *(Хибинские и Ловозерские тундры. т. 1. 1925 г.)*

кв. километров и двух больших горных массивов в 1600 кв. километров.

Пётр Галкин встретил нас необычайно радушно. Настоящий чай, да ещё с сахаром, скоро развязал языки, и он с большой готовностью согласился перевезти нас на другой берег озера, как только стихнет ветер. Через озеро даже опытный саам пускается лишь с особою осторожностью, зная капризы узкого водного пространства, ущемлённого между гор.

Мы устроили себе ночлег под елью, разложили костёр, а вокруг сидели саамы, взрослые и дети, и жадными глазами смотрели на людей, которых давно не видели. Приход путешественников к ним — это целое событие. Ещё сейчас они с особым чувством уважения вспоминают других путешественников, например знаменитого финляндского геолога Рамзая, который тридцать лет тому назад странствовал в этих же местах, поражая местное население своею роскошною палаткою со столом и своим собственным сапожником и поваром. Эти мелочи жизни глубоко врезались в память стариков; и не без гордости заявляют иные, что принимали участие в восхождении Рамзая на высоты гор. Рамзай и его спутники, петрограф Гакман и ботаник Чильман, были единственными культурными людьми, которые на памяти саамов проникали в их дебри. И вот теперь снова к ним пришли учёные, и с напряжённым вниманием следили они за каждым нашим словом и жестом.

Погода не унималась, сильный югозападный ветер поднимал на озере пенистые волны, и переправа к Ловозерским тундрам была невозможной.

Но вот на третий день под вечер ветер утих, и, к нашей радости, Пётр Галкин стал готовить свой карбас — большую, довольно тяжёлую лодку, в которую мы складывали сети и всё необходимое для лова рыбы.

Медленно поплыли мы сначала вокруг низкого пологого мыса Тульинярк, а затем взяли напрямик через озеро, пересекая 6километровую гладь прекрасного Умбозера. Два часа продолжался переезд.

Наконец, мы на давно желанном берегу Ловозерских тундр, в болотистой низине, окаймляющей горы, недалеко от устья реки Тавайока. Мы расстаемся с Галкиным, который обещает приехать за нами через неделю, если будет хорошая погода, устраиваем склад запасов и уютное помещение под елью и на следующий же день отправляемся в горы.

Каменистые склоны Ловозерских тундр (Луяврурта) отделяются от озера полосою почти в 2 километра, сильно заболоченною и покрытою густым лесом. За этой полосой проходит своеобразный вал, то из нагромождённых крупных валунов, то из мягкого песку, иногда красного цвета благодаря обильному содержанию граната. Стекающие с гор речки задерживаются береговым валом, образуя многочисленные болота и теряясь в песках прибрежных наносов.

Пересекать эту лесную зону тем более трудно, что выше начинается типичный моренный ландшафт с глубокими воронками, бессточными впадинами и ямами. Идти необычайно тяжело, тем более, что мы нагружены продовольствием и походным снаряжением. Моренный ландшафт непривычен нам, работавшим в Хибинских тундрах; непривычны нам и реки, глубокие, всё время извивающиеся, тянущиеся в берегах, заросших прекрасным и густым лесом с многочисленными следами лосей. Непривычна нам и сама долина Тавайока, в которую мы медленно втягиваемся, с её обрывистыми склонами не из мелких осыпей, как в Хибинах, а из крупных остроугольных обломков, с типичною горизонтальною отдельностью и полосатою окраскою хребтов, — как будто бы это серия осадочных пород, а не застывшая расплавленная масса.

По уже установившейся привычке, мы прежде всего подготавливаем у последних елей место для ночлега. Но так хочется скорее в горы, что мы, лишь едва подкрепившись, решаем идти дальше, рассчитывая заночевать на плато.

Неожиданно быстро за лесом открывается новая картина. Вся долина заполнена ледниковой мореной из огромных нагромождённых глыб — целое море ям, углублений, как бы поле битвы, изрытое снарядами. Всюду остроугольные обломки мелкозернистой породы — знаменитого луяврита. Почти два часа идём мы по

этому хаосу; в глазах рябит, неосторожный шаг грозит падением, а мы совершенно измучены. Но вот вдали показывается озеро, а за ним зелёные альпийские лужайки, тянущиеся вверх вплоть до большого водопада, скатывающего свои пенистые воды по обрывистым уступам скал. Как по лестнице, покрытой мхом, поднимаемся мы вдоль этого водопада. Вот уже под нами в глубине нескольких сот метров долина Тавайока, и, наконец, на высоте в 700—750 метров, мы уже на пологом перевале плато, покрытом снегом и окаймлённом с севера обрывистыми скалами.

Наконец мы достигли знаменитых пегматитовых жил Тавайока, о которых писал ещё Рамзай. Новая, незнакомая картина прекраснейших минералов представилась нам. И хотя уже темнело и холодные тучи наползали с юга, мы не могли оторваться от сбора прекрасных кристаллов различных минералов: то это был незнакомый нам огненный эвколит, то чёрные иглы эгирина, то блестящие кристаллики почти не известного ещё нептунита.

Темнело. Несмотря на холодные порывы ветра, мы быстро устроили себе около скалы навес из брезентов, разостлали в качестве ложа плоские глыбы луяврита. Подкрепились кусками шоколада, запивая их холодной чистой водой, струившейся за нашею спиной в расщелине. Неуютная ночь среди скал, далеко над лесами, без огня, но зато и без комаров и мошек.

Уже в 4 часа утра мы снова начали наши сборы, то любуясь грандиозной расстилавшейся вокруг картиной, то упорно отбивая от плотных глыб породы прекрасные кристаллики. Солнце уже поднялось высоко над горизонтом, когда мы, тяжело нагруженные, начали пересекать каменистое плато, желая проникнуть в более южный перевал, где, по описанию Рамзая, имеются такие же пегматитовые жилы.

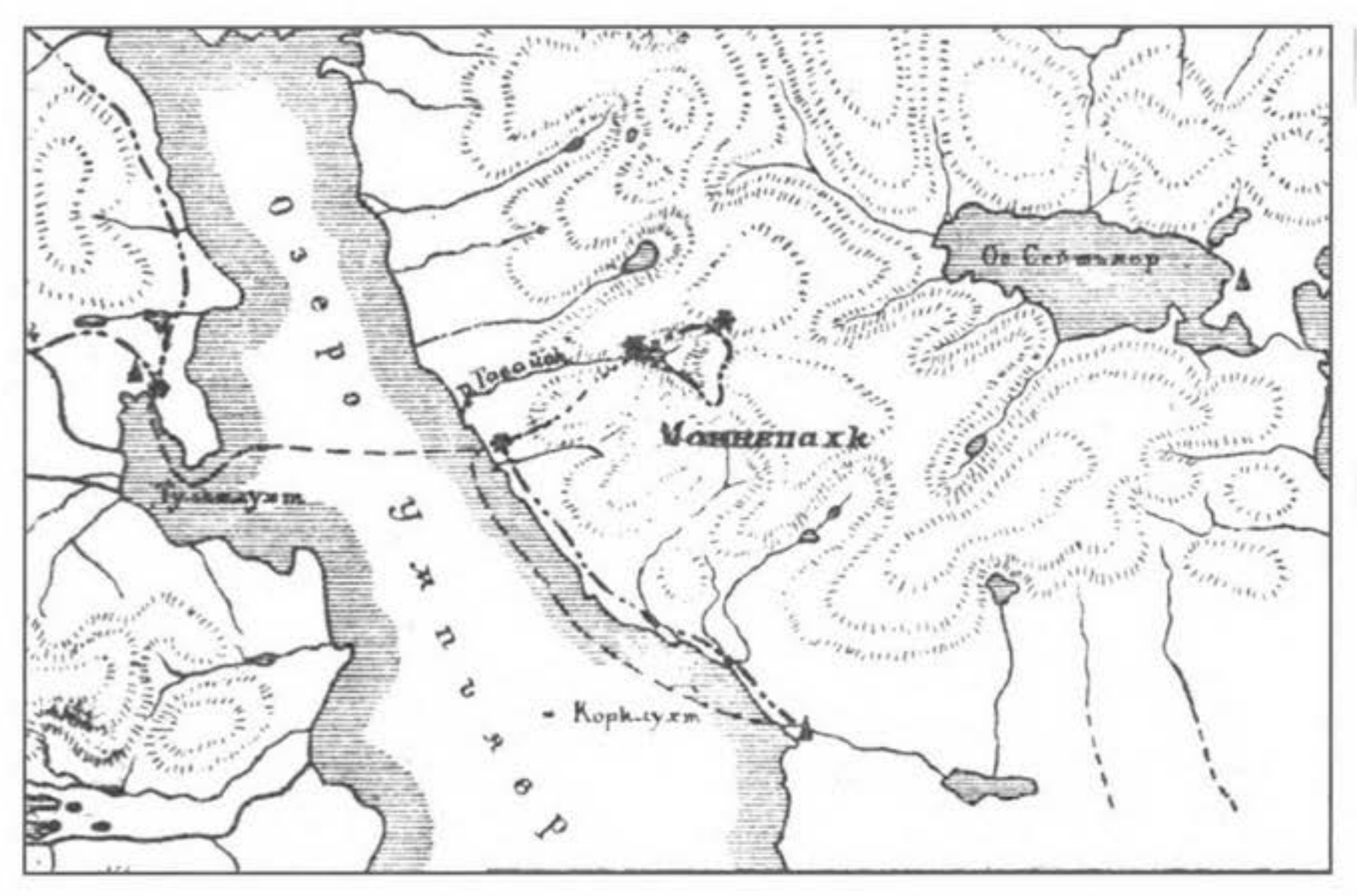
Путь был необычайно тяжёл. Нагромождения глыб совершенно измучили нас, и на какиелибо 2—3 километра мы тратили многие часы. Мы по опыту знали, что при перескакивании с камня на камень больше всего устают не ноги, а голова, от напряжения притупляется внимание, глаза начинают болеть и теряется уверенность в шаге. В такие моменты мы неизменно устраивали отдых, ибо прекрасно сознавали, что не только сломанная нога, но и просто вытянутое сухожилие может не только поставить отряд в тяжёлое положение, но и грозить гибелью.

Совершенно измученные, добрались мы до пологого перевала, но пегматитовых жил здесь не оказалось. Сказалась ли бессонная ночь на голых камнях, утомительный ли путь по каменистой пустыне или действительно здесь не было таких крупных пегматитовых жил, как на северном перевале, — не знаю, но во всяком случае мы их не нашли и приступили к спуску.

Я не буду больше описывать мытарства этого дня — всё те же нагромождения глыб, внизу воронки, ямы и снова каменистое поле. К вечеру мы были на краю леса. Давножданный костёр, горячее какао, сухари подкрепили нас, и мы крепко заснули под шум журчащего в зелёных берегах Тавайока.

С приятным чувством хорошей добычи вернулись мы на следующий день к своей базе у озера. Первая победа над далёкими Ловозерскими тундрами была достигнута; ну, а что же дальше? Саам обещал приехать за нами на следующий день, но мы прекрасно знали, как трудно

Фрагмент карты с маршрутом экспедиции 1922 г.
(«Три года за полярным кругом». 1924 г.)



Академик А. Е. Ферсман

ТРИ ГОДА
ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

ОЧЕРКИ НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ
В ЦЕНТРАЛЬНУЮ ЛАПЛАНДИЮ
1920—1922 ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ»
ПЕТЕРБУРГ
1924

рассчитывать на это, если снова задует ветер и снова волна не позволит рискнуть переплыть озеро.

А между тем барометр быстро падал, уже южные высоты Хибин были закрыты свинцовыми тучами, с запада надвигалась стена облаков. Некоторое смущение закрадывалось мне в душу. Что нам делать, если на много дней разыграется буря, подобная той, которую нам однажды уже пришлось пережить? Ведь провианта остаётся у нас всего дня на два или на три. Я решил искать саами и, пока погода не испортилась, попытаться найти их жилища здесь, на восточном берегу Умбозера. Пётр Галкин советовал мне, в случае непогоды, идти на север искать жилища Дмитрия Кобелева: «Это недалеко идти берегом, будет много речек; переходи их вброд, потом в северном конце будет большая глубокая река, текущая не с гор, а из тайги; её не перейдёшь — глубокая; иди вдоль неё, и в одной версте от устья, недалеко от берега, будет стоять в лесу дом Дмитрия».

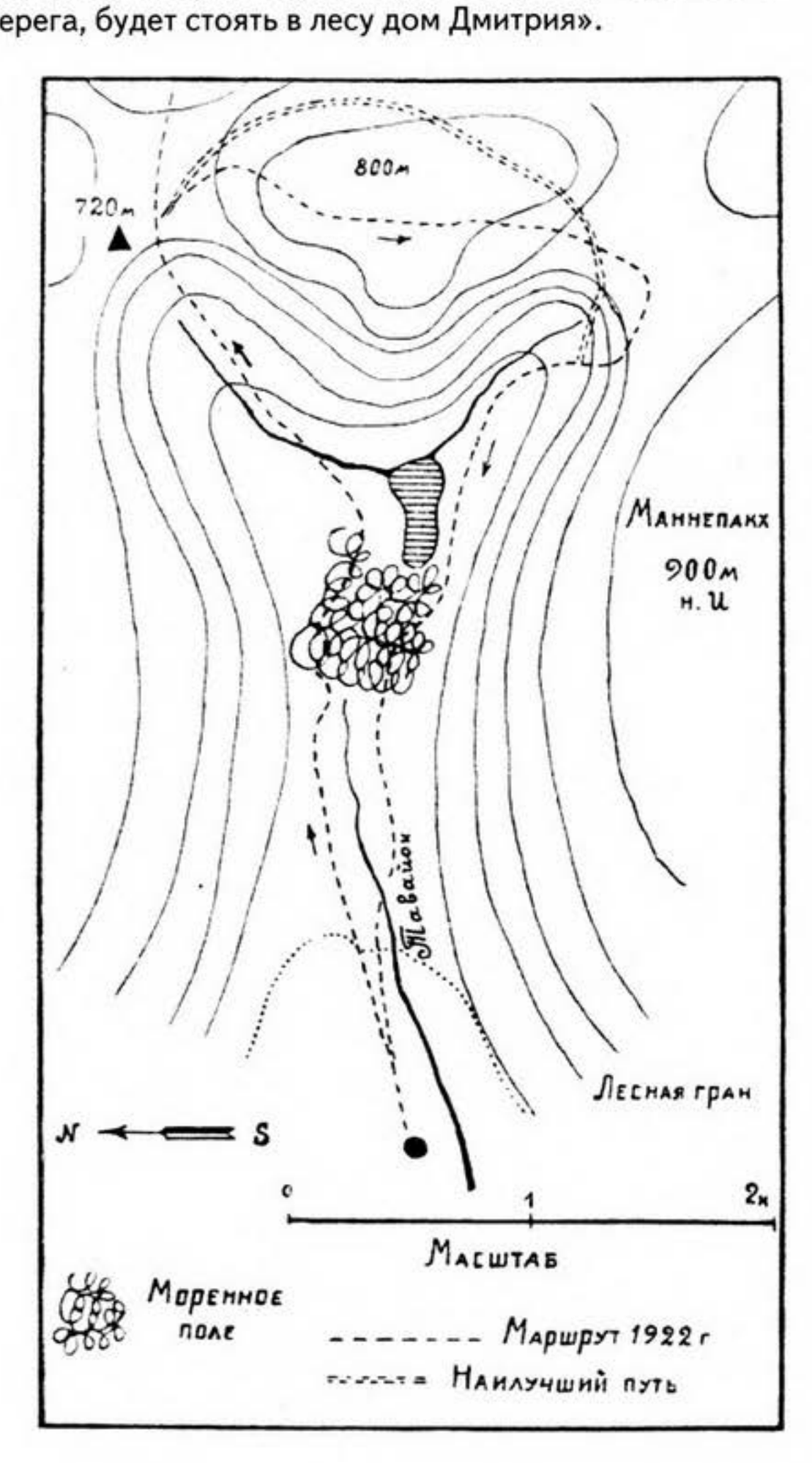


Рис. 13. Схематическая карточка верхнего

И я прекрасно себе представлял, как мы вдвоём, в бурю и туман, не позволяющий видеть далее пяти шагов, будем искать этот домик на основании столь «точного» и определённого маршрута, гдето там в лесу, за несколько десятков вёрст.

Несколько более мне нравились сведения о стоянке саами на юге, там, где кончается Ловозерская тундра. Эти саами живут на самом берегу озера; у них несколько домов, стоящих на берегу залива, а около них в озеро вдаётся гора. Эти сведения были лучше уже потому, что даже в самую тяжёлую бурю можно было держаться берега озера; и пропустить становище было бы трудно, так как у саами всегда на берегу имеется ряд устройств для лодок, сетей и прочего.

Видя, что погода портится, мы в тот же день выступили на юг. Дорога была нелёгкая, — приходилось идти то по каменистому береговому валу, то по топким болотам. Горы отступали к востоку, а низина была заполнена моренными отложениями, столь неприятными для каждого путешественника.

Десять километров, двадцать, скоро двадцать пять... Уже Ловозерские тундры остались на севере, мы уже перешли вброд ряд речек, текущих в низины, но никаких признаков жилья нет. Усталые, остановились мы подкрепиться и уже не рассчитывали на удачу, тем более, что стало темнеть. Небольшая горка метров в 150 вдавалась мыском в озеро, и мы решили подняться на неё, чтобы сверху в бинокль осмотреть берега и заночевать где-нибудь на ней.

Медленно тянулись мы по болотистой низине, как вдруг неожиданно наше внимание привлёк старый подгнивший забор из опрокинутых стволов. Это был типичный забор загона для оленей. Мы подбодрились, почувствовав близость жилья. Неожиданно кончился лес, и мы увидели перед собою как бы театральную декорацию: живописная бухточка, окаймлённая лесистыми горами, поляна, на ней изба русского типа, несколько деревянных сарайчиков на курьих ножках, большая саамская вежа, лодка и, наконец, люди — мужчины, женщины, дети. Увидев давножданное саамское становище, я вскрикнул от радости — и вдруг все в беспокойстве забегали, женщины схватили детей и вместе со стариками бросились бежать в лес. Остался один коренастый мужчина самоедского типа, и с ним я начал свой дипломатический разговор, несмотря на расстояние метров в 100, которое нас разделяло. Он с большим недоверием и страхом отнёсся к нам; мы же убеждали его в наших миролюбивых намерениях. Наконец, он стал смягчаться и предложил нам подойти к нему. Но каково было наше удивление, когда, сделав несколько шагов

Схематическая карточка верхнего течения реки Тавайок в Ловозерских Тундрах *(Хибинские и Ловозерские тундры. т. 1. 1925 г.)*

Отрывок описания маршрута 1922 г. в Ловозерских Тундрах *(Хибинские и Ловозерские тундры. т. 1. 1925 г.)*

7. Лагерь в Тульилухт — место превосходное для крупной базы работ в районе Умпъявра. В самой северной оконечности Тульилухт, на западном склоне Тульинярк (невысокий наволок), около вежи лопаря Петра Галкина. Отсюда доступны все берега Умпъявра и восточные оконечности Умптека (см. 1923 г.).

Далее перечислены отдельные базы и ночевки.

8. Лагерь у устья Таванока — расположен в месте, где был лагерь Рамзая, в 1 клм. на юг от устья Таванока. Это удобное место для прохода в верхнее течение Таванока, тем более, что около него постоянно проходят промышлять рыбу лопари из Корклухта. Отсюда можно захватить всю центральную часть Луяврурта.

Лагерь на высоте озера, в 15—20 м. от него. Лодкою до Тульилухта (вежа Петра Галкина) на веслах 2—2½ ч. (около 9½ клм.).

9. Лагерь в долине Таванока. В конце лесной зоны, у последних елей, на правом берегу Таванока. Высота 280 м. над Имандрой. Хода от лагеря № 8—3 или 4 часа (пересекая северо-западный отрог Парги).

Лагерь может служить для посещения жил обоих перевалов Таванока, Маннепахка, Сенгисчорра, и для перевала к Сейтъявру (см. 1923 г.).

вперёд, в надвигавшихся сумерках мы увидели, что нас разделяла большая и глубокая река. Я предложил ему приехать за нами на лодке, но он в свою очередь предложил нам идти вброд... Такой простой путь через реки нам был хорошо известен, и мы храбро двинулись через глубокую воду, удерживая равновесие при помощи палки.

И вот мы у нашего саама. Вскоре рассеивается его страх; из-за деревьев появляются фигуры, и малопомалу мы завоёвываем доверие наших хозяев. Ни они, ни даже их деды никогда не видели «людей, которые пришли бы к ним с гор». От усталости мы не можем много говорить. В избе своеобразного саамскорусского типа нас уже ждёт ночлег, и гостеприимные хозяева стараются быть как можно более любезными. В ответ мы дарим мыло, зеркальце, спички, табак — всё, что у нас было с собою, переходит постепенно и незаметно в их руки.

Саамские избы представляют четырёхугольную комнату с микроскопическими окнами и необычайно низким входом, в который приходится проходить совершенно согнувшись. Вдоль одной стены расположены полати, в углу очень хитроумно сложенный из пластин луяврита очаг, постепенно суживающийся кверху и превращающийся в трубу. Тепло очага распространяется по всей комнате, и мы с удовольствием растягиваемся на полу на чистых оленьих шкурах. Пока девочка произносит слова православной молитвы, старик со сломанной рукой тихо стонет, плачась на судьбу, не позволяющую ему работать...

За окном слышится звонкая песенка молодого саама, на саамский лад переделавшего русские песни, снабдившего великорусскую мелодию теми резкими скачками в тонах, которые, подобно тирольскому «иодельн», столь характерны для саамского пения. На следующее утро — праздник. Подружившаяся с нами семья хочет нам помочь — отвезти нас на карбасе сначала за нашим грузом к устью Тавайока, а потом к Петру Галкину.

И действительно, для нас начинается праздник. Все наши опасения непогоды рассеиваются, как дым: чудное солнечное утро, лёгкий южный бриз натягивает парус, раздается своеобразно заунывное пение саамки, сидящей за рулём. Тихо и спокойно плывём мы к северу, быстро оставляя за собою расстояние в 30 километров.

Вечереет; мы подплываем к Галкину и с нетерпением ждём вестей о других наших отрядах. Один из них уже пришёл. Он там, на том берегу Тульилухт, где некогда стояла палатка Рамзая, там, где сейчас горит костёр, вызывая лодку. Третий отряд ещё не пришёл, он должен придти завтра из центральной базы, и завтра, в праздничный день, мы снова все будем вместе.

Со спокойной глади озера тихо доносятся песни. Мерно отбивают такт вёсла, и скоро наши товарищи уже вместе с нами у костра. Мы наперерыв делимся впечатлениями; они рассказывают о том, как тонули в водах Майвальты и как открыли редкие минералы на Ньоркпахке, мы — как повстречались с медведем и как напугали саамов.

К нашему кругу подсаживаются и саамы, целые четыре семьи, почти всё население всех Хибинских и Ловозерских тундр. Тут и Василий Васильевич, старый проводник Рамзая; в его ведении северный конец озера да озерки у Солуайва; тут и Пётр Галкин, — ему принадлежит Тульилухт и всё западное побережье Умбозера, и Григорий — властитель восточных берегов.

Бережно охраняют они свои права на участки, передаваемые из поколения в поколение, и вольными птицами живут они в своих лесах.

Мы достигли конечной точки экспедиции; надо подумать об окончании её, ибо уже конец августа, начинаются тёмные ночи, а ночью — сильные заморозки.

На следующий день, даже за несколько часов до срока, назначенного нашим строгим планом, пришёл наш третий отряд. Мы ликвидируем лагерь, с грустью прощаемся с саамами и начинаем обратный путь...

Из маршрутных дневников экспедиции 1923 года (отрывки)

А.Н. Лабунцов
А.Е. Ферсман
Б.М.Куплетский

Источник публикации:
Хибинские и Ловозерские тундры. Под редакцией академика А.Е.Ферсмана. Т.1. Маршруты. Труды Научно-Исследовательского Института по изучению Севера. Выпуск 29. Москва. 1925 г.

Публикуется в сокращении — опущены подробные описания минералогических находок. Сохранена орфография источника (прим. ред.).

Экспедиция 1923 г.

...Главная трудность работ заключалась в доставке продовольствия и снаряжения до Ловозерских Тундр. Выбранный наиболее лёгкий путь от ст. Имандры проходил в два дня. Всё продовольствие в несколько приёмов при помощи пяти рабочих указанным путём было сосредоточено в лагере у Тульилухт (всего около 12 пудов продовольствия и снаряжения). Отсюда лопарем Петром Галкиным совершался в несколько приёмов перевоз на лодке всего отряда и продовольствия на восточный берег Умпъявра к устью Ангвунсиока.

Ход работ Ловозерского отряда. Первой партией из 2-х человек (А.Н.Лабунцов и Е.Е.Костылёва — Прим.ред.), удачно переехавших озеро Умпъявр в хорошую погоду, работы в Ловозерских Тундрах были начаты в северной части массива из лагеря верховий Аллуайв и частью верховий Ангвунсиока. Подъехавшие через 5 дней остальные участники ловозерского отряда перенесли работу в южную и восточную часть массива, проникнув к озеру Сейтъявру частью с юга через Чивруай, частью из лагеря устья Ангвунсиока через плато Сенгисчорра. После окончания работ на юге и возвращения к северной базе была продолжена работа из лагеря № 2 верховий Ангвунсиока.

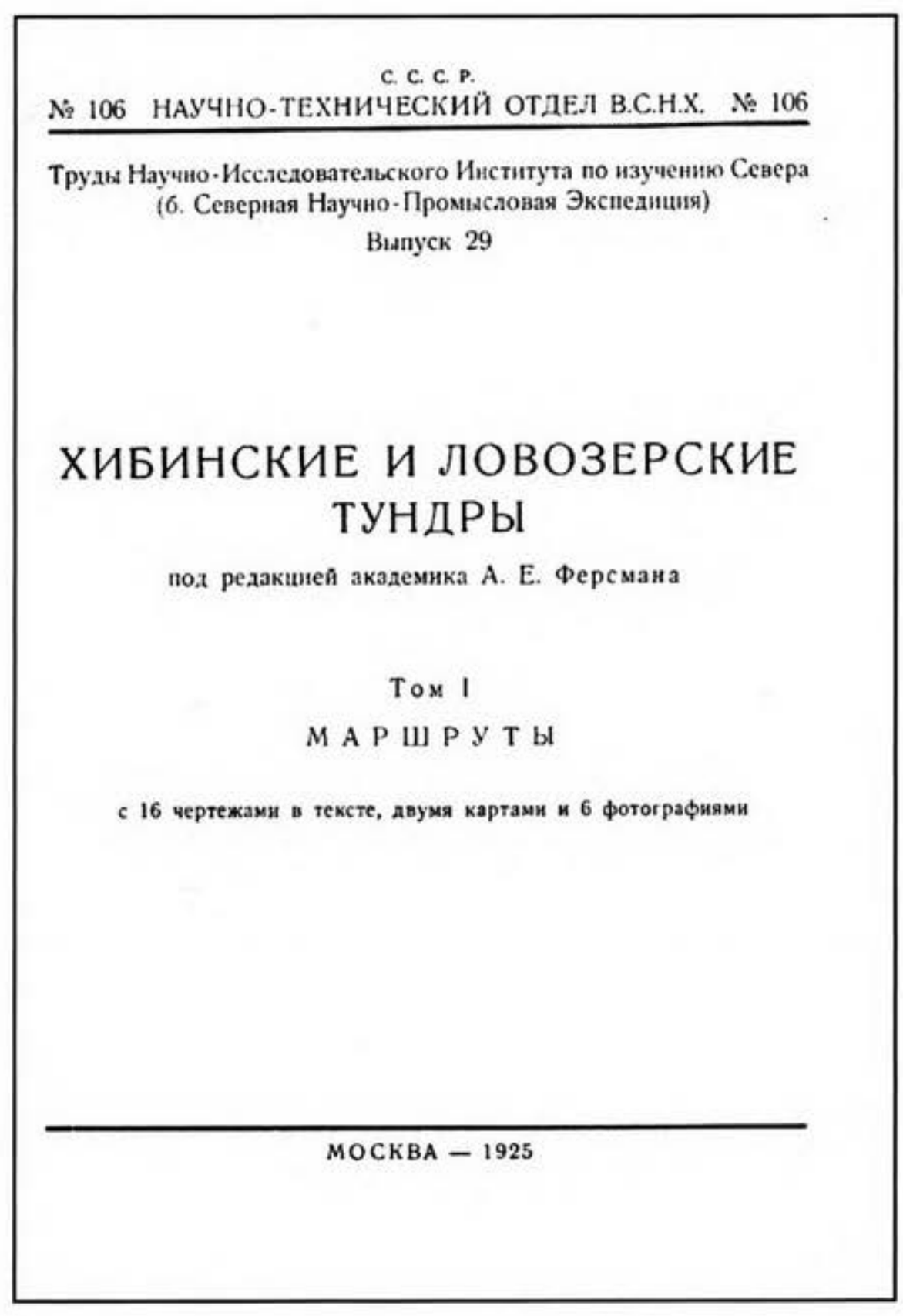
Общее число рабочих дней Ловозерского отряда 19. Маршрутами пройдено 413 клм.

Погода сильно не благоприятствовала экспедиции. 8-го августа выпал снег в горах, и начались северо-восточные бури, которые продолжались и в сентябре. В начале сентября в горах снова выпал снег, покрывший все высоты от 700 метров и сделавший невозможной работу на плато.

Результаты работ в Ловозерских Тундрах следующие:

1) Исправлена и дополнена карта Рамзая, особенно в северной части Ловозерских Тундр, где обнаружен большой и глубокий перевал — Элемарайк.

2) Подробно осмотрены массивы Ангвундасчорр, Сенгисчорр, Маннепахк, Аллуайв и сделано 6 пересечений через кольцеобразный массив к озеру Сейтъявру.



С. С. С. Р.
№ 106 НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ В.С.Н.Х. № 106

Труды Научно-Исследовательского Института по изучению Севера
(6. Северная Научно-Промысловая Экспедиция)
Выпуск 29

ХИБИНСКИЕ И ЛОВОЗЕРСКИЕ ТУНДРЫ

под редакцией академика А. Е. Ферсмана

Том I
МАРШРУТЫ

с 16 чертежами в тексте, двумя картами и 6 фотографиями

МОСКВА — 1925

3) Найдены коренные месторождения:

рамзаита (в превосходных кристаллах) — в цирках Аллуайва, Ангвунсиока, Сенгисчорра и северного перевала Таваиока;

марганцевого нептунита — в цирках Ангвунсиока, Сенгисчорра и северного перевала Таваиока;

натролита — в цирках Аллуайва, Ангвунсиока, Сенгисчорра и северного перевала Таваиока;

звездчатого лампрофиллита — в цирках Ангвунсиока и Сенгисчорра;

содалита — в цирках северного перевала Таваиока;

эвколита (в новой интересной призматической форме кристаллов) — в цирке Сенгисчорра;

нового минерала — мурманита — в цирках Аллуайва, Ангвунсиока и Сенгисчорра.

4) Констатировано значительное распространение пегматитовых жил, часто обогащенных вышеперечисленными минералами и особенно рамзаитом. Выходы жил обнаружены, главным образом, на западных склонах массива и приурочены к высоте 600-700 м над озером...» (Хибинские.., 1925).

Летняя стоянка ловозерских саамов у северо-восточных отрогов Ловозерских тундр. 1926 год. Из альбома Б.М.Куплетского. *Из фондов Музея истории освоения Европейского Севера (г. Апатиты)*

Маршруты по Ловозерским тундрам 1923 г.

CXXVI. Устье Ангвунсиока—лагерь Аллуайва (19 августа)[1].

Из Тульилухт лопарь Галкин отдельными партиями перевозил отряд через Умбозеро к устью Ангвунсиока. Ввиду непогоды в течение четырёх дней нельзя было приступить к работе. Наконец дождь перестал, туман стал рассеиваться, но горы были покрыты снегом. В 19 ч. вышли из лагеря у устья Ангвунсиока и пошли вверх по левому берегу Ангвунсиока. Пройдя около 40м., переправились через реку, вышли к концу лесной зоны и ею пошли дальше на север к р. Аллуайв. Итти удобнее по верхней границе лесной зоны, так как ниже много буераков и небольших болот. К 21 часам подошли к р. Аллуайв и на островке, образованном раздвоением заложили лагерь.

[1] Сост. Лабунцов

CXXVII. Лагерь Аллуайва — южный цирк Аллуайва и обратно (20 августа)[2].

Вершины гор по-прежнему покрыты снегом, в виду чего решили, пока не стает снег, заняться осмотром цирков. В 9 часов вышли из лагеря для осмотра южного цирка Аллуайва. Хорошая дорога левым берегом реки, с переправою через левый приток Аллуайва. До цирка — два часа. По дороге склоны долины состоят из наносных валунных образований. Около 11 ч. пошёл снег. В южной части цирка ничего интересного не найдено. В центральной части в осыпях попадаются глыбы, состоящие из спутанно-волокнистого эгирина, полевого шпата и рамзаита, и глыбы из эгирино-полевошпатовых жил с эвколитом и мурманитом. ... *(опущено подробное описание минералогических находок — прим. ред.)* Коренная порода всюду луяврит.

Склоны цирка доступны не более половины своей высоты, т. е. метров до 550, выше же совершенно отвесны. Несмотря на выпавший снег, затруднявший осмотр, таковой продолжался до 18 часов. К 20 часам, левым берегом р. Аллуайва, вернулись в лагерь.

CXXVIII. Лагерь Аллуайва — северо-западный цирк Ангвундасчорра и обратно (21 августа).

В 10 ч. 30 м. вышли из лагеря, шли левым берегом Аллуайва и, переправившись через его левый приток, поднялись по склону Ангвундасчорра в цирк. Цирк расположен на высоте около 550 м., в нём красивое глубокое озеро. Стены цирка совершенно отвесны, и для осмотра доступны лишь небольшие осыпи в цен-

[2] Сост. Лабунцов

тральной части цирка всего метров на 25 выше озера, Здесь встречены крупные глыбы, состоящие: из полевого шпата, волокнистого зелёного эгирина, иногда образующего солнца, и рамзаита в крупных, до 6 см. в поперечнике, выделениях. Кроме того встречено довольно много белого натролита, иногда с полевым шпатом или зелёным эгирином и рамзаитом, большими кусками.

Коренная порода луяврит, обогащенный то эвдиалитом, то лампрофиллитом. Осмотр осыпей продолжался до 19 часов, и к 22 часам вернулись в лагерь.

CXXIX. Лагерь Аллуайва —долина Ангвунсиока — юго-западный цирк Ангвундасчорра — устье Ангвунсиока (22 августа)[3].

Хороший солнечный день. С утра занялись сортировкою минералов, и в 13 ч. верхнею границею лесной зоны пошли на юг. Переправившись через Ангвунсиок и оставив груз на берегу, пошли левым берегом реки вверх по течению. Лесная зона по реке тянется к востоку ещё около 1 километра. Ангвунсиок делает несколько изгибов и начало своё берёт в небольшом юго-западном цирке Ангвундасчорра. В виду небольшого количества времени осмотрена лишь центральная часть цирка, и найдены:... *(опущено описание минералогических находок — прим. ред.).*

Коренные месторождения, повидимому, находятся выше 600 м., где в этот день ещё лежал снег.

Оставив почти всё собранное здесь же в цирке, чтобы впоследствии вынести и, нагрузив только бывшие при себе боковые сумки, в 19 часов пошли обратно на запад южным склоним долины Ангвунсиока. Забрав по дороге оставленный на берегу груз, тяжело нагруженные, к 21.30 часам пришли на базу у устья Ангвунсиока.

CXXX. Берег Умпъявра около Корклухт — долина Киткуай — Чивруайладв — долина Чивруай — берег Сейтъявра — лопарское становище (22 — 23 августа)[4].

После переправы через озеро Умпъявр предприняли большое пересечение дуги Ловозерских Тундр в южном районе. Описания Рамзая отмечали присутствие очень крупнозернистого пегматита на перевале между Киткуай и Чивруай, и потому отправились сперва в этот район.

Из лагеря устья Ангвунсиока на лодке переправились на самую южную оконечность Ловозерских Тундр к песчаному берегу между устьем р. Куфтуай и Киткуай. Прибыв туда к 18 ч., выгрузили снаряжение и продовольствие и с запасами продуктов на 5 дней вышли вверх через лесную зону, желая достигнуть до темноты долины Киткуай и конца леса. В начале путь лежал через болота с безымянным протоком, отмеченным на карте Рамзая, затем через каменистые грядки, остатки морозных отложений. Вскоре слева услыхали шум бурного потока и к 20 ч. втянулись в довольно узкое горное дефиле Киткуай, всё время следуя его правым берегом. После 2,5 часов мы вышли уже в темноте к последним елям, где заночевали. Погода мягкая и тёплая.

С утра 23-го холодная серая погода с юго-западным ветром. Путь очень лёгкий по верхней части долины лужайками вдоль правого берега Киткуай; сначала думали итти через северные склоны Страшемпахка, по потом, увидев каменистые склоны, решили итти маршрутом Рамзая, т.е. огибая цирк с севера. Повидимому, однако, такое решение было неправильным, и по склонам Страшемпахка гораздо скорее и легче можно было бы достигнуть перевала. Верховья долины замыкаются в плоский цирк с озерком, окружённым отвесными стенами в 300 — 400 м., и потому перевал через самый цирк недоступен. В этом отношении верховья Киткуай очень напоминают аналогичные цирки Раслака и Сенгисиока.

Поднимались перед началом обрывов по очень крутому скалистому склону, цепляясь руками. Сплошные

Лопарский посёлок на берегу оз.Сейтявр
1923(?) г. Из альбома Б.М.Куплетского
Из фондов музея Истории освоения Европейского Севера (г.Апатиты)

[3] Сост. Лабунцов

[4] Сост. Ферсман.

Лопарское становище на берегу оз. Сейтявр в Ловозерских Тундрах. 1923 г.
Фото А.Е.Ферсмана
Из фондов музея Истории освоения Европейского Севера (г.Апатиты)

каменные поля с острыми луявритами. После четырёх часов утомительного пути вышли на довольно узкую (500 м.) перемычку между цирком Киткуая и верховьями глубокого и живописного ущелья Чивруай. Среди скал мы быстро нашли тот крупнозернистый луяврит-пегматит, который был в этом месте описан Рамзаем; изредка в нём между огромными кристаллами полевого шпата и эгирина попадаются блестящие включении рамзаита. Здесь же мелкозернистые и сланцеватые разности прорезаются тонкими прожилками с минерализацией, напоминающей жилы Таваиока: в мелковолокнистом эгирине кристаллы и сростки рамзаита, иногда как бы намазки его спайных поверхностей. Местами рамзаита очень много, есть небольшие хорошие кристаллики, но выколотить их трудно.

В 13 ч. начали очень крутой спуск сначала в само ущелье, потом по ущелью. Утренний юго-западный ветер уже к полудню разыгрался в сильную бурю и на плато прямо сносил с ног. Спуск не тяжёлый, частью по карнизам над рекою, всюду довольно безопасный, и лишь в немногих местах приходилось пользоваться помощью рук. Ущелье необычайно живописно, обрамлёно крутыми скалами в 300 м., в узкой рамке которых вдали синее озеро Сейтъявр и обрывы Куамдеспахка. Минералогически ущелье ничего не дало интересного, и, несмотря на внимательные поиски, мы встречали всюду лишь однообразный серый луяврит.

После крутых обрывов с водопадами мы сошли в нижнюю часть долины с утомительным моренным ландшафтом и мелколесием. Озерки обошли справа и держались края лесной зоны, метрах в 100 выше самого течения реки. К 19 ч. ветер перешёл в бурю, начал накрапывать мелкий дождь. Мы подошли к дельте реки, покрытой густым лесом с буреломом, и, наконец, совершенно измученные, мы дошли в 20 ч., после одиннадцати часов пути (лишь с часовым отдыхом), к берегу Сейтьявра, около самого устья Чивруай. Небольшой песчаный вал, метра в 3 шириною, отделяет озеро от болотистой низины, покрытой лесом. Начался сильный дождь, а ветер перешёл в ураган, несколько раз тушивший наш костёр и не позволявший натянуть брезенты. Начало темнеть, но на озере неожиданно показалась лодка с мальчиками-лопарями. Они заметили с другого берега дым и выехали ещё до начала урагана. Среди них — сначала испуг, но потом нас узнал мальчик-лопарь, с которым мы видались в 1922 г., и вскоре лодка нас забрала. Однако, ураган поднял такую волну, что мальчики не могли справиться с лодкою, которую бросало на камни, крутило и захлёстывало волною. Мы вскоре должны были убедиться, что плавание дальше при быстро наступившей темноте может сделаться опасным, и решили только переплыть исток реки Сейтиока (текущего через гряду в Ловозеро) и выйти на берег. Вытащив лодку, мы пошли через болота вслед за детьми и около 22 ч. пришли к лопарям на большое становище.

Лопари, и в частности Павел Галкин, приняли нас очень радушно, и мы остались здесь на несколько дней для отдыха и встречи с другими отрядами.

В становище живёт до 25 чел., несколько семей, стоят две избы и ряд типичных лопарских веж.

Отсюда на склоне Нинтчурта видна большая остроконечная скала, описанная как «доисторическая пирамида» экспедицией Барченко

Отсюда на склоне Нинтчурта видна большая остроконечная скала, описанная как «доисторическая пирамида» экспедицией Барченко, а на западе, на обрывах Куивчорра, виднеются тёмные пятна, напоминающие человеческую фигуру, которые лопарями называются куйвой (истукан), и о которых рассказывала самые невероятные вещи та же экспедиция.

Без названия. (Берег Ловозера?)
Из альбома Б.М.Куплетского.
Из фондов музея истории освоения Европейского Севера (г.Апатиты)

CXXXI. Лагерь Ангвунсиока — стоянка лопарей у Сейтъявра через Сенгисчорр (22—24 августа)[5].

22 августа, в полдень тихо, ясно, безоблачно; температура 10° С. В 13 час. 30 мин. вышли из лагеря у устья Ангвунсиока. Согласно диспозиции должны были перевалить Ангвундасчорр и спуститься к Сейтъявру.

На высоте около 500 м. пересекли реку, текущую из озера в цирке Сенгисчорра. При подъёме встречен почти исключительно эвдиалит-луяврит, идущий до высоты 680 м. Поднимаясь отсюда по узкой перемычке вдоль южного края озерного цирка на Сенгисчорр, на высоте от 680 до 740 м. встретили быструю смену пород в вертикальном направлении. Эвдиалит-луяврит сменяется нормальным, затем снова эвдиалит-луявритом, опять нормальным и снова эвдиалит-луявритом. ... *(опущено подробное описание минералогических находок — прим. ред.).* В 20 часов перевалили через высшую точку в 950 м. и по очень тяжёлому пути, среди острых глыб и по рыхлому снегу, где ноги проваливались местами по колено, стали спускаться к Сейтъявру.

При спуске на высоте около 780 м. среди лампрофиллит-луяврита проходит в С-Ю направлении ряд незначительных полево-штатово-эвколитовых жил пегматитового габитуса. Спуск далее шёл по очень трудному пути с острыми, поставленными на ребро, глыбами, при сильном юго-западном ветре, дувшем в спину, и при быстро наступавшей темноте. К 23 часам, при начавшемся дожде, спустились до высоты 500 м. и, не рискуя далее спускаться в темноте, залегли между скалами, устроив навес из брезентов и не имея возможности развести костёр из за отсутствия топлива.

На следующий день в 0 часов двинулись в путь. Задача дня — спуск к Сейтъявру; однако, она оказалась не такою простою. Идя на СВ, пытались спуститься в долину реки, отделяющей нос Ангвундасчорра от Сенгисчорра. Но многочисленные попытки не привели ни к чему. Всюду ниже 400 метров натыкались на отвесные стены или зияющие трещины. Наконец мы решили опять подняться на плато, пройти на запад и искать спуска в долину реки, текущей от Тавайока.

Путь на плато не дал ничего интересного: беспорядочное нагромождение глыб эвдиалит и лампрофиллит-луявритов, в которых лишь местами можно было отметить вертикальную отдельность, идущую в направлении ЮЗ 250°. После долгих попыток нашли наконец спуск в долину реки. Спуск был до чрезвычайности тяжёл, очень крут, шёл по громадным, часто неустойчивым, глыбам и сплошь и рядом выводил на отвесные обрывы. Только к 10 часам 40 м. утра мы спустились в долину реки на высоте 300 м. над Имандрой.

Путь отсюда к Сейтъявру оказался тоже очень утомительным, особенно в нижней части, в районе елового леса. Здесь мы попеременно попадали в бурелом, в заросшие мхом россыпи каменных глыб, в болота, в высокую траву и т.д. Лишь к 13 ч. увидели перед собою Сейтъявр, но остановиться на западном берегу его, согласно диспозиции, не могли из-за топких болот.

Поэтому, перейдя по колено вброд реку и пройдя ряд болот, в 15 часов стали лагерем на южном берегу Сейтъявра, против обрывов Карнасурта и Куивчорра.

Вечером ветер усилился и скоро перешёл в настоящий ураган. На Сейтъявре вздымались сильные волны, деревья нагибались чуть не до земли, и ежеминутно можно было опасаться, что сорвет брезенты. Лишь к часу ночи буря утихла, и стало спокойнее, при меняющемся ветре от ЮВ к ЮЗ.

На следующий день вышли вдоль озера на восток и через три часа хода по довольно хорошей, но всё же утомительной из-за моха и наваленных глыб, дороге дошли до устья Чивруайя. Разложили костёр, начали устраивать лагерь, но скоро увидели лодку, подъезжавшую к нам от лопарского становища, и через полчаса соединились с Чивруайским отрядом.

[5] Сост. Куплетский.

Оз.Сейтъявр, вдали Ангвундасчорр, справа Куивчорр. Из альбома Б.М.Куплетского.
Из фондов музея истории освоения Европейского Севера (г.Апатиты)

CXXXII. Устье Ангвунсиока — лагерь Таваиока (23 августа)[6].

Вышли из лагеря, взяв направление на юго-восток; путь оказался очень неудачным, так как лес здесь сильно заболочен. Во многих местах приходилось возвращаться на север в обход болот, расположенных до высоты 150 м. Переправившись через Сенгисиок и поднявшись почти к концу лесной зоны, пошли в юго-восточном направлении, огибая Сенгисъюн. Местность трудно проходима, сильно изрезанная моренным ландшафтом, и только по выходе к р. Таваиоку дорога стала лучше.

После пятичасового утомительного пути правым берегом р. Таваиока остановились в конце лесной зоны.

CXXXIII. Лагерь Таваиока — северный перевал Таваиока — 1-ая западная речка Сейтъявра — южный перевал Таваиока — долина Куфтуай — устье Куфтуай (24 и 25 августа)[7].

С утра, несмотря на сплошной туман, решили итти на северный перевал Таваиока. Река Таваиок вытекает в конце лесной зоны из под террасообразного возвышения, идущего поперёк долины. Дорога очень утомительна из-за больших воронкообразных углублений и нагромождений глыб. В восточном конце долины расположено небольшое озеро, в которое впадают два ручья — с северного и южного перевалов Таваиока.

Туман ещё более сгустился, и дальше шли, руководясь северным ручьём. На протяжении около 1 клм. шёл постепенный незначительный подъём, а затем пришлось подниматься по очень крутому откосу, по которому течёт несколько ручьёв, образующих ряд водопадов. Поднявшись на высоту около 700 м. над озером Умпъявр, к началу перевала, на северном его склоне мы вскоре нашли рамзаитовую жилу, содержащую в себе: серовато-зелёный волокнистый эгирин, полевой шпат, рамзаит. В крупных выделениях и кое-где лампрофиллит. Затем была найдена эвколито-полевошпатовая жила с эгирином, содалитом и рамзаитом, открытая в 1922 г. Кроме того здесь же в россыпях были сделаны случайные находки натролитовых штуфов с эгирином, заключавших в себе нептунит. Поднялся сильный холодный северо-западный ветер, разогнавший туман. Сильно продрогшие, благодаря принесенным с собою дровам, мы имели возможность вскипятить чай и согреться. Вскоре ветер ещё более усилился, и пошёл дождь, несмотря на что до 20 часов мы продолжали разработку жил. Особенно интересною оказалась эвколито-содалитовая жила, на которой нам удалось взять отличные образцы элатолитов как в полевом шпате, так и в эвколите и рамзаите.

Не надеясь засветло дойти обратно к началу лесной зоны в долине Таваиока по неимоверно утомительной дороге, решили, перевалив через северный перевал Таваиока, спуститься в долину 1-ой западной речки Сейтъявра и попытаться дойти до начала лесной зоны. Пошли через перевал на восток. Подняться пришлось ещё не более 25 м., после чего начинается едва заметный уклон к востоку. Таким образом сам перевал тянется около 3 клм. с чередующимися в нём снежными полями. Затем идёт крутой спуск к началу лощины 1-ой западной речки Сейтъявра. Несколько ручьёв, стекающих с разных склонов, образуют здесь, на высоте около 400 м., красивое глубокое озеро, из которого уже и вытекает 1-ая западная речка Сейтъявра.

Следуя правым берегом этой речки, мы шли до полной темноты, но лесная зона была, повидимому, ещё далеко, так как мы спустились не более, чем на 300 м. от перевала. Пришлось здесь остановиться на ночь, выбрав более или менее защищенное от ветра место за каменными глыбами. Ветер всё усиливался и превратился в бурю. Около трёх часов пришлось затратить на то, чтобы как-нибудь укрепить на камнях полотнища и под ними развести огонь из принесенных с собою дров. Продрогнув до 5 часов утра, когда стало светлее, пошли назад к северному перевалу Таваиока. Ветер понемногу утих, и выглянуло солнце.

[6] Сост. Лабунцов.

[7] Сост. Лабунцов.

Рыбацкая лодка ловозерских саамов на Сейдозере. 1926 год. Из альбома Б.М.Куплетского. *Из фондов музея Истории освоения Европейского Севера (г.Апатиты)*

Поднявшись до высоты 550 м., занялись осмотром перевала: в россыпях попадается рамзаит с полевым шпатом, зелёным эгирином и эвколитом. Не доходя 1/2 клм. до высшей точки перевала, повернули на юго-запад и поднялись на гребень, разделяющий северный и южный перевалы Таваиока. На этом отроге, на высоте 600 — 625 м., встречено несколько пегматитовых жил, но бедных или совсем без рамзаита (по-видимому, об этих жилах упоминает Рамзай). Свернув далее на юг, пошли к южному перевалу Таваиока, ведущему в долину Куфтуая. Осмотр южного перевала Таваиока ничего интересного не дал. С началом понижения к югу, бывший до сих пор преобладающею породою эгириновый и эвдиалитовый луяврит здесь резко сменяется плотным зеленоватым лампрофиллитовым луявритом, и дальше в нём уже нигде пегматитовых жил не встречалось.

Выйдя к истокам северного ручья Куфтуая, мы спустились по крутым осыпям к слиянию его с восточным ручьём и, двигаясь дальше то левым, то правым берегом Куфтуая, вышли к озеру Умпъявру на 1/2 клм. южнее устья Куфтуая, где и заночевали.

CXXXIV. Становище Сейтъявра — устье Элемарайка — ущелье и перевал Элемарайк — северные цирки — на северных склонах Карнасурта (26 августа)[8].

После нескольких дней отдыха Ферсман и Гуткова решили покинуть гостеприимное лопарское становище и, в то время как Бонштедт и Куплетский вышли на южное пересечение Ловозерских Тундр, направились на пересечение к северу.

В лодке Павла Галкина, при сильном южном ветре («шелоннике») мы выехали к западному концу Сейтъявра. При великолепной солнечной погоде Сейтъявр был необычайно красив, обрамлённый обрывистыми склонами и снежными вершинами Аллуайва, Ангвундасчорра и Сенгисчорра. Павел Галкин направлял лодку вдоль южного берега, и мы могли любоваться скалами Куивчорра, с тою поразительною полосатостью изверженных пород, которая описана у Рамзая. На крутом обрыве к озеру виднелась чёрная фигура — Лопарского истукана (куйва), высотою приблизительно в 150 м., образованная пятнами мокрой породы, покрытой тёмными лишайниками.

Западный конец Сейтъявра совершенно не передаётся картою Рамзая: замыкающая его низина образована наносами трёх рек, текущих со склонов Сенгисчорра, и большой реки Элемарайка, текущей с севера. Элемарайк в виде очень глубокой полноводной реки втекает в озеро, немного южнее мыска, на котором красиво возвышается заброшенная вежа Павла Юрьева.

Река настолько глубока и чиста (напоминает немного устье Майвальты), что по ней мы проплываем на лодке около 2 клм. и лишь при начале порогов и корчей выходим на левый берег. Река эта замечательна своими глубокими омутами, и в глубине сквозь синюю воду просвечивает нежно отмученная белая глина, которая при высыхании на воздухе принимает светлозеленоватый цвет. Эта глина поразительна по своей чистоте, может быть является отложением ледниковых вод и до сих пор нигде больше не была встречена в районе Хибинских и Ловозерских Тундр.

В 15 часов дня мы расстались с Павлом Галкиным и стали подниматься по сильно заросшей долине вверх по реке. Два часа утомительного пути по лесной зоне — широкая долина, обрамлённая отвесными стенами. Впереди долина разделяется: налево идёт глубокое ущелье — к западу, замыкающееся отвесным цирком Аллуайва: направо — крутая, довольно узкая лощина, оканчивающаяся мягким пологим цирком, без какого-либо перевала; прямо напротив — довольно узкий и круто понижающийся лог, выше переходящий в перевал с скалистыми обрывами с запада. В виду необычайной загромождённости лога камнями, по которым спадали водопады, мы стали подниматься по восточному склону, сначала мягкому, хотя и крутому, но далее переходящему в каменное море из больших глыб. Самый перевал оказался невысоким, но очень тяжёлым из-за нагромождённых глыб; переход ещё усложнялся сильным юго-западным ветром и дождём. Вскоре открылся вид на большой цирк, довольно крутой к северу, с речкою и большим озером. Спуск был нетруден, и мы быстро вступили на северные склоны, выйдя нз теснин цирка, обрамлённого, особенно со

[8] Сост.Ферсман.

Без названия. (В веже Сейдозерских саамов?) 1923(?) г. Из альбома Б.М.Куплетского.
Из фондов музея истории освоения Европейского Севера (г.Апатиты)

стороны Аллуайва, обрывистыми склонами.

В общем склоны северные довольно пологи, болотисты, лишены лесной растительности, очевидно благодаря северным ветрам не поднимающейся выше 150 м. Поэтому мы скоро убедились, что достигнуть в этот-же день лесной зоны через болотистые низины, с весьма полноводными реками, нам невозможно, и потому заночевали при весьма неприятной погоде в зарослях низкорослых берёз.

На всём протяжении не было встречено нигде скоплений минеральных тел в луяврите, и только в выносах Элемарайка было найдено несколько случайных кусочков с рамзаитом. Самый перевал и северный цирк не дают никаких находок, но необходимо иметь в виду, что очень скверная погода и утомление не позволяли быть в достаточной мере внимательными.

CXXXV. Северные склоны Карнасурта — северные цирки Аллуайва — склоны Аллуайва — лагерь Ангвундасиока устье[9] (27 августа) (продолж. маршр. CXXXIV).

С места ночёвки хорошо можно было рассмотреть все склоны Ловозерских Тундр, лежащие на юго-западе два больших цирка и накануне пройденный перевал. На северо-востоке в бинокль можно было рассмотреть Ловозерский погост.

Погода улучшалась, и мы решили направиться в обратный путь, огибая с северо-запада склоны Аллуайва. В начале затруднения создавались тою рекою, на правом берегу которой был расположен лагерь: эта река слагалась из двух потоков, из которых западный вытекал нз одного из циркон Аллуайва, а восточный —из цирка с перевалом между Аллуайвом и Карнасуртом. В виду многоводности рек приходилось их переходить выше места слияния. Далее постепенно поднимались на склоны Аллуайва, достигнув высоты 700 м., где начались каменные поля. Никаких месторождений минералов найдено не было, несмотря на то, что внимательно осматривали склоны, и прекрасная, ясная, хотя и свежая, погода этому благоприятствовала. Обогнув Аллуайв, стали наискось спускаться к устью Ангвунсиока, пересекая сначала бурный Аллуайвиок (выше лесной зоны), а затем и Ангвунсиок (в конце лесной зоны).

По ней подошли на высоте около 500 м. к треугольной вершине горы, которую в 1922 г. экспедиция Барченко издали приняла за пирамиду.

CXXXVI. Стоянка лопарей у Сейтъявра — стоянка лопарей в Корклухт[10] (26—27 августа).

С утра ясно, дует значительный юго-восточный ветер. В 12.30 часов выступили в путь через Нинчъурт, Чиврпьялк, Страшемпахк — к южным лопарям в Корклухт, а оттуда к базе Ангвунсиока. Прошли лопарскою тропою на берег Ловозера к веже лопаря Ивана Сарванова. Последний подвез нас через залив Ловозера к Нинчъурту и вывел на лопарскую тропу. По ней подошли на высоте около 500 м. к треугольной вершине горы, которую в 1922 г. экспедиция Барченко издали приняла за пирамиду.

Все юго-восточные горы Луяврурта пологи, покрыты моховою растительностью и усыпаны мелкими обломками нормального луяврита, перемежающегося с полевошпатовыми породами. У подножья пирамиды отмечена широкая трещина, идущая на СВ 85°, с отвесными стенами до 20 м. высоты. Редко наблюдаемая отдельность луяврита то горизонтальна, то падает в Нинчъурте на СВ под углом 10°—15°.

[9] Сост. Ферсман.

[10] Сост. Куплетский.

Семья саамов Павла Галкина и Алексея Сорванова у избы на оз.Сейдозеро. 20-е гг.
Из архива О.А.Воробьевой (Пеков, 2001).

пришли к Григорию Галкину, где нашли Костылёву и Лабунцова, поджидавших нас ещё с вечера 25 августа.

CXLI. Лагерь Ангвунсиока — плато Ангвундасчорра — 2-ой правый приток Элемарайка — лагерь Ангвунсиока (4 сентября).

С утра туман. Надеясь на улучшение погоды, решили попытаться, пройдя через плато Ангвундасчорра и Аллуайва, проникнуть в северный цирк Аллуайва.

В 12 часов вышли из лагеря. Постепенно поднимаясь по Ангвунсиоку, против юго-западного цирка Ангвундасчорра, на высоте около 850 м., т. е. метров на 50 выше нептунитовой жилы, открытой накануне, встретили вновь выходы, повидимому, той же жилы с нептунитом, а также рядом глыбы с рамзаитом.

Поднявшись к южной вершине Ангвундасчорра, попали в такой сплошной туман, что дальше пришлось ориентироваться только по компасу. На плато Ангвундасчорра лежал снег. Пройдя в северо-восточном направлении, как мы считали, между южной и северной

В 18.30 часов на склонах Энгпора попали под дождь, тучи были угрожающие, и мы поспешили спуститься в лесную зону. Спуск был очень труден из-за пересечённой местности с волчьими ямами. В 20 час. остановились на ночлег на высоте 150 м., не дойдя до Райтиока.

На следующий день пасмурно. Пройдя низом цирк Райтъявра и довольно удачно миновав ряд буераков, стали по пологому носу подниматься на Страшемпахк.

Нижняя часть южных склонов Луяврурта сплошь покрыта ледниковыми отложениями с чуждыми валунами, воронками и т. п. и, конечно, никаких контактов наблюдать не удалось. При подъёме на гору замечено чередование нормальных луявритов с лейкократовыми лейстовыми разностями. Последние залегают на высоте 620—650 м. ...*(подробное описание минералогических находок — прим. ред.)*. От конца носа Кьеткнью-на начали спускаться к озеру и через 1,5 часа очень хорошо вышли недалеко от Корклухт, где стоянку лопарей мы видели ещё сверху. Обогнув с запада Куетченбай, к 20 часам

Без названия. 1923(?) г. Из альбома Б.М.Куплетского.
Из фондов музея истории освоения Европейского Севера (г.Апатиты)

1. «Пирамида». Вид с ЮВ.
2. «Пирамида». Вид с З.
3. Вид на Сейдозеро с горы Нинчурт.
4. Остров Волшебный на Ловозере.

Фото В.Лихачёва. 2010 г.

КАРТА ЛОВОЗЕРСКИХ ТУНДР.
(ЛУЯВРУРТ)

по карте В. Рамзая исправленной и дополненной на основании работ экспедиций 1922–1924 г.г.

● месторождения ○ ночевки △ лопарские
— маршруты ✺ базы вежи

горизонтали через 100 метров

масштаб

1 0 1 2 3 4 5 км.

Карта Луяврурта составленная Вильгельмом Рамзаем по материалам финских экспедиций 1887-1892 гг.

Карта Луяврурта из книги «Хибинские и Ловозерские тундры» (под ред. А.Е.Ферсмана), т.1. 1925 г.

Вид на скалу Куйвы с ЮВ берега Сейдозера. 2010 г.

Скала Куйвы. 2009 г.

Фото В.Лихачёва

Сейдозеро. 2009 г.

Фото В.Лихачёва

вершинами Ангвундасчорра, мы вскоре натолкнулись на ряд труднопроходимых трещин и нагромождений глыб. Обойдя их и пройдя около 1/2 клм в северо-западном направлении, натолкнулись на ещё более трудно проходимые обрывы; пришлось повернуть и спускаться в северо-восточном направлении. К 17 часам вышли к началу какого-то цирка. Судя по его северо-восточному направлению, увидели, что это не цирк северного склона Аллуайва, а один из цирков притока Элемарайка; причём обойти этот цирк, чтобы итти на север, было невозможно из за тех же трещин и нагромождений глыб.

Принимая во внимание полное несходство карты, невозможность правильно ориентироваться из-за тумана и в виду позднего времени, совершенно промокшие, мы решили спуститься в этот цирк, чтобы скорее достигнуть лесной зоны. С большим трудом спустившись в тумане по крутым осыпям, мы пошли по ущелью, которое вскоре свернуло на восток. Следуя то одним, то другим берегом реки, по очень плохому пути, совершенно закоченевшие и почти выбившись из сил, к 21 часу, мы подошли, наконец, к слиянию нашей речки с Элемарайком и здесь, в начале лесной зоны, остановились на ночь. Холодный северный ветер и дождь продолжались всю ночь. Имевшиеся при нас лёгкие полотнища плохо предохраняли от дождя; ночь провели у костра и только к утру более или менее обсушились. Лишь к 10 часам утра 5 сентября перестал дождь; но небо всё было покрыто тучами, принявшими слегка розоватый оттенок. Как мы узнали от лопарей, это признак того, что пойдёт снег, и можно ждать снежной мятели.

В виду такого состояния погоды нечего было и думать итти осматривать северные цирки Аллуайва, как раз открытые для северного ветра, да и времени, и продовольствия оставалось лишь на то, чтобы вернуться к вечеру в лагерь Ангвунсиока. В 12 часов вышли из лагеря на север по правому берегу Элемарайка с целью просмотреть ущелье 1-го правого его притока и оттуда, поднявшись на Ангвундасчорр, возвратиться в лагерь Ангвунсиока.

Река Элемарайк течёт с перевала того же наименования, и с запада в неё впадает 1-ый правый приток. Ущелье этого притока — с почти отвесными стенами. Пройдя по этому ущелью около 2 клм, наконец, нашли место, где по крутым, крупным осыпям удалось подняться на отрог Ангвундасчорра. Пошёл снег, и кругом всё заволокло. Пришлось итти опять по компасу, взяв направление на юго-запад. Снег и ветер усиливались. Вскоре мы шли по глубокому снегу. Чем дальше мы шли, тем глубже становился снег и сильнее разыгрывалась метель. Вязнув в снегу по колено, а в некоторых местах проваливаясь и по пояс (между большими глыбами), мы всё же держались направления на юго-запад, делая в час не более 1/2 клм.

Нина Николаевна Гуткова (слева) и Ольга Анисимовна Воробьева. 1929.
Из архива О.А.Воробьевой (Пеков, 2001).

Пройдя таким образом более трёх часов, вышли на плато Ангвундасчорра. Вскоре начался постепенный спуск к западу. Здесь образовались уже громадные наносные снежные гряды, и мороз, по-видимому (термометра с собой не было), дошёл до 5-6 , так как сильно щипал уши, а на снегу образовался наст, и мы увидели пропасть; это должен был быть северо-западный цирк Ангвундасчорра с его отвесными стенами.

Двигаясь сначала на юг, а потом на юго-запад и постепенно огибая цирк, мы пошли дальше опять-таки по компасу на юго-запад. Только спустившись до 350 м, мы смогли наконец ориентироваться и увидели перед собою долину Ангвунсиока. Здесь уже дорога была нам знакома, и к 21 часу мы пришли в лагерь верховья Ангвунсиока. Здесь тоже, несмотря на высоту всего в 200 м, лежал снег.

На другой день утром мы перешли в лагерь — базу у устья Ангвунсиока, где уже ждал с лодкою лопарь Пётр Галкин. В тот же день, ликвидировав базу, переправились через озеро для дальнейшего возвращения на ст. Имандру.

«Страна гипербореев» Льва Гумилевского

В.А.Лихачёв

Лев Иванович Гумилевский — русский советский прозаик и редактор (детской и научно-художественной литературы, реалистической прозы).

Родился 1 марта 1890 в г. Аткарск (Саратовской губ.) в семье чиновника. Учился в Казанском университете (2 курса), и в Саратовском сельскохозяйственном институте. Печататься начал с 1910, дебютировав в печати стихами. После Октябрьской революции редактировал журнал «Вольный плуг», в годы Гражданской войны работал в печати Петрограда и Саратова, работал в культпросветучреждениях; позже переехал в Москву. «Повесть «Собачий переулок» (1927), послужившая поводом к дискуссии о проблемах морали, подверглась критике в печати за натуралистическое изображение любви и быта молодёжи в годы НЭПа». Гумилевского перестали печатать. С нач. 1930-х гг. приглашен Максимом Горьким для работы над серией «Жизнь замечательных людей». Среди книг этой серии, написанных им, наиболее известные — «Жуковский» (1943), «Бутлеров» (1951), «Вернадский» (1961), «Зинин» (1965) и др. Член Союза Писателей СССР. Среди произведений Гумилевского — «агитационная» пьеса о победе мировой революции, «Владыка мира» (1921), «Крылья родины», «Русские инженеры», а также этнографические исторические (или псевдоисторические) рассказы — «Страна гипербореев» (1927) и «Белые земли» (1930). Мемуары: Судьба и жизнь: Воспоминания (1988). Умер 29 декабря 1976.

Лев Гумилевский (1980-1976)

Очевидно, что фантастический рассказ Льва Гумилевского «Страна гипербореев» был вдохновлен «результатами» экспедиции Александра Барченко, информация о которой была опубликована в петербургских газетах и в докладе общества «Мироведения». Рассказ был издан в 1927 году через пять лет после нашумевших сообщений.

Бывал ли Лев Гумилевский на Кольском полуострове? Мы не знаем.

Был ли лично знаком Лев Гумилевский с Александром Барченко? Весьма вероятно. Оба писатели-фантасты, оба жили в Петрограде, вероятно, до революции печатались в одних журналах.

В рассказе легко узнаётся идея, звучащая в дневнике Александра Кондиайна, участника экспедиции А.В.Барченко, о «гиперборейском» происхождении саамов. Загадочные лабиринты севера также объясняются их саамско-гиперборейским происхождением, превращаясь из небольших каменных выкладок в огромные храмы-лабиринты на берегу Умбозера.

Экзотизация образа лопаря-саама в литературном описании Л.Гумилевского выражается в подчёркивании его языческих верований. Живут лопари в заброшенных храмах-лабиринтах, используют шаманов и поклоняются деревянным болванам-божкам. Придание образу лопаря экзотических черт весьма распространённое явление в публицистике XIX-го — нач. XX-го веков (Бодрова, 2014). Оно живёт и в современной попу-

лярной литературе, где о саамах с удовольствием пишут как о язычниках, избегают упоминать о многовековом православии Кольских саамов. Ещё в 19-м веке многие саамы-информанты рассказывали этнографам о языческих обрядах не иначе как о пережитках, верить в которые негоже порядочному христианину.

Но, читающая развлекательные книги публика, требует мистики — и, конечно, им нужен саам-язычник, потомок гипербореев, шаманист и даже последователь восточных традиций.

В этом смысле не отстаёт от Гумилевского и его современница — публицист Зинаида Рихтер. Описывая впечатления от саамов в документальной прозе она играет с экзотическими образами:

«Окаменев, словно буддийские божки, сидят на санках кокетливые лопарки. Их малицы (одежда из оленьих шкур), украшены цветной замшей, а своеобразные головные уборы (в роде шлема Афины-Паллады) вышиты шелками и камнями; преобладает рисунок, мальтийского креста — фашистский знак» (Рихтер,1929).

Рассказ Льва Гумилевского начинается интригующе — почти как вестерн.

«Из Колы, направляясь в глубь полуострова, вышел 24 июня 1913 года топографический отряд. Отряд, состоявший из шести человек, намеревался обследовать течение реки Умбы, вытекающей, как не многим известно, из озера того же названия.

Никто из участников этой экспедиции не вернулся.

Для огромного большинства составителей карт точное местоположение реки и озера остаётся по-прежнему неизвестным. На всех просмотренных мной картах Кольский полуостров кажется в огромной своей части безводной пустыней, а на большинстве их загадочное озеро не означено вовсе, хотя величина его составляет не менее трети огромного Имандрского озера.»

Интересно, что до революции подобной экспедиции по обследованию течения реки Умба так и не состоялось. Топографические отряды обследовали лишь течение реки Варзуги (Риппас,1899).

В 1877 году путешественник В.И.Немирович-Данченко пишет об Умбозере «... В Хибинских горах найдено большое озеро, не нанесённое на карты.» (В.И.Немирович-Данченко, 1877:59).

Действительно, Умбозеро закрепилось на картах только стараниями финской экспедиции 1887 года (рук. Ю.Пальмен).

В 1910-11 годах на реке Умба побывали студенты В.Ю.Визе и М.А Павлов — возможно, путевые заметки этого путешествия были знакомы автору рассказа по публикациям в журнале Архангельского общества изучения севера.

И лишь в 1925 г. первая топографическая карта реки Умба была составлена В.И.Влодавцем — геологом впоследствии ставшим известным благодаря открытию месторождений апатита в Хибинах.

Возможно «картографическая ускользаемость» Умбозера стала одной из причин по которой автор перенес действие рассказа именно сюда. С другой стороны значительные размеры таинственного озера позволяют спятать здесь крупный остров с древним племенем, а глубина и крупные волны защитить его от посторонних взглядов («умб», «умп» - искаженное саамское «нымпь» - что значит в переводе «волна»). «Гиперборейские» находки экспедиции А.В.Барченко были связаны с Сейдозером и Ловозером, а на Умбозере экспедиция так и не побывала.

Повествование продолжается:

«Об отряде не было получено никаких сведений. Ни обстоятельства гибели его, ни самое место трагедии не было никому известно. Однако никто из туземных жителей не сомневался в том, что топографы и их спутники погибли на пути к Острову Духов. Этот остров, о котором лопари говорят только днём, и то шепотом, находится в самой середине озера Умбы. Существует предание, в достоверности которого никто ещё не решился усомниться, что всякий, пытавшийся переправиться с берега на остров, погибал в волнах Умбы.»

Описания А.А.Кондиайна и А.В.Барченко «Оленьего острова» или Кыйт-суол на Ловозере, на который их отказались везти саамы, весьма вероятный прототип описываемого в рассказе «Острова духов». Этот остров также упоминается в уже цитировавшихся выше путевых заметках Зинаиды Рихтер «По Лапландии» (см. в этом номере альманаха):

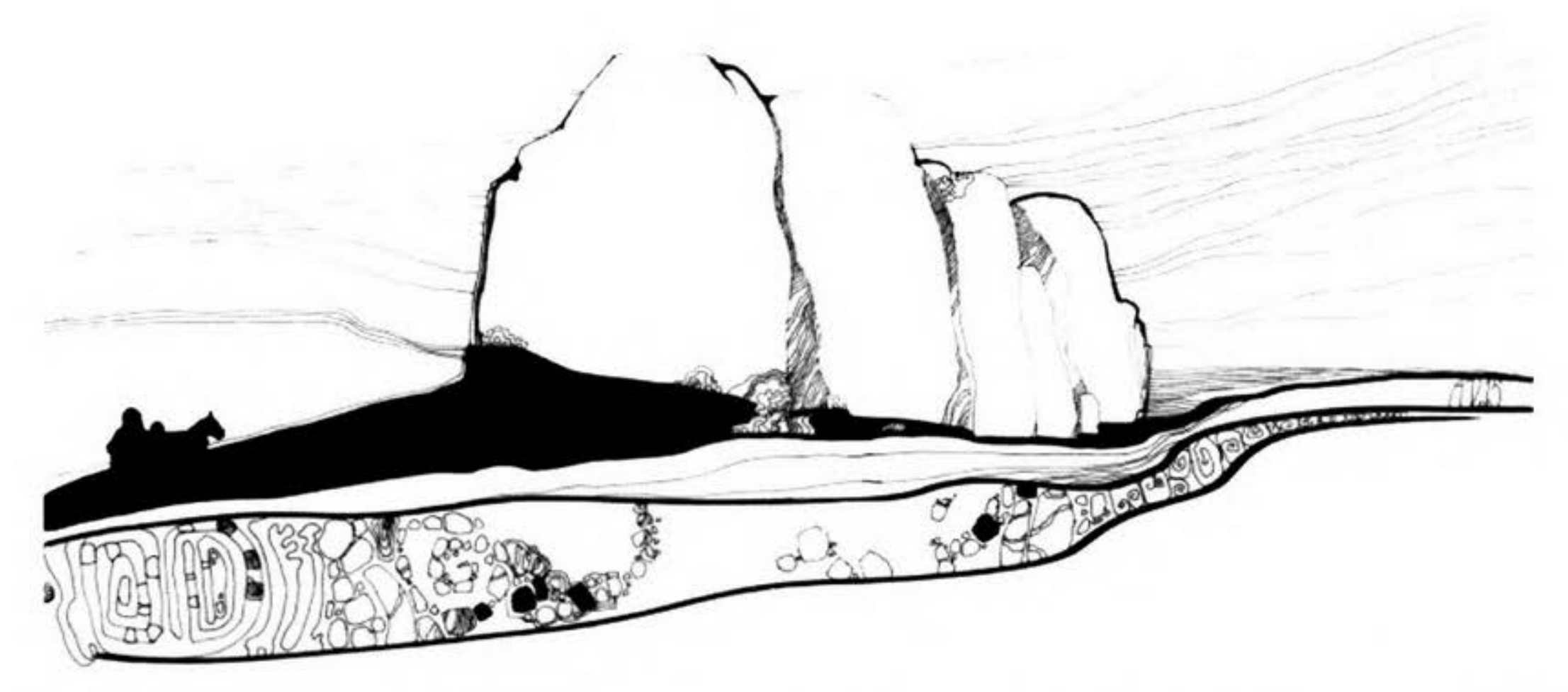
«Осенью лопари празднуют особый олений праздник. В этот день оленей не запрягают, все мужчины-лопари отправляются на лодках на Олений остров. Здесь происходит нечто в роде древнего жертвоприношения. Лопари складывают в пещере привезённые с собою оленьи рога. В древности, — рассказывают старики, — на этом острове происходили состязания молодых лопарей, которые выходили на бой голыми, с оленьими рогами на голове. Победитель получал в награду самую красивую девушку.

По преданию, ни одна женщина не была на Оленьем острове, и стоит только женщине сесть в лодку и приблизиться к острову, как начинается буря, лодка опрокидывается.»(Рихтер, 1929).

Другой исследователь, проф. В.С.Доктуровский также пишет об этом острове (подробнее в его статье в этом номере альманаха):

«Так, на Ловозере, в восточной части его, имеется «священный» остров, заброшенный в лабиринте многочисленных других островков, на котором есть якобы пещеры; к этим пещерам привозят жертвоприношения из оленьих рогов. Женщины сюда не допускаются; да и вообще, если кто-либо из непосвящённых приближается к этому острову, то, по местному поверью, поднимается сильная буря и попасть на остров тогда нет никакой возможности.»(Доктуровский, 1934)

На современных картах остров встречается под именем «Волшебный» или «Колдун». Своё путешествие на остров Китсуол в 1910 году описал шведский исследо-



ватель Густав Хальстрем (Хальстрем, 2013(1922)). Ещё одно его название «Роговой остров».

Именно загадочный «остров духов» привлекает ключевой персонаж рассказа Льва Гумилевского — таинственного доктора, как выясняется в конце рассказа из Индии (вспоминается доктор Чёрный из одноимённого романа А.Барченко), который находит в Коле проводника.

И вот летом 1926 года, то есть через тринадцать лет после исчезновения экспедиции топографов, из той же Колы и совершенно по тому же направлению, имея целью своего путешествия также озеро Умбу, отправился другой отряд, хорошо снаряжённый для путешествия, но состоявший всего лишь из двух человек. И только одного из них, старого охотника с мурманского берега, Николая Васильевича Колгуева (автор даёт имя герою рассказа в честь острова Колгуева, расположенного в Баренцевом море), в просторечии Колгуя, знала провожавшая путешественников толпа зевак. Отойдя на приличное расстояние от Колы, путники встречают нечто любопытное:

«... развалины каменной стены, возвышавшейся над низкою порослью карликовых берёз, были видны издалека.

Колгуй весело воскликнул: — То, что нам нужно для ночлега, доктор. Мы не могли бы и желать здесь лучшего...

— Что это такое? — повторил тот, не замечая болтовни охотника. Жилище?

— Да, иногда в них живут лопари... Я думаю, что им по тысяче лет, и те, кто их строил, были посильнее нас... Лабиринты — называли их топографы.

— Хорошо, мы ночуем там! — вдруг согласился тот и, круто повернув с дороги, направился к дряхлым камням с такою поспешностью, что Колгуй с недоумением погнал за ним свою лошадь, не понимая, откуда вдруг появилась в докторе такая охота к ночлегу и отдыху.

...

Тот, кому случалось забираться в глубь Кольского полуострова, встречал, конечно, как и Колгуй, исколесивший его во всех направлениях, среди зарослей карликовой берёзы и стелющейся по земле ивы необычайные каменные лабиринты, где лопари, остающиеся до сих пор язычниками, приносят жертвенных животных своим сердитым богам.

Стены этих странных построек невысоки. Они сложены из огромных камней, заставляющих вспоминать о великанах, которым одним только под силу могли быть подобные сооружения. Внутренность этих построек представляет собою ряд переплетающихся между собою ходами и выходами каменных коридоров. Они, кружась, в конце концов выходят к центру лабиринта, где водружён тяжкий, как скала, каменный очаг.

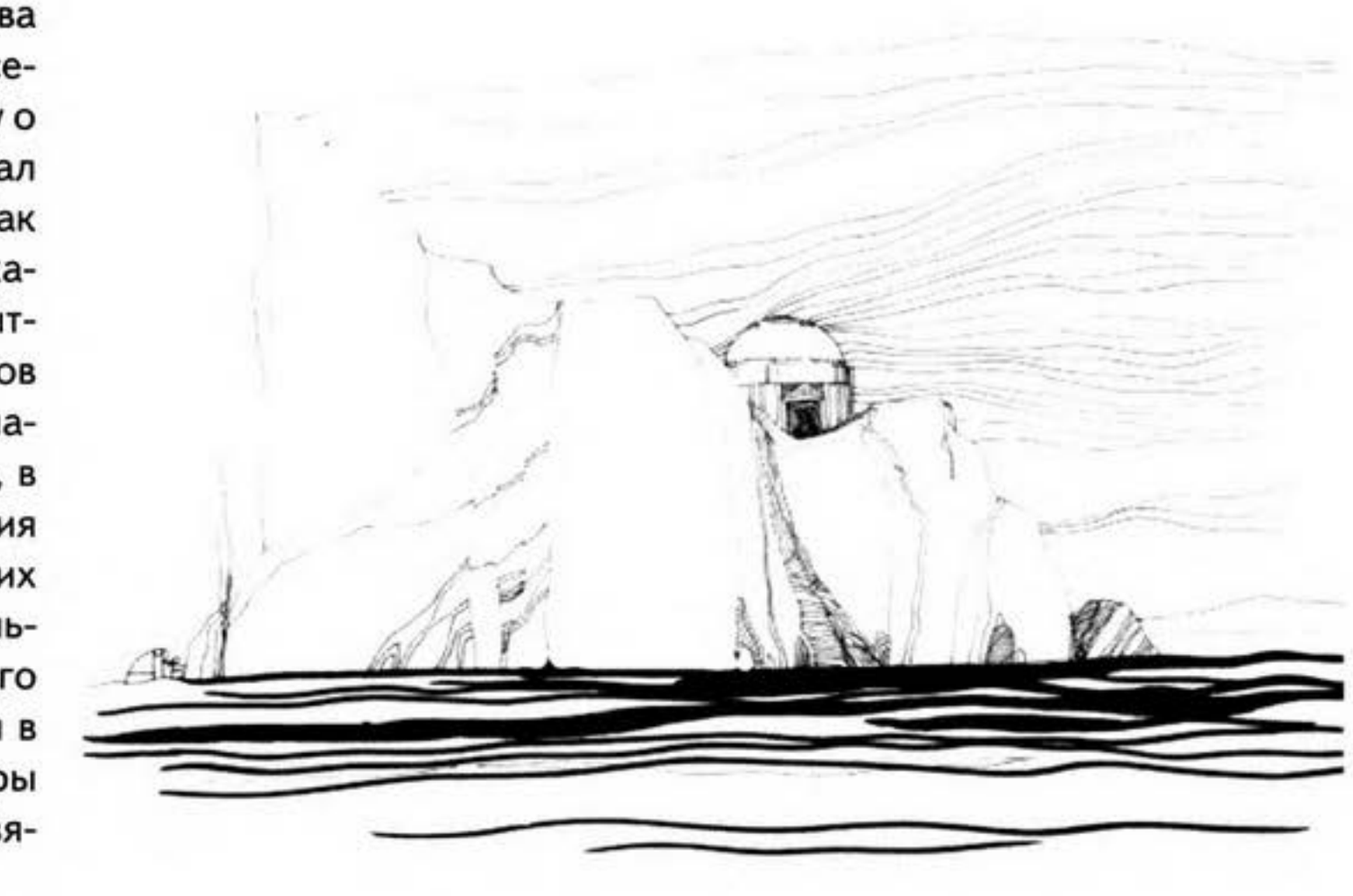
Обычно вокруг этих построек ютятся в своих оленьих чумах лопари, стекающиеся сюда на суд шамана по множеству своих семейных, житейских и оленьих дел. Иногда стены лабиринта, прикрытые земляной крышей, обращаются ими в постоянные жилища. Однако, глядя на низкорослых, заеденных холодом, голодом, вшами и нуждою обитателей циклопических построек, невозможно предположить, что они сами, деды их или прадеды строили эти угрюмые дворы, заставляющие вспоминать о каменном веке земли.

Казавшийся издали бесформенной грудой камней лабиринт, привлекающий внимание доктора, был брошенный на лето храм отправившихся к морю за рыбою лопарей...

— Мы на верном пути, — сказал он, — мы идём к Умбе, как по компасу. Завтра к вечеру мы встретим ещё такой лабиринт, доктор! И послезавтра будем на Умбе!

Тема северных лабиринтов поднята в рассказе неслучайно. До сих пор эти загадочные памятники вызывают много споров об их смысле и назначении. Исследования лабиринтов на Кольском полуострове начались ещё в 19-м веке. Археолог Н.Н.Гурина перечисляет первые публикации о Кольских лабиринтах: «Первые указания о наличии лабиринтов на реке Поной, были сделаны академиком К.М. Бэром ещё в 1844 году. Позже, в 1877 году, А.В. Кельсиев описал лабиринты в связи с подготовкой антропологической выставки (но материалы его исчезли). В 1883 году краткие сведения о лабиринтах Лапландии опубликовал А.В.Елисеев, а в 1900

году понойские лабиринты были осмотрены любителем-коллекционером П.Рево (нашёл два лабиринта и следы трёх, уже исчезнувших сегодня). В 1904 году А.А.Спицын сделал сводку о лабиринтах, а в 1913 году С.Н. Дурылин описал кандалакшский лабиринт и дал его чертёж. Так появились в литературе первые сведения о каменных северных лабиринтах и сделаны попытки их осмыслить» (Гурина, 1982). Ряд лабиринтов Белого моря был ещё не известен на момент написания рассказа Львом Гумилевским. Автор, в угоду фабуле выстраиваемого им повествования искажает представления о реальных Кольских лабиринтах: каменных выкладках из небольших валунов, встречаемых на побережье Белого моря. Лабиринты Гумилевского расположены в центре полуострова, имеют громадные размеры и, по-видимому, являются храмами, якобы связаны с местными жителями — лопарями.



« — Вы сказали, что завтра к вечеру будет ещё одно такое же сооружение? — спросил он.

— Да, — подтвердил Колгуй, — это будет один из самых больших и самых важных храмов. Он стоит на берегу Умбы, и туда приплывают лопари, отправляясь в море, чтобы заручиться согласием своих болванов и шамана...»

Благополучно добравшись до поселения лопарей на берегу реки, путники раздобыли лодку и отправились к острову Духов.

Заблаговременно доктор переодевается в странную одежду — шёлковый халат и белую чалму — с целью выглядеть «своим» в глазах обитателей острова.

«... Доктора не было.

Вместо него в лодке стоял высокий индус в шёлковом шелестящем халате, отливавшем на солнце всеми цветами радуги. Белая чалма была глубоко надвинута на лоб, и, когда на крик Колгуя индус оглянулся, старый охотник не сразу признал в нём своего спутника.»

Путешественники приближаются к острову. Вскоре на высоком скалистом берегу (рельеф не характерный для островов реального Умбозера) стали различимы обитатели острова: шесть бородатых мужчин, вооружённых луками и стрелами, спокойно ожидали прибытия гостей и, как только лодка ткнулась в лощинку на берегу, проворно спустились к воде. Доктор, подняв руки, приветствовал их на незнакомом Колгую языке.

«Колгуй разглядывал собеседников своего странного спутника в немом изумлении. Они не были похожи ни на чертей, ни на духов. Это были упитанные, сильные люди с хорошо развитыми мускулами. Черты их лиц были резки и не очень правильны. Яркие цветные рубахи, длинные, до колен, прикрывали стройные фигуры. На одном из них, должно быть старшем в отряде, был накинут синий шерстяной плащ. Откинув его, чтобы освободить правую руку для ответного приветствия, он обратился к доктору с короткой, как показалось Колгую, почтительной речью.

Доктор ответил на неё. Когда предварительные переговоры были окончены, доктор обернулся к своему проводнику и предупредил сухо: — Вы не должны покидать лодки ни на минуту. По закону жителей острова, всякий, кто ступит ногою на их землю, становится жителем их страны и рабом и должен будет подчиняться их законам. Главнейший же закон их заключается в том, что никто, раз ступивший на остров, не может его покинуть... Вы понимаете, в чем дело?»

Доктор объяснил, что пойдёт с обитателями острова и вернётся ночью. Колгуй, не спавший уже две ночи, с радостью устроился отдыхать прямо в лодке. И только к вечеру он проснулся, разбуженный

осторожным прикосновением женской, как оказалось, руки. Одетая в широкий длинный плащ, красивая незнакомка передала Колгую какой-то свёрток и сказала по-русски: «Возьми и прочти позже», после чего стремительно бросилась прочь из лодки и вскоре исчезла за береговыми скалами. Это был свёрнутый в трубку тончайший пергамент, развернув который Колгуй, к окончательному своему изумлению, увидел рукопись на русском языке.

Следующая глава рассказа представлена текстом рукописи и описывает жизнь обитателей острова — гипербореев словами одного из топографов пропавшей экспедиции. Поскольку рукопись является своеобразной «этнографией» загадочного племени Гипербореев то приведём её целиком:

«Кто может поверить мне и кто не сочтёт эти записки бредом сошедшего с ума человека?

Я один из тех шести несчастных, кто был в топографическом отряде, вышедшем летом 1913 года на юго-восток из Колы с целью точного определения местонахождения реки и озера Умбы и обследования всей центральной части полуострова, остающегося и до сих пор никем не исследованным. Кто бы мог предположить, что никто не вернётся из нас назад, и кто бы из нас поверил в тот яркий, солнечный день, что в трёхстах верстах от Колы, в глуши лесных чащ, среди незамерзающего озера есть этот страшный, загадочный остров, прозванный лопарями Островом Духов?

Кто б мог поверить, что предание об этом острове ближе к правде, чем то проклятое веселье и шутки, с которыми мы переправились сюда с берега озера?

Я не сомневаюсь, что через несколько дней меня постигнет участь моих товарищей. Пять мучительных лет, каждую весну происходит одно и то же. Жрецы бросают жребий, чтобы узнать, кого требуют боги в жертву, и вот пять лет подряд жребий при помощи непостижимых их жульнических уловок неизменно падал на одного из нас. Приближается шестая весна, из шести остаюсь я один.

Разве можно ошибиться в предсказании, кого нынче пожелают избрать боги?

Это буду я. Они берегут своих людей, они дрожат над каждым человеком, потому что это вымирающие люди.

На острове насчитывают не больше двух сотен жителей.

Но у них почти нет молодёжи, почти не видно детей...

Их женщины бесплодны, и я думаю, что девушка, ставшая моей женою, пришла ко мне по наущению этих седобородых жрецов, которые, кажется, живут по двести лет.

Шесть лет мы пасём с нею тонкорунных овец, и я видел, как, уча меня их языку, год за годом она сближалась со мной. Жалость к обречённому пленнику породила в ней ко мне настоящую, не то материнскую, не то женскую любовь.

Она привязалась ко мне, и только вчера я взял с неё клятву, что она отдаст моё завещание первому чужеземцу, которому удастся уйти с острова.

Я научил её говорить по-русски: «Возьми и прочти после». И с этими словами она передаст эту рукопись тому счастливцу, который придёт и уйдёт отсюда.

Кто это будет? Когда это будет? И будет ли? И не предаст ли она меня после смерти?

Нет, они соблюдают клятвы, если уж дали их. Но до чего трудно было добиться её обещания!

Кто эти люди, населяющие остров? Их язык напоминает мне тот школьный латинский язык, за который я неизменно получал в гимназии колы и двойки. В их нравах и обычаях есть многое, заставляющее вспоминать не то римлян или греков, не то египтян... И в то время как за полтысячи вёрст отсюда люди летают на аэропланах, ездят на автомобилях, здесь каждое утро собираются в священную рощу потомки какого-то тысячелетнего народа славить солнце... Оно, или божество, являющееся его олицетворением, называется Апуллом, может быть, это искажённое Аполлон? Не знаю. Ему оказываются величайшие почести, и именно ему в жертву приносят ежегодно одного из обитателей острова на жертвеннике, помещающемся в таком же каменном лабиринте, которых с полдюжины мы встретили на несчастном пути сюда и в которых там живут лопари, а здесь...

А чёрт с ними — умереть лучше, чем чувствовать себя здесь рабом живых покойников.

В этой прекрасной роще, посвящённой Апуллу, стоит тот самый шарообразный храм, который мы увидели с берега ещё... И не я ли первый тогда настаивал на том, чтобы пойти посмотреть на эту штуку, когда некоторые из нас уже струсили и хотели удрать назад!

Этот храм украшен множеством приношений. Теперь там лежат и наш германский теодолит, и все инструменты. Я видел там кремнёвое ружьё, два допотопных револьвера и старин-

ный бульдог: очевидно, не мы первые добрались сюда и, боюсь, не мы последние не вернёмся отсюда.

Тут все жители старшего возраста — жрецы божества. А большинство обитателей острова — кифаристы. Это нечто вроде наших гуслей или цитры. Они могут петь и играть целыми днями во славу своего божества... Да и нечего им больше делать.

Они выращивают на своих полях что-то похожее на пшеницу в таком количестве, что пресного хлеба им хватает на всех. Едят они к тому же не по-нашему. Кусочек сыра из овечьего молока и две лепёшки, испечённые на раскалённых камнях, да кружка молока — вот все, чем они живы. По-моему, они вымирают просто от тоски и скуки. Ещё летом ничего: и работа и роща — всё развлечение... Но эти зимы, когда они уходят в каменные щели, живут в камне, спят на камнях... Это ужасно. Женщины ткут свои плащи и рубахи из тончайшей шерсти овец, которых я пасу... А мужчины положительно как медведи в берлоге: редко кто долбит на камне какую-нибудь надпись или трудится над шкурой, чтобы выделать вот такую тончайшую кожицу, на которой я могу писать.

Чудные люди!

Сколько раз мы умоляли главного их жреца и царя — Бореада, чтобы позволено было уйти нам. Разве они отпустят таких выгодных рабов, как мы! Бежать отсюда невозможно. До берега не доплыть никому. Озеро, как наша Екатерининская гавань на Коле, никогда не замерзает... Соорудить же хоть плотишко какой-нибудь нельзя, когда за тобой следят каждую минуту. Я пишу это только потому, что связал клятвой мою подругу... Но сколько мук принимает она, охраняя меня от чужих глаз и предупреждая о всякой опасности.

Спасибо и на том. Женщины! Нет, всегда и всюду они одинаковы.

Моя подруга, мне кажется, готова считать меня даже за самого Аварида, проживающего инкогнито среди них.

Она надеется, что жребий не упадёт на меня... Недаром же до сих пор я счастливо избегал этой участи.

Дело в том, что по существующему среди гипербореев преданию какой-то гиперборей Аварид тысячи полторы лет тому назад отправился куда-то путешествовать и пообещал вернуться... До сих пор о нём нет ни слуху ни духу. Бореад, царствовавший в то время, отправил с ним десять свитков папируса, в которых изложена история этого странного народа. Предки его были выходцы из Египта, и, застряв здесь, потомки ещё не теряют надежды этими папирусами списаться со своими родственниками. Только найдётся ли где-нибудь человек, который разберётся в их иероглифах?

Это трудновато, хотя понять их язык легче. Ведь у них, как это ни странно, есть чисто русские слова: «берёза», например, и значит — берёза, а напишут такими каракульками, что не понять. Много слов, какие слышал я у лопарей. Может быть, и наши лопари им родственники, только те одичали и все забыли, а эти дрожат над своею культурой и так цепляются за свое, что и ещё тысяча лет пройдёт — ничего здесь не переменится.

Аварид — тот умер и исчез, конечно, но папирусы где-нибудь хранятся. Один из.моих товарищей помогал старшему жрецу работать над выделкой пергамента и узнал от него, что Аварид направился через Кавказ. Мы долго думали об этом путешественнике и решили, что он направился в Индию... Где-нибудь в Лхасе во дворце далай-ламы лежат эти папирусы, которые могли бы нас выручить из беды, если бы пришло кому-нибудь на ум разобрать их.

Но говорят, туда европейцев не пускают даже.

Аварид же пропадает тысячу лет, и только косоглазые гипербореи могут верить в его возвращение... Во всяком случае, до сих пор он не вернулся ещё, но они ждут его постоянно. Это он не велел им переступать границы острова, и они свято блюдут этот закон, в ловушку которого попали и мы. Я думаю, что они дождутся какого-нибудь умного человека, который явится вместо этого Аварида и уничтожит закон...

Впрочем, едва ли кому-нибудь от этого большая радость. Если им показать автомобиль или аэроплан, они подохнут от страха... И что делать этим живым покойникам за чертой своей страны?

Меня же уже не спасти никакому Авариду.

День жребия приближается, и уверенность моей подруги едва ли поможет мне. Перехитрить жрецов невозможно. Пять лет наблюдаю я их и не могу разгадать фокуса, при помощи которого они заставляют вынимать жребий того, кто заранее для этого назначен.

Впрочем, повторяю, лучше подохнуть, чем жить в этой могиле, да ещё на правах раба. Я буду рад уже и тому, что моя подруга сдержит свою клятву, и тем или иным путём эта рукопись дойдёт до сведения живых, настоящих людей, которые рано или поздно превратят этот остров в музей и будут мне благодарными за то, что...»

Текст этот вполне в духе известного описания мифических гиперборeев данного древнеримским учёным Плинием Старшим в своей «Естественной истории»:

«За этими (Рифейскими) горами, по ту сторону Аквилона, счастливый народ, который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесными легендами. Верят, что там находятся петли мира и крайние пределы обращения светил. Солнце светит там в течение полугода, и это только один день, когда солнце не скрывается (как о том думали бы несведущие) от весеннего равноденствия до

осеннего, светила там восходят только однажды в год при летнем солнцестоянии, а заходят только при зимнем. Страна эта находится вся на солнце, с благодатным климатом и лишена всякого вредного ветра. Домами для этих жителей являются рощи, леса; культ Богов справляется отдельными людьми и всем обществом; там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью <...> Нельзя сомневаться в существовании этого народа.»

Заключительная глава рассказа «Индийская мудрость» — развязка странного путешествия. Провожать доктора вышли, видимо, все обитатели острова — были здесь и жрецы — седобородые старцы, и женщины, только детей почти не было видно. Явный намёк на вечную жизнь гипербореев. Доктор, по-прежнему облачённый в шёлковый халат, ступил в лодку, и раздалось стройное, хотя и заунывное, пение — возможно, так островитяне провожали заходящее солнце. Солнцепоклонниками назвает и А.В.Барченко саамов-лопарей. А Гумилевский переносит это определение на их «литературных» предков — гипербореев.

Трагизм развязки рассказа в том что поступок женщины передавшей рукопись не остался незамеченным. Рукопись конфискуется у Колгуя. Судьба женщины тоже не завидна.

«Женщина, нарушившая порядок, вернулась в толпу подруг. Они только изумлённо отстранились от неё, но продолжали петь, не смея ни одним несоответствующим жестом или словом оскорбить солнечное божество, поднимавшееся над их головами. Колгуй счёл минуту подходящей и, предупредив доктора, оттолкнулся от берега с огромной силою, с которой мог сравниться разве только гнев, душивший его.»

В противоположность этому, доктор сохранял спокойствие и выглядел удовлетворённым. Колгуй в раздражении, думая поразить спутника своей осведомленностью, спросил — не думает ли тот, что будущей весной божество потребует в жертву к себе именно эту женщину? Доктор, ничуть не удивившись, согласился с таким предположением. Колгуй продолжал недоумевать:

«—Как что? Надо рассказать об этом, людей созвать... В газетах напечатать...
— Зачем? — холодно спросил тот.
— Как зачем? Чтобы все знали...»

Раздражаясь спокойствием путника Колгуй продолжает задавать вопросы и выясняет что доктор прибыл из «Из Тадж-Магала, близ Агры, из Индии...Чтобы проверить, существует ли ещё древний род гипербореев»...

«— Откуда вы знали, что они существуют?
— Из наших книг.
— И вы никому не объявите о том, что видели?
— Только тем, кто меня послал сюда.
— А я?
— Вы можете поступать так, как вам угодно.

Доктор своим ответом как бы намекает что принадлежит он не к официальной науке, а к некоему тайному обществу эзотерического знания «пославшего его сюда».

— Так вы, может быть, из Лхасы, от самого далай-ламы притащились сюда, доктор?
— Нет, — спокойно ответил тот, —
— Это там нашли вы папирусы?
— Да, — коротко подтвердил он.
— И позвольте уже узнать, — продолжал допытываться Колгуй, вспоминая рукопись, читанную им в лодке, — какой чёрт помог вам разобраться в том, что там было накорежено?
— Сравнительное языковедение, — просто, точно говоря о ночлеге, ответил доктор.

Папирусы из Лхасы, принадлежность к закрытому сообществу — всё это очень похоже на то к чему влекло Александра Барченко, пытавшегося организовать и экспедицию в Лхасу в своих поисках «универсального знания» и создавший тайное общество «Единое Трудовое Братство».

В заключение хочется отметить ещё одно возможное литературное влияние угадывающееся в рассказе Льва Гумилевского. За год до его публикации, в 1926 году вышел свет научно-фантастический роман геолога Владимира Афанасьевича Обручева «Земля Санникова» — описывавший остров с затерянным племенем онкилонов.

Литература

Бодрова, 2014 = Бодрова, О. А. В поисках отражения: саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половины XIX - начала XX вв.: Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2014. — 168 с.

Визе, 1912 = Визе В. Лопарские сейды. // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. — 1912. № 9, с. 395-400; №10. с. 453-459.

Гурина, 1982 = Время, врезанное в камень. Н.Н. Гурина (Из истории древних лапландцев) Мурманское книжное издательство. 1982 г.

Доктуровский, 1934 = Доктуровский В.С. По реке Умбе и реке Вороньей (пересечение Кольского полуострова в 1924 г.) // Землеведение. 1934. Т. 36. Вып. 3. С. 289-301.

Риппас, 1899 = Риппас П.Б. Кольская экспедиция 1898 года: Предварительный отчет //Изв. Имп. Русского географического о-ва. — 1899. — Т.35, Вып.3. — С.292—312, 1 л. карт.

Рихтер, 1929 = Зинаида Рихтер. «По Лапландии» (изд. «Огонёк» Москва, 1929 г.)

Хальстрем, 2013 (1922) = Хальстрем Густав. Места жертвоприношений в Русской Лапландии. Земля Тре. №1. ИП Лихачёв. Ревда. 2013.

Пути и средства сообщения за полярным кругом (отрывки)

с предисловием акад. А.Е.Ферсмана

Инж. А.Е.Назаренко

Источник публикации:
Пути и средства сообщения за полярным кругом (работы 1925 г., план на 1926 г. и преспективы развития) с 26 фотографиями и 2 картами. Петрозаводск. 1926.

Данная работа была издана тиражом 1000 экземпляров в Типо-Литографии мурманской железной дороги в Петрозаводске в 1926 году. Работа делалась по «горячим следам» буквально после полевого сезона. Судя по значительному тиражу и одобрению самого академика А.Е.Ферсмана, эта работа, по сути своей растиражированный отчёт, была призвана служить примером для реализации подобных проектов на Севере России. Данное издание, богато иллюстрированное фотографиями, снабжённое картой и интересными этнографическими деталями, является ценным историческим источником «героической эпохи» освоения Кольского Севера. Копия статьи была обнаружена редактором в библиотеке музея Ловозерского ГОКа, оригинал статьи — из которого взяты фотографии — любезно предоставлен бибиотекой Кольского научного центра РАН (г.Апатиты). В альманахе публикуются отдельные главы со значительными сокращениями. При публикации сохранена орфография источника.

Гл.ред.

Предисловие

Надо побывать за Полярным Кругом в нашей Кольской болотистой тайге или её каменистой тундре, чтобы понимать и ценить слова «дорога» и «тропа». Шесть лет под ряд работаем мы на Кольских высокогорных тундрах, шесть лет под ряд всё внимание, все силы направляем к тому, чтобы отыскать проходимый путь через болота с грозными окнами, через поля нагромождённых скал и через обрывистые ущелья. С восьмидневным провиантом, динамитом, палаткой и снаряжением за спиной мы опытом многих летних месяцев в обстановке то бурных, мокрых ветров, то палящего зноя, в облаке мириадов комаров, могли только мечтать о до-

В. К. П. С.—Ц. У. М. Т.
Ленинградское окружное управление местного транспорта

Инж. А. Е. НАЗАРЕНКО

ПУТИ И СРЕДСТВА СООБЩЕНИЯ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

(Работы 1925 г., план на 1926 г. и перспективы развития)
с 26 фотографиями и 2 картами

Предисловие академика Ферсмана

ПЕТРОЗАВОДСК • 1926

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Внешние краткий очерк 1
2. Описание района работ 10
3. Программа строительства в 1926 году 27
4. Производство работ 29
5. Технические и бытовые особенности 41
6. Стоимость работ и общественно-экономическая оценка и т. 47
7. План работ на 1926 год и развитие дорожного строительства губерний 51

Глубокоуважаемому Павлу Григорьевичу

Творцу первоначальных призраков стихий
Свою продолжительную этой грани в вечерний чтобы,
Но теперь он без друзей ~~[illegible]~~ мятежных
В открыл простыре бездорожной-мощной пыли
Исследие расстояниях?
Автор

июль 1926 г.
Олес

Фот. 2. Общий вид Ловозеро по маршруту на Ягельный Бор. Фот. 2-а. Общий вид Ловозеро по маршруту на Пулозеро.

роге, даже не дороге, а хотябы, узкой пешеходной тропе, даже не тропе, а хотя-бы наметке на путь с зарубками на деревьях. Будущее наших полярных стран — в борьбе с этим главным врагом культуры и единения — расстояниями, уничтожающими всякую возможность культурного и хозяйственного возрождения страны. Тот, кто много лет боролся за тропу, протаптывая её собственными ногами, тот будет читать книгу инж. Назаренко с неослабевающим интересом. Проложить дорогу в древнюю столицу Кольского края — в Ловозерский погост, связать доступным путём Мурманскую дорогу с богатейшими тундрами Луяврурта — это громадный шаг к завоеванию и подчинению себе природных богатств всего центрального района Кольского полуострова. Отсюда из Ловозера открыт путь далее на восток к истокам Поноя с его загадочными, ещё неизученными тундрами, отсюда легко доступны ягельные поля северных нагорий, тянущиеся к Ледовитому океану, отсюда на лодке вы проникаете к сказочному озеру Сейтявру, одному из самых замечательных и самых живописных мест всего нашего Союза. Дорога открывает двери к неведомым ещё частям полуострова и приобщает целый край к общей культуре страны.

Но это ведь только первая ласточка, за ней идут другие пути от Кандалакши по побережью к Умбе, от Ловозера — на Поной, от Колы к верховьям Туломы. Начинается новая эра культурной и хозяйственной жизни и, как бы ни тяжелы были эти первые шаги, как бы ни казались ничтожными каждые новые сотни километров простой тропы, но они уже вносят историческую страницу победного завоевания человеком сурового севера.

Академик А. Е. Ферсман.

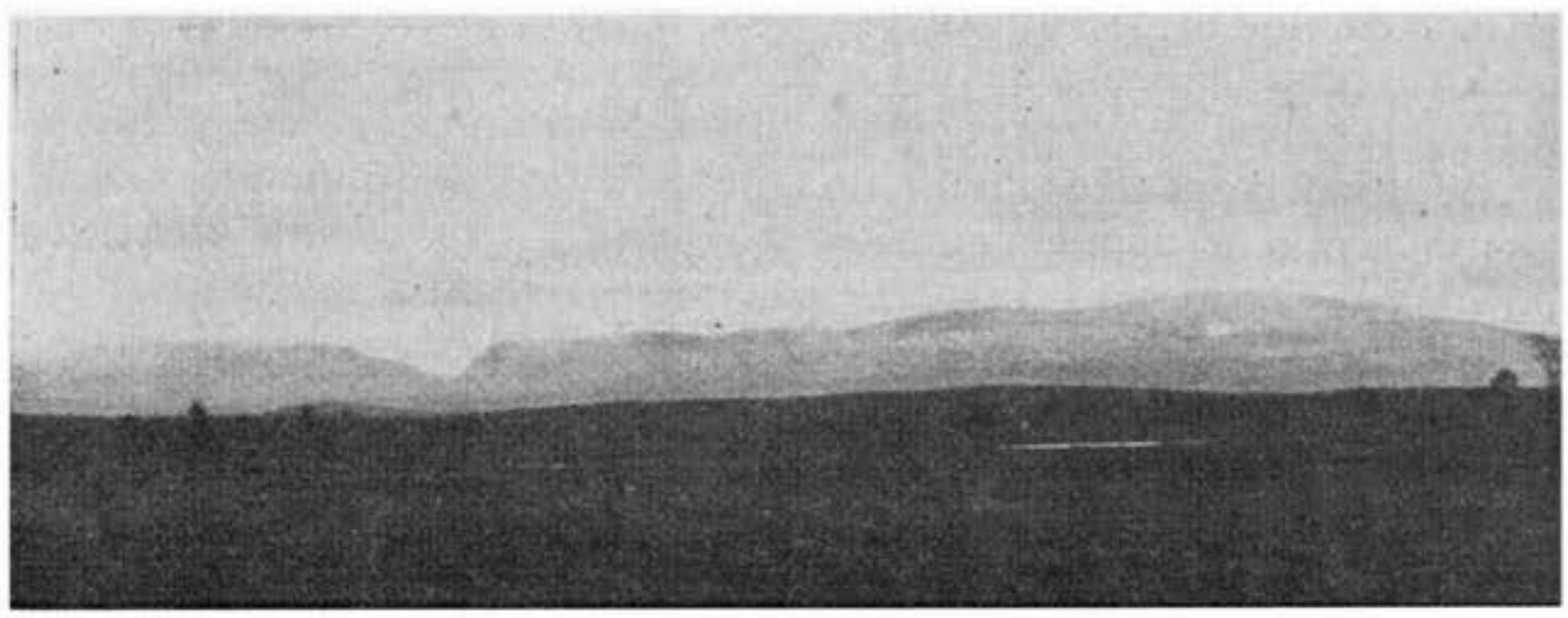
1. Введение. (Краткий очерк)

... Население охваченного настоящим очерком Мурманского края, определённое последней переписью в 19 с небольшим тысяч человек, концентрируется, главным образом по устьям рек, впадающих в океан и Белое море, и лишь в небольшом количестве (до 1000 чел.) приходится на центральную часть, собственно „Лапландию», где мы имеем становища: Ловозеро, Воронинский и Семиостровский погосты. Из них Ловозеро заслуженно считается столицей Лапландии и центром оленеводства (фот. 2 и 2а).

С возникновением Мурманской жел. дороги и началом колонизации вдоль её мы отмечаем посёлки по р. Белой, Хибины, Имандра, Оленья, Пулозеро.

Все-же, исходя из редкой концентрации населённых пунктов, обширности территории и приходящегося на неё ничтожного количества населения (0,13 чел. на 1 кв. кил.), весь Мурманский край справедливо считается почти необитаемым.

И, действительно, в нём на сотни вёрст, раз-



Вид на Ловозерские тундры от Яичных озёр.

деляющих перечисленные населённые пункты, не встретишь жилья человека.

Мало того, вопрос общения этих пунктов как между собою, так и с внешним миром представляет исключительную картину.

Поселения, расположенные по берегу океана и Белого моря, обслуживаются водным путём с июля но ноябрь, будучи отрезаны в остальной части года за прекращением навигации.

И, наоборот, центральная часть получает возможности сообщения с выпадением снега, промерзанием озёр и болот, лишаясь такового с апреля по ноябрь.

Эти противоположные условия в соединении с тяжёлыми климатическими (полуторамесячная ночь, полунощное солнце и проч.) создают край-

Фот.3. Ловозерская оленья запряжка

Фот.4. Оленья запряжка на постройке Ловозерской дороги (2-я избушка в районе Сухозеро).

нюю напряжённость борьбы местного населения за своё существование, вырабатывая у последнего исключительную выносливость и приспособляемость.

Между тем природные богатства, по свидетельству авторитетнейших учёных, заслуживают того, чтобы край зажил полной жизнью.

Для этого, по заявлению проф. Доктуровского (Вестник Карело-Мурманского края 1925 г. №28), пересекшего Кольский полуостров по линии р. Умба, Умбозеро, Ловозеро, р. Воронья к Гавриловской губе Мурманского берега, необходимо проложить ряд дорог, изучить водные пути рек и озёр, дать точные географические карты[1].

Создание путей сообщения, по словам академика А. Е. Ферсмана („Три года за полярным кругом», изд. Молодой Гвардии 1924 г. стр. 64), хотя бы простых троп, проходимых верхом, могло бы совершенно изменить всю постановку вопроса использования горных богатств Хибинского массива, выдвигая объекты настоящего горного промысла.

Единственным средством сообщения на Мурмане в настоящем и то исключительно в зимний период служит оленья запряжка[2] (Фот. 3.). И если взять напр. Центральный Ловозерский погост, то своеобразно извилист путь от него к Пулозеро (станция Мурманской жел. дор.), следуя по чистым от зарослей и кочек болотам, замерзшим озерам, имея приблизительную длину до 100 километров без единого пристанища на ночлег, обычно устраиваемого в санях, кутаясь в оленьи шкуры при морозах до 40°.

В этот исключительно период ведётся сбыт шкур, меховых изделий, оленины и заготовка всех предметов потребления на всё время последующей оторванности от внешнего мира.

Ибо с наступлением весны, оттаиванием болот и вскрытием озёр, наступает конец своеобразным путям сообщения и связи в этом районе.

Необыкновенно изнурительный летний путь (Фот. 5.), подчиняясь условиям наибольшей сухости, с ношею на плечах, под тучами мошкары и комаров при непременном условии иметь проводника — отнимает обычно охоту и возможность пускаться в дорогу на 3—4 дня, в течении которых, лишь только обладая навыком, можно было добраться от Ловозера к Мурманской жел. дор., выбирая для этого направление на Ягельный Бор, где по некоторым озёрам можно пользоваться карбасами, если таковой окажется на той стороне, откуда подходишь к озеру (Фот.6).

Забота о путях сообщений, понимая под таковыми облегчённый тип грунтовых дорог с накатником на болотах, лёгкими мостами через реки, является непосильной местному бюджету. Поэтому совершенно естественно возник вопрос поддержки Центральной власти, выливающейся теперь в форму ежегодной субвенции, относимой Мурманским Губисполкомом исключительно на устройство путей сообщения.

Общая потребность в последних по данным того же Губисполкома определяется в 2000 с небольшим километров.

Такая внушительная цифра общего протяжения дорожного строительства даже в его примитивных формах является делом десятков лет и понятно, что следует установить известную очерёдность

[1] См. работу Доктуровского в данном альманахе (прим.ред)

[2] Первоначальный способ запряжки — прицепленная к оленю долбленная лодочка (керетка); теперь-же по типу самоедов как лопари, так и ижемцы (зыряне) применяют лёгкие санки (нарты), запрягая 3 — 4 и до 5 оленей, располагая их косым рядом, из них передний управляется и служит вожаком; остальные следуют за ним, будучи связаны между собою (Фот. 4). (прим. автора)

производства работ.

Этот вопрос разрешен Мурманским Губисполкомом с участием представителей Ленинградского Округа Местного Транспорта и в достаточной степени освещён Начальником Округа В. И. Кубеш на страницах № 10 Вестника Карело-Мурманского края за 1925 г. в его статье „Край без путей для местного транспорта».

По этим данным предусмотрено три очереди строительства, причём один маршрут, а именно **Ловозерский** признан **внеочередным** и подлежащим выполнению немедленно с получением на это средств.

Маршрут первой очереди:

Кандалакша-Умба-Кузомень-Тетрино-Поной[3], при общей длине в 550 километров, является важным в виду его зверобойно-промышленного значения и связывающим 12 селений по Терскому берегу, в том числе 4 волостных центра, отрезанные в течении 8 месяцев в году. Сообщение водным путём небезопасно вследствие частых штормов. Регулярного почтового сообщения нет.

Зверобойно-промышленный и рыболовный промыслы Терского берега, несмотря на неблагоприятные условия, довольно развиты и дают, в среднем, нижеследующее:

Тюлений промысел на 30.000 руб., охоты на 20-30.000 р., от сёмужного промысла 10-12 тысяч пудов в год на сумму, в среднем, 100.000 руб., ранее улов доходил до 20.000 пуд., уменьшившихся вследствие недостатка снастей. Улов некоторых рыб оценивался на сумму до 30.000 руб.

Не менее важное значение Терский берег Белого моря может получить в отношений эксплоатации лесных богатств, горных пород и полезных ископаемых. Наличие последних в подробности отмечено исследованиями проф. Д. Белянкина и приведено в его предварительном отчёте „Горные породы и полезные ископаемые окрестностей сел Умбы и Порьей губы».

Маршруты второй очереди[4]:

1. Ловозеро — Лявозеро — пог. Семиостровский, Зимний Курептельский, Нов. Иокангский, Лумбовский, Пурнач, Поной. Соединяет все населённые пункты тундры и устанавливает связь с Мурманском, обычно прерывающуюся на 7 месяцев в году. Общая длина маршрута 820 кил. по дикой тундре.

2. Пог. Семиостровский — Каменский — сел. Ивановка — Сергозеро — Варзуга — Кузомень. Связывает селения тундры с побережьем Белого моря для обмена продукции промыслов. Длина 190 кил.

3. Кола — Нотозеро (он же Рестикент), протяжением 60 кил. связывает западную часть губернии с Мурманском. Оживленный рынок, центр будущей колонизации, начатой уже в этом районе шведами и финнами. (См. Год Колонизационной работы Мурм. ж. д.)

4. Село Поной — Кочковка — Летний Лумбовский — Иоканга. Обслуживает северо-восточную часть губернии. Общая длина 135 кил.

5. Ловозеро — пог. Воронинский — Териберка, связывает центр Лапландии с центром восточного Мурмана, имеющим оживленный товарообмен. Длина 140 кил.

[3] Проект осуществлён лишь частично — имеется лишь автодорога до с. Кузомень. Оказалось проще ликвидировать село Поной (прим. ред.)

[4] Практически все маршруты не осуществлены , частично по причине ликвидации некоторых населённых пунктов, частично по причине изменения маршрутов (прим. ред.)

Фот.6. На Карбасе через Ридвозеро.

Фот.13. Общий вид р.Вирма и характер берегов.

Фот.16. Ягельный покров среди зарослей в районе оз. Лебяжьего.

Фот.17. «Изба» Леонтия Кобелева у Сухозеро.

Маршруты третьей очереди[5]:

1. Кола — Зимний Мотовский пог. — Западная Лица — Титовка, протяжением 150 кил. связывает Мурманск с северо-западной частью Мурмана.

2. Пог. Семиостровский Зимний — Семиостровский Далекий — Иоканга, протяжением 130 кил. связывает тундру с северо-восточным побережьем.

Из Главы 2: «Описание района»

...

Обитаемость района работ может быть приурочена больше к южной части, где имеются летние вежи у Печозеро при выходе из него реки Печа и на восточном берегу Симбозеро; постоянные, всегда обитаемые избы на западном берегу Умбозеро и в устье реки, впадающей в Умбозеро в северном конце его; кочующий со своей куоксой самоед в районе Ридвозеро[6] — Яичные озёра и, наконец Ловозерский погост, — центр лопарского и зырянского (ижемского) оленеводства. По маршруту постройки расположена единственная летняя вежа у Сухозеро, (фот. 17), т. е. примерно на половине расстояния Пулозеро-Ловозеро.

...

V. Технические и бытовые особенности края,

В этом отношении на первом плане стоит отсутствие точных карт. В широком потреблении можно иметь десяти и двадцати пяти вёрстки, сильно расходящиеся с действительным положением рек,

[5] Осуществлёно только строительство дороги по маршруту №1 (прим. ред. альманаха)

[6] «Ридвозеро» — так в тексте и далее называется гидроним известный ныне под названием «Ревдозеро» — от имени озера произошло название посёлка Ревда. На военно-дорожной карте Кольского полуострова 1888 г. данное озеро известно под названием «Рыдвозеро». Такое написание говорит в пользу того, что истинное звучание саамского названия озера имеет основу «ридв», «рыдв» — в русском произношении. Таким образом и перевод названия должен вестись от поиска саамких слов созвучных этой основе искажённой русским произношением (прим. ред. альманаха).

Фот.17. Постройка первой от Пулозеро избушки.

Фот.19. Общий вид деревянного настила на болоте.

озёр, а тем более болот, возвышенностей и проч. элементов поверхности земли, захватывающих внимание дорожника.

Таким образом первой задачей изыскателя в условиях Мурманского края является исправление имеющихся в его распоряжении карт, как по тщательному изучению интересующей его местности, так и по наличию в различных учреждениях топографических материалов, относящихся к данному случаю.

Только после такой предварительной подготовки можно говорить о рациональном производстве изысканий и проектировки.

В процессе изучения местности, на ряду с благоприятным наличием возвышенностей, с которых, облегчая задачу, развертывается нужная панорама (фот. 25), необходимо учитывать полное отсутствие ориентировочных предметов и однообразие обширных болотно-лесных пространств.

Туманные дали сильно скрадывают как расстояние до возвышенностей, так и возможность ориентироваться по ним издали.

Производство работ в условиях полного отсутствия путей и средств сообщении требует умелой организации и предусмотрительности.

Оборудование и снаряжение должно быть в таком количестве и качестве, чтобы свободно допускало лёгкость передвижения пешком и безперебойность работы в течении положенного периода оторванности от культурного центра.

Пустынность края и отсутствие жилья вызывает на первых порах жуть, но в дальнейшем, с привычкой к примитивному, физически укрепляющему образу жизни, на смену выступает сознание борьбы со всеми невзгодами бытовых особенностей производства работ.

Ошибочным будет снабжение работающих партий дорого стоющими и громоздкими палатками.

Лучшим средством устройства ночлега явится лёгкий брезент для защиты от холода с наветренной стороны, впереди же располагается костёр, причём топливом служит сухостойный лес, разрезаемый на бревна до 2—3 мет., давая таким образом длительность сгорания и возможность отдыха, не заботясь о частом подбрасывании.

При сильных холодах и дожде брезент натягивается на конусообразно поставленные жерди, оставляя вверху отверстие. Внутри такого шалаша (куокса) располагается 4-6 чел. с небольшим костром посредине, устроенном на камнях. Последнего преимущества лишены обыкновенные палатки, в которых под утро полотнища напитываются влагой, вызывая свежесть, вынуждающую искать тепла у разложенного перед развесистой елью костра (фот. 20).

Следующая особенность края — отсутствие путей сообщения, вызывает необходимость производства всех изысканий с помощью дорого стоющих проводников из крайне редкого, но знающего места населения. Этот вопрос, на ряду с трудностью сразу получить такого проводника, вызывает осложнения в смысле излишнего запаса продовольствия, каждый киллограмм которого в таких условиях учитывается с особым вниманием.

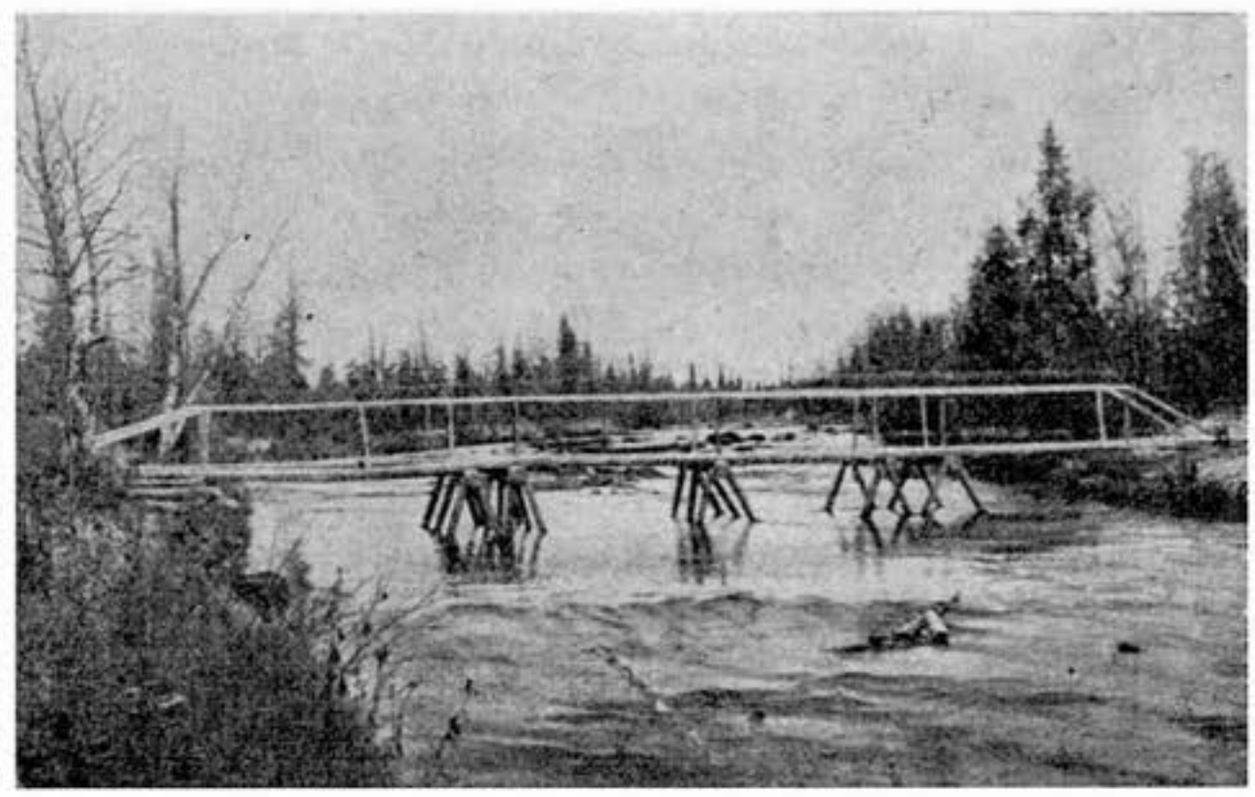
Передвижение как с проводником, так и без него всё же требует надёжно выверенных ориентировочных приборов, показания которых время от времени сопоставляются между собою.

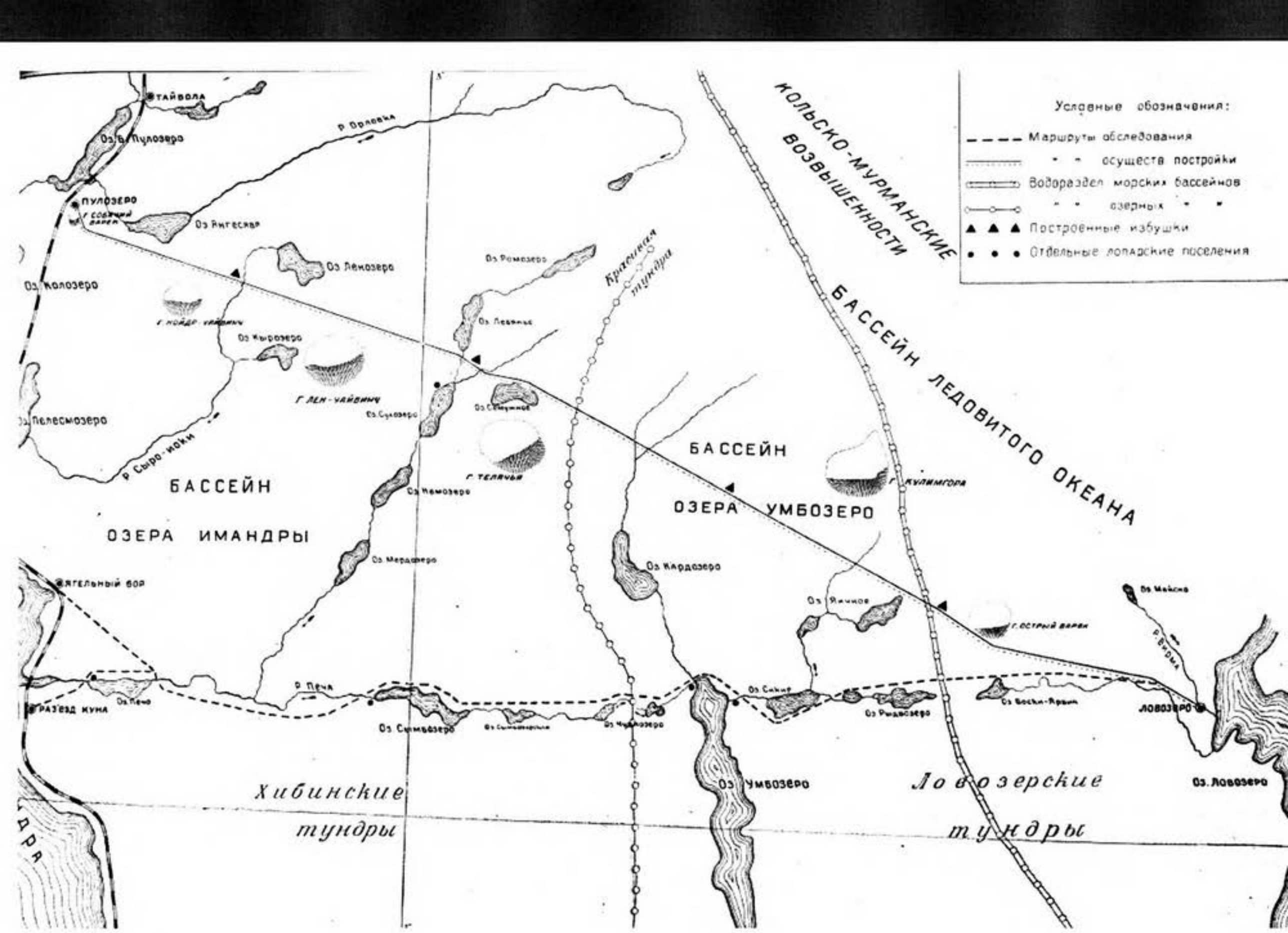
В условиях первобытности легче всего сбиться с направления, что случается даже с проводниками, так как большинство местных жителей все свои передвижении на далёкое расстояние предпринимают зимой. Попав же летом в данный район, с трудом иногда ориентируются самые опытные проводники.

Поэтому компасами следует снабжать не толь-

Фот.20. Общий вид просеки.

Фот.21. Общий вид переправы через р. Сыр-иоки.





ко руководящий персонал, но зачастую и рабочих одиночек, курсирующих, как связь и снабжение, между отдельными пунктами без установленного и знаками отмеченного направления.

Обычной заметкой направления являются затески на деревьях.

В случае производства работ, вызывающих необходимость повторных передвижений в одном и том же направлении, следует обязательно завести маршрутную тетрадь. С приведением в ней краткого описания направления и указания главнейших затесок, обозначив на последних цель и дату прохода.

Этим безусловно будут избегнуты случаи сбивчивости с пути и неизбежных последствий в условиях пустынности края, наблюдавшихся при изысканиях для постройки Мурманской жел. дор. и в последующих работах.

Лучшим и необходимым снаряжением в условиях данной местности и способе передвижения (пешком) явится: обувь-таборки или лёгкие сапоги местного изготовления, головки которых сшиты из тюленьей кожи, голенища же из обыкновенной, пропитаны смоляной водой, дающей непромокаемость; одежда — кожаные шаровары и куртка, а также лёгкий брезентовый плащ. Кожаная пара предохранит от всех видов сырости, а плащ необходим для предохранения в дождь, как подстилка на привалах и предохранение кожаной пары от жары при отдыхе у костра.

Снаряжение жизненного обихода и продовольствия требует ещё большего внимания. Здесь необходимо учитывать не только время предположительного пути от населённых мест, дающих возможность пополнения продуктов, но и различные случайности, непредвиденно задерживающие продолжительность назначенных переходов.

Аллюминевый котелок, ложка, чайник, кружка и кремневая зажигалка (на случай отсырения спичек) являются предметами наипервейшей необходимости. Далее следует саперный топорик (в чехле), подвешиваемый на поясе финский нож.

Из продовольственных запасов на первом месте стоят: чай, сахар, сухари, какао, сушенные грибы, лёгкая крупа, соль, макароны; не лишними окажутся пара плиток шоколада. Из жиров — сало

Фот.22. Первая от Пулозеро избушка

Фот.23. Первая от Ловозеро избушка

(шпик), масло коровье (в жестянке). Можно брать две-три банки мясных консервов.

Если к перечисленному добавить кусок мыла, полотенце и пару запасных носков, а также наплечный, брезентовый мешок с ремнями для тщательной укладки в него всего перечисленного, то снаряжение будет готово. Предельный вес — не более 15 килограмм. Больший вес изнурителен в передвижениях пешком.

Возможное, облегчение путём использования в передвижении оленей необходимо сопоставить с местной особенностью оленеводства.

Для жителя тундры олень всё и единственное его богатство. Поэтому он дорожит им безмерно. Исключительным временем откармливания оленей является летний период, для пастбища в который, как это было указано ранее, оленей угоняют за сотни вёрст. Проработавший в летний период олень теряет к зиме силу, едва восстанавливаемую при зимнем пастбище.

Получение оленей должно быть обусловлено до угона их на летнее пастбище, откуда достать их летом больше чем затруднительно, не говоря уже об экономической сообразности.

Необходимое количество оленей лучше всего закупить, так как арендная плата за временное пользование при отмеченных выше обстоятельствах слишком высока. В качестве иллюстрации сказанного указываем, что за истекший период работ пара оленей с обязательным проводником при них (фот. 16) оплачивалась в 90 руб. за маршрут Ловозеро — Пулозеро и обратно.

Считая нагрузку на одного оленя не более 25 килограмм (1,5 пуда) и что один олень полностью почти несёт груз проводника, практически выходило, что за означенную цену окапывалось возможным перебросить не более 40 килограмм или 2,5 пуда.

Покупная стоимость оленя колеблется от 25 руб. до 40 руб.; при этом закупка, так же как и наем, должна быть предусмотрена и осуществлена заранее.

Досадным затруднением в процессе самого передвижения является неизбежность перехода в брод всех встречающихся по пути водотоков. Далее следует отметить довольно изнурительный путь по мягкому, толстому моховому покрову многих вареков (лёгких возвышенностей) и каменистым грядам, отмечавшимся в предыдущем.

Подчеркнутая мшистость наблюдается как раз в местах значительной, преимущественно еловой лесистости при колоссальном обилии комаров и мошки.

Преодоление отмеченных особенностей требует от выполнителей поставленных задач энтузиазма молодости и борьбы с природой. Оно не укладывается в рамки обычной профессиональщины, вызывает необходимость закала, преданности делу и стремления к успешному окончанию такового во что бы то ни стало.

Гигиена организма и образ жизни в условиях данного края играет значительную роль. Здесь никоим образом нельзя поддаваться усталости. Последняя в условиях нескончаемого летнего дня лишает сна, аппетита и сразу же создаёт благоприятную почву для заболевания бичем местности — цынгой.

Необходимо стремиться, хотя и к ограниченному по набору, но регулярному питанию с обязательным употреблением горячей пищи и виде легко приготовляемых грибных и проч. супов.

Следует избегать частого употребления в пищу так изобилующей здесь рыбы; она быстро приедается и таким образом выпадает из обихода одно из разнообразий ограниченного вида кушаний в данных условиях.

Фот.24. Тип переправ через реки в районе Ловозеро

Фот.26. Привал и ночлег под елью

Кроме того излишнее увлечение рыбой может вызвать заболевание селитером, как это имеет место у большинства местных жителей.

Дикие красоты севера, его своеобразная синева небесного свода, многокрасочные переливы цветов на горных хребтах, изумрудный блеск озёр, должны служить отличным дополнением к общей размерности суровой жизни.

Наряду с приведёнными особенностями во всех начинаниях должна господствовать организованность и точная определённость.

Одним из главнейших бытовых условий края является особенность его населения и взаимоотношение с ним.

Его не радует пришлый элемент. Лишенный культурной заботы в прошлом, он до сего времени недоверчив ко всем начинаниям последней.

Любовь к тундре, независимость и редкое, для низко стоящих в культурном отношении наций, самолюбие — вот отличительные черты местного населения, с которым и необходимо считаться.

Своё врожденное гостеприимство он проявляет не сразу, крайне осторожно и не без расчета.

Наем рабочих, в особенности лопарей или самоедов, почти невозможен, так как они обычно заняты рыбным промыслом, дающим им несомненно больше выгод, нежели предоставляемый поденный заработок.

Ижемцы охотно идут на работу, но при сдельной оплате и приличном заработке.

Соединение на работе в одной артели ижемцев с лопарям или самоедами совершенно исключается как одной, так и другой стороной, вследствии исконной неприязни, сохранившейся от прошлого господства ижемцев над лопарями и самоедами.

При некотором расположении лопарей и самоедов к малоподвижности и лени предпочтение в работе следует отдать ижемцам, среди которых большинство хороших плотников, встречаются печники.

Вообще же местное население, привычное к невзгодам тундры, более выносливо в работе и кроме того имеет как необходимый инструмент, так и снаряжение для устройства куокс (шалашей) для ночлега. Основное питание — хлеб и жиры оно имеет с собой. Необходима доставка сахара, чая и табаку. Но получение такой рабочей силы является крайне ограниченным и не превосходящим 50 чел. при радиусе действия до 30 вёрст от места жительства. Отсюда вытекает неизбежность заброски привозной рабсилы на серединную часть маршрута, в то время как с концов — работы велись местными рабочими.

Приведённые особенности, в соединении с топографическими, почвенно-геологическими и водными условиями района, в достаточной степени координируют круг организационных действий к успешному выполнению тех или иных работ в столь трудных и необычайных условиях края, поднятие различных отраслей природных богатств которого является задачей современной техники.

По реке Умбе и реке Вороньей (пересечение Кольского полуострова в 1924 г.)

В. С. Доктуровский

Владимир Семёнович Доктуровский
(6 [18] ноября 1884, Николаев — 20 марта 1935, Москва) — российский и советский ботаник, профессор. Занимался исследованием болот. Установил связь между растительным покровом, водным режимом и геологическим строением болот, химическим составом торфа.

Публикуется в сокращении.

Источник публикации:
Доктуровский В.С. По реке Умбе и реке Вороньей (пересечение Кольского полуострова в 1924 г.) // Землеведение. 1934. Т. 36. Вып. 3. С. 289-301.

Первая публикация и карта:
Вестник Карело-мурманского края №28, 1925 г.

В 1924 г. мне удалось пересечь Кольский полуостров по линии с. Умба на Белом море (р.Умба — Умбозеро — Восточные Хибины — Сейдозеро — Ловозеро с Ловозерским погостом — р. Воронья — стан. Гаврилово на Ледовитом океане с заездами в стан. Териберку и М. Оленью).

Так как в литературе не имеется указаний относительно этой части Мурманского края, то я опишу вкратце посещённые мною места.

Попасть на Кольский полуостров и уехать с него нам пришлось водным путём на пароходах Севгоспароходства. Тех, кто хотел бы отдохнуть во время морского пути и предполагал бы пользоваться теми удобствами, о которых привык слышать каждый знакомый с волжскими и черноморскими пароходами, можно разочаровать. Некоторые пароходы, как, например, «Пеша», совершенно лишены классов, ехать приходится в грязном трюме, даже без нар, где одновременно свалены в кучу и пассажиры, и груз. По Ледовитому океану пароход «Канин» также не представлял особых удобств: неуютные 4-6-местные каюты, отсутствие буфета и пр.

12 июля мы высадились в с. Умбе, в том фиорде, на берегу которого стоит ныне действующий лесопильный завод. До села оказалось несколько вёрст, которые мы проехали в лодке. С помощью председателя местного сельсовета нам не без труда удалось нанять двух проводников, которые должны были доставить нас к истокам реки, т. е. к Умбозеру.

Уже начало р. Умбы у села — её первый бурливый порог (если их считать от устья) — является как бы воротами в область более северных порогов, где они чередуются с громадными озерами, где к ним подходят горные хребты с их вечными снегами и где их окружает непроходимая северная тайга. Для любителей-спортсменов, естествоиспытателей — исследователей и просто туристов и экскурсантов именно и следует рекомендовать эти неизведанные пути по мало ещё изученным рекам, где они найдут обилие всевозможного зверья, где они могут пожить в палатке или лопарской «веже» жизнью первобытного дикаря; греясь по ночам у костра. Для тех, кто не мог бы пробраться вглубь полуострова, можно рекомендовать по побережью Белого моря такие места, как с. Умба и некоторые смежные с нею, где можно найти помещение и стол, где горы, река и море дают возможность делать интересные экскурсии.

Р. Умба тянется на 90 км и проходит через ряд озёр, из которых можно назвать Пончозеро, Канозеро, (до 30 км длиной), причём Канозеро, как и далее встреченное нами Умбозеро, характерно своею вытянутою

Печь для хлеба.
Из архива Мурманского областного краеведческого музея.

в длину формою. Озёра эти изобилуют островами, что придаёт им сходство с финляндскими шхерами или озёрами Олонецкого края. Ближе к Умбозеру идут озёра Ламбины и др. Вообще озёр по течению реки очень много: почти перед каждым порогом имеется озеровидное расширение и в суженной части выше и ниже расширения имеются водопады или пороги. Эффектными являются нижние пороги, например, третий от устья. Здесь воды мчатся в горном ущельи с невероятной силой через огромные камни, развороченные здесь во всех направлениях. В местах, подобных этому, трудно вести лодку на бечеве вверх против воды, но и в суженных местах реки всегда можно найти выступы-мысы, идущие к порогу, через которые лодку тащат волоком. Особенно трудны по р. Умбе так называемые 4-километровый и 7-километровый пороги, чрез которые лодку приходится тянуть с большим трудом, особенно в более позднее время лета, когда вода заметно падает и пороги становятся бурливее.

Река совершенно необитаема, за исключением Пончозера, в начале которого живёт рыбак из с. Умбы, промышляющий на этом озере. Попадаются изредка избушки «кареляков», приходящих сюда со стороны Кандалакши, которые здесь без всяких разрешений вообще и без согласия жителей с. Умбы ловят рыбу, сушат её или солят в доставляемых сюда бочках. Ловят сёмгу, кумжу, щуку, хариусов, окуней, но, конечно, более ценными являются сёмга и кумжа. Для ловли сёмги в устьи р. Умбы устраивается так называемый «забор» — особые изгороди через реку, имеющие, щели, к которым прикрепляют мешки из жердей, куда заходит сёмга; выйти из мешков рыба, конечно, не может, так как накалывается на торчащие у выхода острия. Ловить рыбу отправляются и к ряду озёр, расположенных в средней части течения реки, и ловят обычным путём на дорожку. Рыбы — необычайное обилие. Отправляясь в экспедицию, мы не взяли с собой никакой провизии — рыба, равно как и дичь, доставались нами по пути. Однако крупная и ценная рыба редеет к северу: почти в верховьях Умбы, у Умбозера, имеется грандиозный водопад — и рыба не может перепрыгнуть чрез скалы и утёсы этого водопада.

По пути на север попадались, если не люди, то «следы» их, например плоты карелов, с которых они вылавливают раковины моллюсков, отыскивая жемчуг. Кучи раковин, и притом свежих, наблюдались нами за Канозером и в других местах.

Когда-то по реке производился большой сплав леса. Рубили его в Хибинах зимою, а весною спускали вниз по реке к заводу. Следами этого являются довольно большие конюшни и избы, в которых останавливались промышленники, и брошенные местами карбасы.

Возможности сельского хозяйства по р. Умбе пока ограничены. Покосы ютятся по берегам реки в немногих местах, где вырублен лес, и временами прямо кажутся прилепленными к какому-либо крутому склону. По р. Умбе только у места впадения р. Вялы и в немногих других имеются более или менее значительные площади сенокосов. Всё остальное пространство занято елово-берёзовой тайгой, местами пострадавшей от руки человека или от пожаров; местами же, особенно на песках и вообще сухих почвах — прекрасные сосновые боры с ягелем; однако, следует указать, вековая сосна сравнительно редка.

Препятствием к развитию той или иной отрасли хозяйства является, конечно, отсутствие удобных путей сообщения. Последнее возможно летом пешком или на лодках, зимою только на оленях. Имеются лесные просеки, местами заросшие и исчезнувшие; сохранились и квартальные столбы. Можно, таким образом, руководствуясь компасом, пробираться и по этим просекам, хотя следует иметь в виду, что пятивёрстная карта Кольского полуострова, на которой нанесены эти просеки, очень неточна, так как на ней отмечены только те озёра и реки, какие встретились при прорубке просек; то же, что находилось в стороне, так и осталось не нанесённым на план.

Несколько дней мы провели на Умбозере — громадном горном озере, окружённом с запада и северо-востока снежными Хибинскими горами.

Зная по 5-вёрстной карте, что здесь есть лопарские погосты, мы и отправились отыскивать их. Это удалось с большим трудом. Зимний погост оказался совершен-

но пустым (в юго-восточной части озера), но вблизи его на одном из многочисленных островов в своих летних жилищах-вежах жила семья лопаря Григория Сорванова. Ещё накануне, в ясную холодную ночь, заночевав у одного из квартальных столбов на острове ближе к южному концу его, мы слышали лай собак и, таким образом, убедились, что где-то есть жильё.

На другой день, когда в лодке мы увидели несколько лопарей, ловивших рыбу, мы бросились за ними в погоню, ещё не зная, где расположены их вежи. Они пустились от нас наутёк. Однако при встрече они оказались настроенными довольно дружелюбно и изъявили готовность доставить нас к другим лопарям, живущим почти в средней части восточного берега. Здесь, заброшенные у устья небольшой речки, приютились несколько деревянных лопарских домиков и веж, в которых жили 2 — 3 семьи, промышлявших рыбою. За отсутствием соли здесь, как и на берегах более северных озёр (Сейд, Ловозеро), рыбу сушат, развешивая её на длинных жердях. Несомненно, здесь меньше рыбы, чем в порожистых реках, вытекающих из этих озёр; рыба не может пройти через крутые пороги и более ценные промысловые сорта, конечно, здесь совершенно отсутствуют.

Влияние постоянных ветров уже резко сказывается на характере растительности островов. Особенно по краям островов, покрытых густым еловым лесом, бросались в глаза характерные флаговые формы крон деревьев, сжатых, вытянутых по ветру на восток, причём с той стороны, откуда дует ветер, ствол лишён и ветвей и хвои.

От Умбозера на запад открывается эффектный вид на снежные вершины Западных Хибин, к которым, с другой стороны, подходит железная дорога у оз. Имандры. Год 1924 был исключительно жаркий и снег растаял в тех местах, где он обычно лежал круглый год. Только к северу своими вечными снегами белел Лиавот-чор, главная вершина Хибин (1240 м над уровнем моря). Сухость почвы способствовала значительным пожарам в Хибинах: у Умбозера виднелись громадные клубы дыма и зарева огня, — горели пастбища оленей и леса.

Умбозеро доступно и со стороны стан. Хибины, если пробираться к нему по долинам, скорее ущельям, рек Лутнормайок и др. Более доступно оно со стороны стан. Ягельный бор, когда к нему можно подойти по пути к Ловозерскому погосту. Оно, при более культурных условиях жизни, может оказаться превосходным курортным местом, благодаря значительной высоте его, возможности горных прогулок и прекрасным лесам.

Чтобы перевалить от Умбозера далее к северным озерам, необходимо пройти снежные плоскогорья Восточных Хибин, километров 25—30. Путь идёт от указанного становища лопарей медленным подъёмом чрез пологие холмы, поросшие сосняком, а далее чрез густые еловые леса, которые завалены громадными глыбами камней, одетых рыхлым моховым покровом, в котором совершенно утопает нога. Нельзя угадать, куда попадёшь — в расщелину или на ровную поверхность камня, оперевшись о который можно смело шагнуть вперёд. Так, переходя с одной глыбы на другую, падая временами при неудачном шаге на камни, с тяжёлой ношей за плечами, мы долго шли ещё в пределах леса. Горный ручей Кедьгнюн-иок пересекал наш путь. По колени в воде мы перешли его и вскоре вышла к безлесной полосе, где уже с высоты 200 м начали попадаться пятна снега. Едва заметною тропою совершаем мы постепенный подъём к горным массивам, темнеющим вдали. Кругом пастбища с скудной растительностью, попадаются и типичные арктические представители, как дриада, смолевка и др.

Войдя в ущелье Кедьгнюн-иок (название проводников-лопарей), мы увидели здесь красивое озеро альпийского типа, из которого и вытекает р. Кедьгнюн, вдоль её мы и шли. Здесь не было льда, но на таких же озерах с северной стороны (после пересечения плоскогорья) мы видели лёд — он с зимы не успел растаять. По сравнительно пологому, но всё же градусов в 30 развалу каменных глыб, напоминающих хаос Алупки, совершаем подъём, выбирая при этом пятна снега, так как плотный зернистый фирновый снег без труда выдерживал тяжесть наших тел. Наивысшая точка, достигнутая нами по барометру — 735 м. Далее, мы отправились значительно восточнее главных вершин Восточных Хибин—Алуйав и Ингвунда-чор. Километра 2 — 3 мы шли по плоскогорью. Шаги наши гулко раздавались в каких-то подземных пещерах: выветривание

Вьючный олень. 1928 г.
Из архива Мурманского областного краеведческого музея.

пород создало здесь ряд подземных впадин, в которых глухо шумели ручьи, возникавшие от таявших снегов. Здесь почти всё время приходится итти по каменным россыпям, причём чаще преобладала форма плоских плит, то рассыпавшихся под ногами, то качавшихся при ходьбе и скатывавшихся в сторону.

От плоскогорья также по одному из бесконечно длинных ущелий одной из речек начинался спуск к Сейдозеру, заброшенному в горах, осыпанных снегами. Снег этот, лежавший в начале июля, едва ли успевает растаять к осени. С высоты 200 - 250 м начинается зона кривоствольной берёзы. Ствол этой берёзы, иногда изогнутый под прямым почти углом, иногда винтообразно искривленный, несёт как бы срезанную крону и имеет ровный столообразный вид сверху; происходит это оттого, что молодые побеги действительно как бы срезаются морозом и сохраняются лишь те, которые были спрятаны в снежной толще. Насаждение этой берёзы, редко разбросанное, напоминает собою как бы посаженный фруктовый сад: ни с чем другим нельзя сравнить этот своеобразный лес. Еловые леса начинаются лишь ближе к Сейдозеру, окружая это озеро, имеющее площадь 15—20 км. кв.

По пути вдоль ручья и перпендикулярно к нему наш путь перерезали ложбины, шедшие от высоких склонов хребта, лежавшего справа, — это несомненно ложа тех огромных потоков воды, которые в первые весенние дни низвергаются с высот. Снег в верхних частях этих оголённых мест лежал и во время нашего пути. Лишь в 11 час. ночи 27/VII, когда чуть стемнело, а по озеру как привиденья носились длинные клочья тумана, мы пришли к берегам его. На наши крики выехала лодка с детьми тех лопарей, которые живут на восточном берегу озера в своём летнем становище, занимаясь здесь рыбною ловлею. Увидев незнакомых людей, дети испугались и хотели ехать обратно, но наши проводники поговорили с ними на лопарском языке, и мы в два приёма переехали озеро. Ехали вдоль восточных берегов озера, пологих и низких, вероятно, заливаемых водою от талых снегов. В становище оказалось 2 — 3 деревянных домика, состоявших каждый из одной комнаты и 2 — 3 веж. Здесь жили лопари, приехавшие сюда с Ловозерского погоста для ловли рыбы. Мы поместились в избушке лопаря Ив. Сем. Галкина, знавшего и проф. Рамзая, финляндского геолога, и акад. А. Е. Ферсмана, недавно бродившего по этим горам, отыскивая редкие минералы.

Утром в яркий солнечный день мы любовались красивой картиною: голубое Сейдозеро спокойно лежало в рамке гор, покрытых белыми пятнами снега. По берегу озера стояли шесты с развешенной на них рыбой — это лопари сушили её, не имея возможности засолить её (соли мало на полуострове); заготовка продуктов производилась частью для себя, частью для продажи и обмена. Ловят рыбу лопари не каждый день. Так, в день нашего пребывания на озере большая часть лопарей просто ничего не делала, молодёжь же играла в мяч (вернее, это была какая-то тряпка, свёрнутая наподобие мяча). Нас обступали любопытные, удивляясь, что мы приехали из таких далёких мест, как Москва. Нужно сказать, что большинство лопарей побывало в армии и помнят Ленинград и другие крупные центры Союза; зимою для заработков они отправляются на линию Мурманской ж. д. и, таким образом, мало-помалу теряют уже свою

прежнюю отчуждённость от культурных людей.

В тот же день нам предстояло перейти к берегу Ловозера, где мы, наняв лодку, отправились к Ловозерскому погосту. Путь этот от южного конца озера можно проделать в один день. По пути встречена была одна большая летняя стоянка лопарей, причём здесь нами не мог быть не подмечен некоторый прогресс в конструкции веж: мы видели стеклянные рамы, которые дают боковое освещение полутёмному помещению вежи, обычно же вежи освещаются только тем светом, какой падает через отверстие сверху, то отверстие, куда выходит и дым от очага, разводимого посреди этого нехитрого сооружения. Стоянка расположена на одном из островов озера, вообще очень многочисленных; в узкие и мелкие проливы между островами обычно устремляется рыба и здесь её легче поймать в расставляемые сети.

5-вёрстная карта (более подробных не имеется) с трудом давала возможность ориентироваться в совершенно неизвестных нам местах, но под руководством опытного лопаря Гр. Сорванова мы всё же благополучно добрались до погоста. В погосте мы нашли приют в пустующей школе. Селение оказалось состоящим из 70 дворов (всего в волости, равной по площади небольшому государству Западной Европы, до 110 человек). Население живёт исключительно оленеводством и рыболовством. Шкуры и рыба сдаются в местный кооператив, который платит товарами и продуктами. Имеется один завод, выделывающий замшу из оленьих шкур, довольно грубую, к слову сказать. Кроме лопарей в погосте живёт много ижемцев-зырян, переселившихся сюда с Печоры лет сорок назад. Двухэтажные избы и сравнительно приличная обстановка с зеркалами, картинами и пр. не говорит о бедности этих обитателей погоста, особенно по сравнению с лопарями, ютящимися в избушках, состоящих из одной комнаты. Ижемцы завели здесь примитивное скотоводство, к какому они привыкли у себя на далёкой родине: держат коров и овец, хотя лугов здесь нет никаких, и сено грубое осоковое привозят в погост с болотистых заливов Ловозера. В летнее время скот бродит по окрестным болотам, где кроме морошки, несколько видов пушиц и пр. ничего не растёт. Оленьи стада на лето угоняют к морю, где меньше комаров; зимою они пасутся вблизи, но терпят большой урон от волков, обычно скрывающихся в лесах и ущельях Хибинских гор. Занимаются здесь и примитивным огородничеством, устраивая высокие гряды; разводят преимущественно картофель — это далеко за полярным кругом, под 68°. Имеется православная церковь, посещаемая зырянами и лопарями, особенно в большие, весьма чтимые праздники Петра и Павла и на Илью (конечно, по старому стилю). Наряду с христианской религией сохранилось и грубое язычество. Так, на Ловозере, в восточной части его, имеется «священный» остров, заброшенный в лабиринте многочисленных других островков, на котором есть якобы пещеры; к этим пещерам привозят жертвоприношения из оленьих рогов. Женщины сюда не допускаются; да и вообще, если кто-либо из непосвящённых приближается к этому острову, то, по местному поверью, поднимается сильная буря и попасть на остров тогда нет никакой возможности.

В окрестностях Ловозерского погоста много мелких болот, расположившихся на россыпях камней, что легко обнаруживается буром. По краям этих болот бросаются в глаза большие торфяные бугры с вечной мерзлотой; на ровных же болотах мерзлота отсутствует. Вообще нужно сказать, мерзлота не была встречена нами в 1924 г. ни в одном из торфяников как у Белого моря и в центре полуострова, так и у Ледовитого океана.

Каковы климатические особенности лета в этой средней части Кольского полуострова. Приведём средние данные для двух летних месяцев 1924 г.

Средние температуры: июль — 14°, август — 16,3° (с 1 по 16 включительно). Следует прибавить, что лето здесь, как и во всём Союзе, в 1924 г. отличалось значительным теплом. Тем не менее, Ловозеро освободилось от льда только 16 июня, и до этого времени 4 или 5 раз в начале июня падал снег.

Не найдя проводников (запрашивали с нас до Ледовитого океана 150 руб., причём оказалось, что по реке никто не ходил до устья её), мы вместе с председателем местного сельсовета в его лодке отправились в дальний путь к р. Вороньей, вытекающей с Ловозера и идущей на север к Ледовитому океану.

Внутренний вид жилища. 1927 г.
Из архива Мурманского областного краеведческого музея.

Проехав северную часть озера, изобилующую островами, и такую же мелкую, как и всё озеро в целом, мы въехали в р. Воронью. По быстрине её мы помчались вниз. В верховьях мы встретили обилие рыбы: щуки и хариусы брались на дорожку, как только её опускали в воду, и в несколько минут нами поймано было до 16 — 17 кг рыбы (щук и хариусов). Берега р. Вороньей местами довольно круты; там, где горы несколько отступают в сторону, много болот с торфяными буграми, подходящими к самой реке. Вокруг — плохой лес из ели и берёзы, и берёзовые леса доходят до самого Ледовитого океана; только в средней части течения этой реки, где сгружаются серые громады гор, плоские вершины были безлесны и покрыты тундрой.

В верхнем своём течении эта река также бурна, как и р. Умба. Пороги по ней отличаются значительной длиной, некоторые по нескольку километров, причём наиболее длинные из них находятся как раз в средней части течения. Река безлюдна несомненно в силу трудности передвижения по ней.

На расстоянии километров 30 от Ловозера находится Вороний погост, в котором живёт несколько семей ижемцев и лопарей, переселившихся сюда из Печорского края. По сравнению с Припечорьем ижемцы в этих местах находят для себя много выгодных условий для жизни, однако жалобы всегда характерны для русского человека, и нет ничего удивительного в том, что многое и преувеличивается. Обилие муки и всяких других припасов не говорит об особой бедности и нужде местного населения. Здесь же у ижемцев на красных глинисто-песчаных почвах мы видели прекрасные огороды с картофелем по 1/4—1/2 га у каждого. Уже подъезжая к погосту, бросались в глаза плоские островки, густо поросшие луговыми травами (высотой до 1 м), против же погоста и особенно ниже его — таких покосов очень много, чем может быть и объясняется и самое появление здесь жилья. На лугах встречены были осоки, мятлики, вейники. Травостой сравнительно не густой. Северные ветры мешают развитию сплошного и густого травостоя. Начинается покос 2 — 3 августа.

Обработка шкуры
Из архива Мурманского областного краеведческого музея.

За первым от Вороньего погоста единственным небольшим порогом, длиной всего метров 100, мы попадаем в громадное длинное и широкое озеровидное расширение реки, также с островами, покрытыми лесом. Мелкое озеро местами густо поросло цветшим водяным лютиком. По вёснам здесь ловят щук, которых здесь же солят в заранее привезённых бочках, оставляя последние до зимы, когда, пользуясь санным путём, берут содержимое их и перевозят в погост.

Горные хребты подходят всё ближе; встречается ещё сосна наряду с елью и берёзою. Больше безлесных тундр, покрытых ягелем и другими лишайниками. Здесь встречаются уже большие стада оленей, составляющиеся из мелких партий по 10 — 15 голов и более, принадлежащих отдельным хозяевам, ставящим на них свои особые метки. Стада перегоняют с места на место, причём ягель совершенно вытаптывается. Олени съедают не только ягель, но и траву и даже листья берёз и др. Для оленей разводят специальные дымокуры, так как обилие комаров, оводов и мелкой мошки, совершенно изнуряет животных; более спокойные моменты наступают для них в периоды сильных ветров, дующих с океана и сгоняющих весь этот гнус. Двигаясь по р. Вороньей мы добрались до таких мест (приблизительно середина течения), где река представляла один сплошной порог. Наши лопари отказались ехать дальше, да им было бы и не под силу тащить лодку через эти бесконечные пороги обратно вверх против течения. Бросив часть нашего имущества, часть гербарной бумаги и пр. и нагрузив на спину по 20 — 30 кг наших вещей, палатку, бурав и пр., мы пошли в обход порогов. Берегами итти было нельзя ввиду обрывистого характера их, и мы отправились по горным тундрам километров на 10—15 в сторону от реки; всего нами сделано было 40 — 50 км. По пути нам встретился целый ряд озёр, на берегах которых и здесь далеко в тундровой глуши оказались вежи лопарей, но большей частью без обитателей. Озёра обычно расположены в длинный ряд наподобие цепи, представляя собою как бы реку, прегражденную рядом плотин и потому разлившуюся в этих отдельных впадинах меж гор.

Мы вышли вновь к р. Вороньей, километров 30 — 40 выше её устья, к так называемому большому падуну. Это — грандиозный водопад, вернее их целых три, следующих один за другим. В этом месте, в узком ущельи, вода сбрасывается с отвесных гранитных утёсов с невероятной силой. Место это — центр сёмужной ловли для целого района; оно находится именно здесь, так как отвесные скалы водопада не пускают рыбу далее вверх по реке. Наклонясь над бурлящей водою, можно видеть в прозрачной глубине плавающих огромных

сёмг, по 1—1,25 м длины и нескольку килограммов весом. Вылавливают сёмгу особыми мешками из сеток, которые забрасываются с отвесных берегов водопада. Промышляют сёмгою одна русская и несколько лопарских семей, живущих здесь же в своих вежах. Пойманная рыба сохраняется в особых ямах, вырытых неподалёку от водопада, и отсюда рыбаки переносят её на плечах или подвозят на лодках в становище Гаврилово. Место ловли сдаётся с торгов: платят приблизительно 113—120 руб. (падун же в Териберке, в 3 км от становища, сдан был за 127 руб. в 1924 г.).

Пройдя большой падун и следующий за ним малый, мы подошли к становищу Голицыну, не имеющемуся на картах. Это последний пункт, где разводят ещё картофель (почти у Ледовитого океана). По пути встречались те же берёзовые перелески, расположенные на прекрасно выраженной верхней террасе, — свидетели прошлых колебаний морских уровней. Дорога по реке от стан. Голицына сплошь порожиста. При попутном ветре мы с невероятной силой и быстротою двигались вниз по течению. Единственными свидетелями нашего пути были тюлени, массами сидевшие на скалах, то там то сям выглядывавшие из воды и быстро нырявшие при приближении к ним. Путь по реке — самый удобный, особенно во время морских отливов, когда с уходящею водою можно очень быстро передвигаться; то же с приливной водою от океана. От песчаных кос в устьи р. Вороньей, снова по горам и болотам, лежащим меж ними, мы подошли к стан. Гаврилову, последнему пункту нашего путешествия. Этот рыбачий посёлок расположен в одном из фиордов полуострова и окружён сравнительно высокими горами, в ущельях которых и в августе лежал снег. Два раза в день с отливом уходит вода из залива, и шкуны, ёлы и карбасы оказываются стоящими на сухом дне. Ясно, что выйти в море и войти обратно в становище можно во время отлива и прилива.

Население здесь в массе приезжее, большей частью с Белого моря. Главный промысел—треска, которую ловят здесь примитивным способом — ярусами. За двое суток налавливают до 1/2 — 3/4 т трески (включая в эти 2 суток и поимку песчанки, которая употребляется для наживки снастей). Рыба сдаётся в местные отделы различных государственных организаций. Траловый лов пока ещё слабо развит. Всё же тем и другим способом в течение одного июля в этом году на всём Мурмане было поймано до 2000 т трески. В этом, как и других становищах, имеются и теперь заводы, выдавливающие рыбий жир, который местное население употребляет в пищу в неочищенном виде.

Из Гаврилова мы проехали в стан. Мал. Оленья, где одним аборигеном производится ручная выработка торфа. Торф на Мурмане несомненно имеет большое будущее, так как дрова сюда на побережье океана

Плетение сетей
Из архива Мурманского областного краеведческого музея.

привозят из Архангельска или из Мурманска. Торф переполнен остатками берёзы, сильно зольный, но и в таком состоянии он, конечно, представляет большую ценность на безлесных тундровых побережьях. Торф вырабатывается не только здесь, но и на Рыбачьем полуострове, на Кильдине и др. К сожалению, до сих пор не имеется сколько-нибудь точных данных о размерах торфяной добычи, имеющей государственное значение.

Обратно мы Ледовитым океаном проехали в Архангельск. И здесь по берегам то же безлюдье; те же редкие становища. Пятна снега и здесь в большом количестве выделяются на однообразном сером или чёрном фоне скал.

Так мы закончили наше 2-месячное путешествие по Кольскому полуострову.

ПО ЛАПЛАНДИИ (отрывки)

Зинаида Рихтер

РИХТЕР Зинаида Владимировна, (11.10.1890—13.11.1967), журналист, писатель. Род. в г. Москва. В 1920—1930-х гг. создала около 20 книг путевых очерков. В конце 1924 — начале 1925 приезжала на Кольский п-ов, побывала в Мурманске, Ловозере, Териберке, Умбе, на о. Кильдин и др. местах. В результате поездки появилась серия очерков «За полярным кругом», опубликованная отдельной книгой в 1925. Книга состоит из очерков: «К Ледовитому океану», «По Лапландии», «Золото тундр», «Ловозеро», «Тральный лов», «На острове «старого пирата»» (о Кильдине), «Потомки русских робинзонов» (о людях Териберки), «Восход солнца», «Варде», «У Белого моря. Умба». Издание было снабжено фотоснимками, сделанными автором и изображавшими отдельные моменты жизни Заполярья тех лет. Цикл очерков «За полярным кругом» переиздавался в последующие годы: в 1929 под названием «По Лапландии», в 1936 вошёл в книгу очерков Р., в 1957 был включен в книгу Р. «Первое десятилетие».

Кольский Север. Энциклопедический лексикон. А-Я.
http://lexicon.dobrohot.org

В данной публикации представлены отрывки из книги Зинаиды Рихтер «По Лапландии» (изд. «Огонёк» Москва, 1929 г.), где автор делится своими путевыми наблюдениями на Кольском полуострове зимой 1925 года. Сохранена авторская орфография. Некоторые авторские сравнения и метафоры могут показаться «не политкорректными», но в тоже время, они наглядно демонстрируют особый дух того времени — «мы рождены, чтоб сказку сделать былью», а «сказочной Лапландии» и «царской старине» противопоставляются образы нового социального устройства и технического прогресса.

...

Наскоро выпив свой кофе и взяв фотографический аппарат, я вышла из гостиницы. Но — увы! — краски уже бледнели, серели, умирали. В учреждениях зажгли огонь. Было только половина второго дня.

...

Позади гостиницы — базар. На площади стаями бегают собаки, северные лайки (говорят, их периодически истребляют, но они размножаются снова). Над палатками Севзапсоюза и торговцев-китайцев поднят красный флаг. В стороне, на снегу, сбившись в кучу стоят олени с большими грустными глазами и ветвями <рогов> на голове. На них приехали лопари из ближайших чумов с оленьим мясом и шкурами.

Окаменев, словно буддийские божки, сидят на санках кокетливые лопарки. Их малицы (одежда из оленьих шкур) украшены цветной замшей, а своеобразные головные уборы (в роде шлема Афины-Паллады) вышиты шелками и камнями; преобладает рисунок, мальтийского креста — фашистский знак. Лопари —в похожих на женские головных уборах с меховой опушкой и низко, как у кукол, подпоясанных малицах, ростом с 10-летнего ребёнка и с бородкой.

Такому маленькому человеку-гному более подходило бы нести шлейф заморокой принцессы или сидеть с киркой на плече на камне у лесной норы, а не спекулировать на базаре.

...

Мчишься на оленях, как в сказке, не разбирая, по кочкам тундры, по светлым снежным равнинам и ледяному зеркалу озёр... Север сказочен! Он не потерял своей

сказочности даже после того, как тундру перерезала железная дорога, а в центре Лапландии, в Ловозере, устанавливают радио... Выйдешь ночью на крыльцо после какого-нибудь затянувшегося собрания или съезда и застываешь, созерцая загадочную игру голубых лучей северного сияния.

В процессе корреспондентской работы приходится знакомиться с засолом трески, с деятельностью кооперации, выслушивать жалобы рыбаков на недостаток пенькового прядева и запоминать, сколько шпал заготовила «Желрыба», и тут же, на этом удивительном озере, подчас переносишься в сказку, в одну из многих северных сказок Андерсена.

Греясь у камелька в жарко натопленной хижине какой-нибудь старой лапландки или финки, я едва удерживалась, чтобы не спросить: «Не вы ли, добрая женщина, дали письмо, написанное на треске, маленькой Герде, которая на спине северного оленя в холодной Лапландии разыскивала своего друга Кая, похищенного и спрятанного Снежной Королевой в ледяном замке, в старом Финмаркене?»

ЗОЛОТО ТУНДР

Олени устали, с утра не кормлены. Упрямый однорогий вожак в передней упряжке всё чаще сворачивал к лесу, и лопарь, хозяин и погонщик оленей, спешил наперерез, размахивая длинным шестом, которым погоняют этих рысаков тундры.

Наконец, выбрав ягельное место (ягель —мох) лопарь бросил шест, что является знаком отдыха, олени тотчас остановились.

Со своих санок я наблюдала, как лопарь выпряг оленей, одним ударом срубил сосну, быстро и умело развёл костёр и повесил над огнём котелок снегу.

Олени бродили около, разгребали копытами снег и так усердно занялись ягелем, что едва видны были кончики их причудливых рогов-ветвей.

Полярная ночь. Зима. Безмолвие.

Хлеб и мясо замёрзли, пришлось рубить ножом. В чаю плавали кусочки мха, хвойные иглы. Лопарь, поужинав, тут же уснул. Я достала путевой блокнот.

Олени в праздничной упряжи. 1927 г.
Фото из статьи Д.А.Золотарёва «Лопарская Экспедиция».

Сегодня утром, когда, мы тронулись от Пулозера, над Хибинами — отрогами Скандинавских гор, стёртыми, как столетний зуб, некогда сползавшими с севера льдами — догорал короткий полярный рассвет.

В лесу — муаровый блестящий снег, литые из тёмного золота стволы северных сосен, гладкие, сияющие белизной, словно фарфоровое блюдо, озёра с синей каймою леса и гор. Ветра нет, но вдруг странным порывом снег взметает вверх, и видишь, что это не снег, а белые куропатки.

В первый раз в малице я почувствовала себя каким-то оборотнем-зверем. Хочешь быстро пойти, сделать движение, но всё получается так медленно, так неуклюже. Вместо руки — лапа (к малице пришиты меховые варежки). Меня едва уговорили остаться в этой шкуре.

Я легла на одни сани, лопарь сел боком на другие, впереди, и погнал оленей... Морозило. Снег не приставал к полозьям, и олени бежали хорошо, со скоростью 20 вёрст в час.

Под гору — местность холмистая — санки раскатывались, олени бежали рядом, закинув рога назад.

На льду копыта животных скользили, разъезжались, и олени всё порывались повернуть к лесу... Темнело. Зажглась полярная звезда. Выли волки; олени дрожали и жались друг к другу. Мы ехали, не отдыхая, не останавливаясь, до глубокой ночи.

Оторвавшись от своих заметок, я подняла голову и замерла. Всё небо осветилось голубыми прожекторами. Лучи быстро — быстро сновали, переплетались, ткали надо мной светящийся шатер. Луч появлялся снизу, в виде рога с цветами, веера или дедушкиной трубки — самой прихотливой формы и быстро передвигался по небу. Навстречу ему спешил другой, лучи менялись местами, сверху спускалась бахрома...

Я видела в первый раз северное сияние и не сразу сообразила, что это оно. Художники и на картах географических атласов северное сияние изображают иначе — в виде венчика, в роде тех, какие рисуют над головою святых на иконах.

Рядом со мной лежит олень; точёный профиль его с фантастическим завитком рога и грустным взглядом удлинённых глаз напоминает египетские фрески.

Он лежит неподвижно, подняв морду к небу. Видимо, и его влечёт к себе северное сияние.

Проснулся лопарь. Встал, потягиваясь над тлеющим костром, равнодушно посмотрел в небо и сказал:

— Плохое сияние, морозов в этом году настоящих нет.

И опять — бег на санках, тундра, светлые озера, куропатки...

Путешествую по лопарским погостам. Еду к терской лопи, в Ловозеро,

где сейчас... заседает съезд волисполкомов и предстоит кооперативный. Делегаты — лопари, самоеды, зыряне, ижемцы.

СОВЕТЫ В ТУНДРЕ!

Ловозерская волость в центре Кольского полуострова — девственный утолок русской Лапландии. В своё время москвичи и новгородцы оспаривали друг у друга богатства севера — рыбу, меха и всякого пушного зверя.

Предъявляли на них права и соседи — шведы, датчане. Посещали север иностранные промышленники — «рыбу ловити, жемчугу копати». На побережьях океана и Белого моря лопари быстро подпали под русское влияние. Но это влияние не распространилось в глубь полуострова, в тундру. Временами лопари платили дань одновременно датскому и шведскому королям и русскому царю. Изредка навещали их правительственные сборщики дани, но этим всё и кончалось. Лопари оставались полудикарями, в своём исконном виде.

Они не любили русских и боялись почти так же, как шведов, от грабительских набегов которых им приходилось скрываться в тундру и леса. Рассказывают, что, когда в лопарский погост наезжал русский правительственный чиновник (они ездили в особых лодках-санках с крытым верхом) или какой-нибудь иностранный, или наш путешественник, лопари запирались в домах и никого к себе не пускали.

Но теперь лопари добродушны, разговорчивы и гостеприимны. По-видимому, отношение к советской власти у лопарей иное, чем к старому русскому правительству.

В первый период после революции здесь, в глуши, проводились разные сборы, реквизиции, часто в неправильной, преувеличенней форме, что тяжело отразилось на оленеводстве, которое начало приходить в упадок ещё с начала германской войны. Во время оккупации англичане и белогвардейцы в свою очередь забирали оленей, загоняли их. В результате всего этого число оленей сократилось до 25-30 процентов от довоенного времени), но в последние годы, по данным губстатбюро, оленеводство в Лапландии снова восстанавливается.

Мурманск экономически оживает. Край колонизируется. Развиваются и улучшаются рыбные промыслы. Пущены лесопильные и консервные заводы. Усиливается кооперация, — раньше лопарей и поморов эксплоатировали купцы-фактористы. Темп жизни на Мурмане напоминает Канаду или Клондайк. Кольский полуостров с его девственной суровой природой и богатствами представляет широкий простор для приложения человеческой энергии, смелости, упрямства. Кто же, как не молодые силы советской России, смогут оживить этот край!

В Ловозере мне пришлось столкнуться с любопытными типами советских работников. Шарупич —председатель ловозерского волисполкома — своеобразный, симпатичный тип олопарившегося интеллигента-партийца; молодой председатель местного кооператива Заборщиков, сменивший в кооперативе попа Распутина (тёзка Григория), — своего рода местная знаменитость. Но сейчас речь о лопарях и о «золоте тундр» — оленях.

Ижемец с оленями около своего дома. 1927 г.
Фото из статьи Д.А.Золотарёва «Лопарская Экспедиция».

Лопарь, мой спутник, — неграмотный, как и большинство лопарей. На поясе, на ремне, у него дощечка — своеобразная приходо-расходная книжка, в которой он особыми знаками отмечает количество оленей, имеющихся у него в стаде, сколько с него взыскивают налога и сколько он должен кооперации. Уходя из дому — в лес, в тундру, к озеру — в отсутствии домашних, лопарь вместо записки в условленном месте кладёт сук, палку, и домашние уже знают куда и по какому делу пошёл хозяин.

У них своеобразный телеграф и своё радио.

Если что-нибудь случилось и нужна общественная помощь, лопарь разводит громадный костёр, дым столбом поднимается над лесом и далеко виден. Лопари, завидев дым, со всех сторон спешат на помощь.

Даже таких элементарных предметов в культурном человеческом обиходе, как стулья или табуреты, лопари не признают и предпочитают сидеть на полу. В Мурманске на губернском съезде лопари также сидели на полу. И даже их председатель, Шарупич, с длинными волосами под Чернышевского, бойкотировал скамьи и стулья. Я его сфотографировала в пимах, малице, на полу, у стенки, с записной книжкой, слушающим доклад предгубисполкома Мельникова.

Зимой тундра — белая, снежная; передвижение — лёгкое, на оленях. С наступлением весенней распутицы всякое сообщение с Ловозером прекращается. Летом его окружают непроходимые болота, озера, леса, тучи мошкары. Ни почты, ни газет. Разве кто-нибудь забредёт случайно и занесёт запоздалые новости.

Погосты (сёла) в Ловозерской волости разбросаны на расстоянии не меньше 60-100 вёрст. Плотность на-

селения — одна десятая человека на квадратную версту. Шутят: одна десятая человека; и один большой медведь... Как оно в таких условиях, в такой обстановке вести «советскую» работу...

В Мурманске, в губисполкоме, мне попалось оригинальное постановление сельского исполкома о выселении... колдуна. В глуши лопарских погостов, затерявшихся в тундрах, ещё сильна власть колдуна, вера в знахарей.

Лопарская изба низка, с примитивным очагом пропахла прокисшей рыбой. Лопари недостаточно солят рыбу, и она у них киснет.

Зимой лопари большую часть времени проводят в лесу, в чумах, крытых брезентом и оленьими шкурами, охраняя оленей от волков.

В последние годы после революции развелось громадное количество волков, злейших врагов оленевода. На обратном пути из Ловозера я встретила райду (олений поезд). На санях везли остатки — передки оленей: в одну ночь волки загрызли их 20 штук. Нужны экстренные меры, государственная помощь для борьбы с волками. На всех съездах на Мурмане говорили о волках и необходимости борьбы с ними.

У лопарей нет ружей, пороха и свинца. Охотятся они на песцов, лисиц, горностаев варварским способом — капканами. Раньше боролись с волками стрихнином. Теперь стрихнин трудно доставать, и закон воспрещает к нему прибегать, так как вместе с волками гибнут лисицы, соболя и другие звери: отравляются, издыхают в лесу, и мех пропадает.

Летом лопари переселяются к озёрам и сёмужным тоням, ловят сигов, сёмгу. Олени остаются без присмотра ... поднимаются на тундры. Осенью хозяин с пастушьими собаками собирает своё стадо. Не случалось, чтобы лопарь присвоил чужого оленя.

Вообще на Мурмане нет грабежей и воровства. Лопари и поморы, уходя, не запирают дверей. Лопарь ставит наискось палку, чтобы знали: хозяина дома нет.

Мне первое время казалось странным ехать ночами без охраны, без оружия, с одним лопарем или самоедом. Помню одно комичное недоразумение: меня вёз на станцию на своих оленях самоед Хатанзей. Он меня не понимает, я — его. Мне хотелось видеть самоедские чумы и стадо. Сделали крюк в десять вёрст, чтобы заехать к Хатанзею в чум.

Самоед сменил оленей, но чума мне не захотел показать. Заупрямился:

— На станцию договорился везти и довезу, а чум смотреть тебе незачем.

Не знаю, что ему пришло в голову: может быть, боялся сглазу или думал, что интересуюсь его оленями на предмет обложения, но чума Хатанзей мне так и не показал. И костёр не захотел разводить. Было досадно, холодно, хотелось есть. От всех этих огорчений я задремала. Проснулась. Олени стоят, мы посреди какой-то светлой, окружённой, лесом равнины. Где Хатанзей? Нет его! Наконец, вижу — лежит у санок, раскинул руки, носом в снег.

В голове у меня молнией: убили бандиты! Бросаюсь к нему, расталкиваю. Неохотно поднял голову, говорит:

—Чего ты мне спать не даёшь, вот, беспокоишь.

Мне стало стыдно: ну, какие тут в тундре, на самом деле бандиты? Кого тут грабить?

Лопарь, если у него заводятся деньги, прячет их под корягу. Бывает, спрячет лопарь 300-500 рублей, вырученные за шкуры или пушнину, выпив слишком много бражки, а на следующий день приходит в милицию:

— Товарищи, помогите найти деньги, спрятал, а где не помню.

Лопари и олени отлично понимают друг друга. Лопари не бьют, берегут и холят оленей. Мне приходилось на берегах Белого моря ездить на оленях с русскими поморами; эти обращаются с выносливым, но нежным

Василий Хатанзей. Ненец. Жил в районе оз.Ревдозеро. Описывается в рассказе Зинаиды Рихтер. Был проводником геологов-разведчиков в 20-х и 30-х годах. Фото 60-х годов. Фотограф А.С.Лихачёв.

На второй день свадьбы у ижемцев. 1927 г.
Фото из статьи Д.А.Золотарёва «Лопарская Экспедиция».

животным хуже, чем с ломовой лошадью. В лопарских погостах мне приходилось встречать изображение оленя на старинных иконах. Осенью лопари празднуют особый олений праздник. В этот день оленей не запрягают, все мужчины-лопари отправляются на лодках на Олений остров. Здесь происходит нечто в роде древнего жертвоприношения. Лопари складывают в пещере привезённые с собою оленьи рога. В древности, — рассказывают старики, — на этом острове происходили состязания молодых лопарей, которые выходили на бой голыми, с оленьими рогами на голове. Победитель получал в награду самую красивую девушку.

По преданию, ни одна женщина не была на Оленьем острове, и стоит только женщине сесть в лодку и приблизиться к острову, как начинается буря, лодка опрокидывается.

Лопари, не без торжества рассказывают, что какой-то англичанин-путешественник с женой попробовали в лодке подъехать к острову. Началась буря, лодку опрокинуло, и их едва удалось спасти. Дело в том, что около Оленьего острова вследствие каких-то особенностей дна, сильное течение, и только лопари знают, как миновать его и благополучно достигнуть острова.

Учительницы ловозерской школы решили во что бы то ни стало рассеять это суеверие, и собираются устроить экскурсию на Олений остров.

ЛОВОЗЕРО

Седые тундры, леса, озёра и горы со всех сторон на сотни вёрст обступили Ловозерский погост.

На одном берегу застывшей буграми реки — на курьих ножках избушки лопарей, на другом — двухэтажные солидные дома ижемцев-зырян. Над фасадом дома, вместо резного конька или петуха, — оленьи рога.

Возле школы дети, в пимах и малицах, похожие на медвежат, играют в «оленя». Рассыпались по снегу, держа над головой рога.

Посреди улицы остановилась райда с мукой и мясом для кооператива. Самоед в малице из белого оленя уставился на нас, держа в одной руке высокий шест (харей), а в другой — повод.

В Ловозеро на крещение собираются лопари со всех <погостов> Ледовитого океана и Белого моря.

К этому времени приурачиваются всевозможные торговые и домашние дела: заключаются сделки, товарообмен, празднуют крестины, свадьбы.

На этот раз, кроме того, подоспели два съезда. Съехались делегаты и представители губисполкома. Старый и новый быт сшиблись лбами, как наскочившие друг на друга олени.

Ловозерская улица оживлена по-праздничному. Женщины ижемки — в ярких шелках, в широчайших юбках, лопарки — в нарядных шамшурках (головной убор), лопари — в своих высоких кокошниках и «мокасинах». Широкоскулые, желтосмуглые, с неподвижными, словно вылепленными из глины и грубо раскрашенными лицами, лопарки на ходу переваливаются с боку на бок «уточкой». Ижемки миловиднее и грациознее. Танцует ли ижемка, несёт ли по обледеневшему скату коромысла с водой, она, прежде всего, старается сохранить степенность, плавность в движениях.

В толпе, окружившей нас, — парочка молодожёнов-лопарей. Она — в шамшурке, лицо скрыто под вуалью. Он — в городской пиджачной паре с ярко-красным галстуком «фантази» и в меховой длинноухой шапке. Молодые держатся за концы своего носового платка, — так требует свадебный обычай. Они и в вике перед заведующим регистрацией браков стояли так: крепко как вожжи, держа в руках своих узы Гименея — платок.

Ижемцы пришли на лопарские тундры издалека, с Печорской стороны. Они бежали от страшного оленьего мора — чумы, со всеми своими стадами шли в Лапландию окружным путём, огибая Белое море. Это было длинное, невероятно трудное путешествие. Олени по дороге гибли в болотах, тонули, переплывая озера, отставали и возвращались на родину, где их также ждала смерть.

Ижемцы пришли с жалкими остатками своих стад. У кого было 7 тысяч, 10 тысяч голов оленей — остались сотни и десятки. Но, народ коммерческий и способный, они быстро сумели восстановить своё хозяйство и оленеводство. Выстроили двухэтажные дома, привезли на оленях из Архангельска городскую обстановку, граммофоны, повесили гардины, олеографии в золочёных рамах, иконы в богатых ризах. Ижемцы сразу заняли господствующее положение и стали всячески эксплоатировать простодушных полудиких лопарей.

Ижемки в праздничных нарядах. 1927 г.

В гостях на празднике. 1927 г.
Фото из статьи Д.А.Золотарёва «Лопарская Экспедиция».

Лопари — рыболовы и оленеводы — на лето оставляют свои стада без призора, и благодаря этому ежегодно теряют много оленей, которые гибнут: отравляясь ядовитыми грибами, от волков или тонут в болотах. Ижемцы занимаются преимущественно оленеводством (рыбу ловят только для себя). Оленеводческое хозяйство у них ведётся лучше, чем у лопарей. Они круглый год стерегут свои стада сами или держат лопарей-пастухов. Олень, проработав в упряжке несколько дней, должен отдыхать в стаде. В год олень работает не больше 50—100 дней. Важенок (самок) ижемцы запрягают лишь в самом крайнем случае. ....

На ловозерском волостном съезде говорили о возможности проведения в Ловозеро железной дороги. Ижемцы и лопари забеспокоились, зашумели и в голос заявили: «Проведут дорогу — нам со стадами придётся погибать иди уходить отсюда». «Чугунка» — злейший враг оленеводов. Пожалуй, ещё более страшный, чем волки. Лесные пожары, происходящие от летящих из паровозов искр, выжигают ягель. Ягель возобновляется через 10 — 15 лет, и оленеводам после пожара остаётся только собрать свои стада и уходить.

В последние годы наблюдается среди ловозерцев <тенденция> к выселению на более отдалённые и нетронутые ягельные места. Ижемец Иван Григорьевич Артиев со своими сыновьями, всем семейством, переселяется к верховьям реки Паноя. Переселенцы первое время жили в старой брошенной лопарской веже и в чуме. Теперь у них уже превосходные дома, полное хозяйство, есть даже коровы и огороды. Новый погост называется Ивановкой в честь Ивана Григорьевича.

Ижемцы плодовиты, хозяйственны, патриархальны... Ижемцы же народ пришлый, им нечего вспоминать, у них нет местных сказаний.

Но, подвыпив на свадьбе сына или внучки, старик-ижемец поёт о том, как он запряжёт четырёх оленей в новые санки с белой постелью, возьмёт новый харей, наденет белый совик, «яхнет» и поедет в Печорскую сторону, прямёхонько к крыльцу Сандриньи. Здравствуй, здравствуй, Сандринья.

Этому певцу-ижемцу уже 70 лет, у него 18 — 20 взрослых сыновей, праправнучата, а его Сандринья, по всей вероятности, давно в сырой земле.

... Съезд открылся в день годовщины смерти Ленина. Выступал председатель губисполкома Мельников. Это была не обычная митинговая речь, а скорее сказ об Ильиче. Обстановка тоже была не митинговая. Расселись, кто где придётся, больше на полу. Слушали внимательно, взволнованно, высвободив головы и уши из мехового капора малицы. Часто поглядывали на портрет Ленина, освещённый поставленной <...> лампочкой.

Потом в школе был устроен вечер. Школьники — лопари, самоеды, ижемцы —декламировали с своеобразным произношением и ударениями (знамэна <...>) Демьяна Бедного — «Мы бьёмся за светлую жизнь бедняков» и другие стихотворения.

В детском спектакле роль старика-отца старого закала играл сын местного священника Распутина, юный комсомолец <...>

Отец, говорят, жестоко стегал его ремнём за комсомольские убеждения. Молодой Распутин очень правдоподобно, вероятно, копируя отца, топал на сцене ногами и ворчал на новые порядки: в бога не верят, в церкву не ходят...

После революции священник Распутин недурно было устроился в Ловозере, воспользовавшись темнотой и

Ловозерский съезд советов. 1927 г.
Фото из статьи Д.А.Золотарёва «Лопарская Экспедиция».

неграмотностью населения. Получал с граждан, как священнослужитель, установленную мзду головами оленей, служил в вике в качестве заведующего регистрацией браков и получал жалованье, был председателем кооператива и, как потом было установлено ревизией, не без личной выгоды. Ревизия установила растрату в кооперативе, и звезда Распутина закатилась.

Нынешний председатель кооператива Заборщиков — комсомолец. При нём ловозерский кооператив на последнем губернском кооперативном съезде был признан одним из лучших на Мурмане. Заборщикову удалось восстановить, между прочим, замшевый завод, не работавший с начала германской войны. Раньше ловозерская замша вывозилась за границу — в Норвегию и Англию. Дело выгодное. Восстановлен завод, ремонтировано здание при незначительных затратах, — почти всё делалось руками Заборщикова, его помощников и комсомольцев.

Заборщиков женился на девушке из патриархальной ижемской семьи. Конечно, сначала родители невесты и слышать не хотели о сватовстве коммуниста. Гражданский брак в Ловозере, в глуши тундр! Это был первый случай — вся ижемская колония восстала. Девушку засыпали градом насмешек, пугали: «Муж-коммунист увезёт тебя и бросит». Но ижемка с овальным, стыдливо вспыхивающим личиком и стрельчатыми ресницами обнаружила большую твёрдость, и старикам пришлось уступить.

Дед девушки в числе других стариков присутствовал на съезде. Седобородый старик-ижемец, в малице, с величавым видом возлежал на полу и, опираясь на локоть, пытливо, но на этот раз как будто совсем не гневно, следил за каждым словом наречённого зятя-коммуниста.

Даже в глуши тундр лопари начинают понимать, что теперь нельзя жить, как прежде, в темноте, без просвещения. На съезде лопари-делегаты из отдалённых глухих погостов заявляли, что у них постановили отчислить столько-то голов оленей на устройство и содержание школы или интерната в Ловозере.

... На вечеринках девицы сидят отдельно, парни — отдельно. Не принято, чтобы девицы разговаривали, шутили или смеялись с парнями. Лопарки держатся несколько проще, свободнее, но ижемки, как куклы в витрине, рассядутся и сидят, не улыбаясь, не шевелясь, не смотря по сторонам. Танцуют под гармонию, сохраняя ту же кукольную неподвижность, старинный танец «шестёрку», кадриль, польки и вальсы.

Лопари и ижемцы не говорят, или не любят говорить по-русски. Но песни поют русские. Впрочем, слова разобрать невозможно. Мотивы и голоса грубые, дикие. Разинут рты и орут, как заведённые, часами.

В этом нечленораздельном орании есть что-то волчье, жуткое, дикое. Невольно вдруг вспоминаешь, что кругом тундры, леса, ночь, волки.

Волк перегрызает своей жертве, оленю, глотку рыча и захлёбываясь, высасывает горячую пенящуюся кровь, пожирает задние окорока, а остальное бросает. Почуяв близость волка и обезумев, олень в паническом страхе прыгает на деревья и, застряв рогами в ветках погибает.

Идёшь с вечеринки. Снег струится огнями, полнеба охвачено северным сиянием. Всё, от земли до неба светло, странно, необычайно.

Не понимаю, каким образом лопари так легко, без дорог и без компаса, ориентируются в тундрах и по кратчайшему пути доводят вас до железнодорожной станции. Тундра всюду однообразная — девственный снег, кочки, берёзки, затканные инеем.

Когда я снова увидала железнодорожные огни, олени остановились у небольшого деревянного домика-станции, я мысленно оглянулась на своё путешествие. Ловозерский погост представился мне каким-то заповедным местом вроде Града-Китежа...

ЛОПАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (11/I-11/V 1927 ГОДА). (ОТРЫВКИ)

Д.А.Золотарёв

Источник публикации:
Д.А. Золотарёв. ЛОПАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (11/I-11/V 1927-го года). Издание Государственного Русского Географического общества. Ленинград. 1927 г.

...Образование Государственным Русским Географическим Обществом Карельско-Мурманской Комиссии дало возможность во всей полноте поставить вопросы о срочности изучения лопарей и о снаряжении с этой целью зимней экспедиции. Инициатива Комиссии, поддержанная Советом Русского Географического Общества, нашла живой отклик в Колонизационном Отделе Мурманской железной дороги, отпустившей при содействии Г. Ф. Чиркина 1.500 рублей на Лопарскую Экспедицию. К сожалению, другая часть денег была отпущена Географическому Обществу Главнаукой в размере 1.900 рублей лишь в конце 1926 года, и только тогда можно было начать работу.

В начале января месяца текущего года экспедиция в составе руководителя профессора Д. А. Золотарёва, врача Ф. Г. Иванова-Дятлова и этнографа В. В. Чарнолуского выехала на работу.

Основными задачами Лопарской Этнологической Экспедиции Русского Географического Общества были антропологическое и медико-гигиеническое исследование и изучение быта лопарей.

...

Готовясь сделать большой путь на оленях в самый холодный месяц, мы запаслись тёплой одеждой. Усилив обычный костюм тёплым бельём и носками, надев короткие полушубки, мы не без труда и усилий натянули на себя меховые чулки (лепты), высокие пимы и малицы, подпоясав их ремнями. Уже одеваясь, мы почувствовали необыкновенную жару. Представляя собою довольно неуклюжие резервуары тепла, мы двинулись около 6 часов вечера в Ловозеро находящееся в 110 километров от Пулозера. Наш поезд состоял из трёх подвод. Впереди на 4 оленях, запряжённых в довольно высокие сани — нарты самоедского типа, ехал наш ямщик-лопарь лет 17-18, к нартам была подвязана пара оленей с низенькими санями и одним из нас, сзади ехали на тройке двое сотрудников экспедиции, самостоятельно управляя оленями.

Путь из Пулозера до Ловозера является самым бойким и хорошим. В Ловозеро, как волостной центр и ближайший внутренний погост восточной части Кольского полуострова, ездят сравнительно часто. Лесная дорога местами очень хорошо укатана. Лишь

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Карельско-Мурманская Комиссия
SOCIÉTÉ RUSSE DE GÉOGRAPHIE
Commission pour l'investigation de la Karélie et du Mourman

Д. А. ЗОЛОТАРЕВ

ЛОПАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

(11/I—11/V 1927-го года)

D. A. ZOLOTAREV

EXPÉDITION ETHNOLOGIQUE EN LAPONIE

ИЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ЛЕНИНГРАД
1927

старые пни, выглядывающие из-под снега, заставляют посматривать, чтобы не удариться ногами об эти пни или о камни, также местами выступающие из-под снега. Олени, даже загнанные пулозерские олени, усталые от постоянной езды, бегут бойко и весело. Не сразу привыкаешь к тому, что олени очень тяжело дышат, как опоенные лошади и, повертывая головы, высовывают свои языки. Местами олени бегут целиной по глубокому снегу, погружаясь по грудь, ловко выскакивая из него и таща за собой сани. Ямщик, держа в руке единственную вожжу — хигну, слегка погоняет оленей длинным шестом-хореем. Несмотря на мороз и ветер, ехать удивительно приятно. Первое время тепло, как в бане, затем проходит неприятный жар, становится просто тепло. Этому много способствует пазуха, образующаяся выше пояса, прекрасно сохраняющая тепло и позволяющая в случае надобности греть руки. В этой пазухе обычно держат табак и спички, что даёт возможность даже во время езды курить. В старое время, говорят, в ней возили спирт для согревания в пути. Проехав около 10 километров, мы остановились для передышки оленей. При этом ямщик бросал вперёд хорей, слегка дёргал налево хигну, и олени сразу останавливались. Они сейчас же начинали пить снег и разыскивать свой любимый ягель. При помощи рог, копыт и морды, олени легко добираются до ягеля и, отдохнув минут пять, вновь бегут также бойко. Правда, мы ехали не так быстро, как описывали езду на оленях раньше. В среднем мы делали километров 10-12 в час. Проехав половину, около 60 километров мы остановились на берегу озера, достали воды и дров, развели костёр и здесь провели часа три вместо ночлега. Пока отдыхали и кормились олени, гуляя на свободе, мы пили чай и грели у костра ноги, больше всего пальцы и пятки. Они зябнут, главным образом, потому, что подошвы, находясь на полозьях саней, касаясь снега, оттаивают и отпотевают. Сырость

проникает внутрь обуви и способствует охлаждению ноги. В связи с этим необходимо прокладывать лепты и пимы стелькой из сена или соломы. Ночь, проведённая у костра при 25-28 градусном морозе, была необыкновенно приятным началом наших скитаний по тундре. Всё, что приходилось читать и слышать о зимних поездках, достаточно сурово рисовало северное путешествие. То обстоятельство, что до сих пор ещё ни одна этнографическая экспедиция не проехала нашим маршрутом, также как будто говорило о трудностях пути. Поэтому, после первой остановки, мы уже бесповоротно и несравненно более смело сказали себе, что отступления не будет, и что мы надолго променяли железную дорогу на оленей. Вскоре после нас подъехали к костру инженер — строитель Ловозерской дороги и член президиума Мурманского Губернского Исполнительного Комитета, осматривавшие дорогу и направлявшиеся также в Ловозеро. Наш поезд увеличился. Несмотря на то, что дорога до Ловозера — наиболее торная в крае, мы два раза сбивались с пути и кружили. При ярком лунном свете наши ямщики сравнительно скоро находили дорогу, и мы выбирались на укатанный путь. Утром пришлось ещё раз кормить оленей и греться у костра. Только здесь в 20 верстах от Ловозера, в 8-9 часов утра мы почувствовали настоящий холод; особенно зябли ноги. Если до сих пор поездка была только удовольствием, тут она стала неизбежной необходимостью, правда, пока не очень тяжёлой.

Около 12 часов дня мы приехали в центр восточно-лопарской тундры — Ловозерский погост. Церковь, небольшие избы, среди которых выделялись ижемские двухэтажные постройки, вытянувшиеся в линию, издали вырисовывались серым пятном на открытом пространстве ловозерской низины. Вдали виднелись, высоко поднимаясь, Ловозерские Хибины. Ясное почти безоблачное небо дало возможность любоваться картиной полуденного солнца, едва показавшегося из-за горного хребта и спрятавшегося, окрасив небосклон изумительными оттенками своего отблеска.

Мы приехали во время, как и стремились, за день до Крещенья, — лопарского праздника, — связанного, как говорят, с возвращением солнца после зимнего перерыва.

Мы остановились в доме состоятельного ижемца, которого застали за работой: он, сидя около русской печки, нарезал мясо непосредственно с замороженной туши оленя. При этом он и другие члены семьи лакомились сырым мясом. Оленя оттаивали дома, готовясь к празднику.

Ловозеро многократно описывалось в старое время, поэтому, отметим лишь несколько штрихов для понимания места Ловозера в жизни лопарей и поделимся личными впечатлениями.

Вид зимнего Йокангского погоста. 1927.

Ловозерский погост, как и другие лопарские посёлки-погосты, является зимним селением, куда лопари съезжаются и где живут лишь зимние месяцы, начиная с ноября до апреля — мая. Ловозерский погост отличается от других тем, что он является волостным центром, объединяющим 9 населённых мест, расположенных на территории в 25.000 квадратных километров и имеющих по предварительным данным переписи 1926-27 года — 1301 жителя, из них 510 лопарей. Здесь, как в административном центре, находятся волостные учреждения, школа, изба-читальня, приёмный покой с фельдшером, ветеринарный пункт, кооператив, метеорологическая станция, замшевый завод и вновь открытая оленеводческая станция. Другой особенностью Ловозера является то, что в настоящее время это не только лопарский погост. Оказывается, здесь из 745 человек жителей приходится на лопарей третья часть, в то время как больше половины ижемцев-зырян, а кроме того, около 60 человек самоедов и 30 человек русских. Ловозеро, расположенное вдоль реки Вирмы в 2-х километрах от озера, определённо разделяется на две части: один берег — лопарский, другой — ижемский, с большими двухэтажными домами. Таким образом, в лопарском центре лопари оказались в меньшинстве и даже под властью ижемцев. Надо напомнить, что ижемцы появились на Кольском полуострове только 40 лет тому назад, в 1887 году, когда 4 семьи переселились в Ловозеро из Печорского края по случаю распространения там эпизоотии, губившей оленей. С тех пор положение

сильно изменилось, и количество ижемцев превысило исконное население не только в Ловозере, но и в Ловозерской волости в целом. Совершенно естественно, что ижемцы, более сильные физически, культурно и материально, по мере увеличения своей численности, оттесняли лопарей на второй план. Поэтому, наблюдая ловозерских лопарей, вы невольно чувствуете их забитость, хозяйственную слабость и культурную отсталость, и вместе с тем сознаёте, что не они хозяева в их центре. Если облик Ловозера сильно изменился за 40 лет, то, всё же, некоторые старые традиции сохранились. Одной из них является праздник Крещения. В старое время на праздник съезжались лопари отовсюду. Праздник и ярмарка в свободное время года, когда непроходимые тундры скованы льдом и покрыты снегом, привлекали общий интерес. Но и теперь, при изменившихся политических, экономических и культурно-бытовых условиях жизни лопарей, съезжается на праздник очень много гостей. Уже накануне праздника появились пьяные, ходили по домам ряженые, были заметны приезжие. Хотя теперь не было ярмарки, приехали лопари Воронежского, Пулозерского, Семиостровского, Кильдинского и Каменского погостов. За 100 -150 вёрст приехали на праздник даже с грудными и маленькими детьми.

После обедни был крестный ход на иордань, в которой после водосвятия купалась одна женщина, а затем купали или обливали водой оленей. Нам пришлось видеть лишь жалкий пережиток, ещё недавно бытовавшего обычая. Церковь была полна народа, одетого празднично. Лопарки были в своих вышитых бисером головных уборах, пёстрых и ярких платьях, кофтах и платках, частью без малиц или печков. Особенно интересны были ижемки в своих длинных до пяток малицах, покрытых красивыми цветными «рубашками», у богатых — шёлковыми. Глядя на группу высоких девушек, плавно шедших по яркому снегу в малицах, крытых тёмно-зелёным шёлком с белыми меховыми капюшонами, завязанными розовыми ленточкам и, невольно, представлялось отдалённое прошлое. Среди бывших на иордани можно было видеть жениха и невесту — лопарей, державшихся всё время за концы общего белого платка.

Самоедка — жена лопаря

У камелька

В прежнее время одним из праздничных развлечений было катанье на оленях. Приезжали на лучших оленях с изумительной упряжью, украшенной бисером по красному и жёлтому сукну. Кое-кто и теперь приехал в полном параде. Надо видеть хотя бы одну подводу, запряжённую четвёркой белых красивых оленей, на которых красное и жёлтое сукно с изящным бисерным украшением и медными бубенцами выделяются яркими пятнами, чтобы представить праздничное катанье в Ловозере. Мы видали такие подводы, но при нас вместо обычного катанья, были устроены исполкомом гонки. Гонки привлекли общее внимание, но на них выступило немного участников, заботящихся лишь о быстроте бега.

Первый приз в 20 рублей получил самоед, пробежавший на тройке оленей 2 километра в 2 минуты 5 секунд, 15 рублей получил лопарь, пробежавший — в 2 минуты 12 секунд, 10 рублей получил ижемец — за лучший бег оленей рысью. Налюбовавшись прекрасной лихой ездой, при которой многократно ездоки валялись в снегу и сломали не

одни сани, зрители были довольны и результатами гонок. Первый приз достался самому бедному человеку. Наконец, представители всех народностей получили призы, что не вызвало нареканий с национальным оттенком. По-видимому, огорчённым остался лишь наш хозяин — ижемец, который, так как сам был очень пьян, послал на гонки своего сына, не сумевшего прогнать оленей как следует. Старику не важны были деньги, а обидно то, что подорвана была его слава, как лучшего ездока рысью. Пришлось нам вмешаться, чтобы неудача сына не привела к побоям.

Как и раньше, к Крещенью приурочиваются свадьбы. Нам пришлось видеть лопарскую и ижемскую свадьбы и вечеринки. Наряду с сохранением старых обычаев, в том числе у лопарей «уточки», в костюмах и танцах было очень много нового. Сюда проникли не только кадриль и полька, но и тустеп, краковяк, па-де-спань и т. д. Правда, новые танцы умеют исполнять не все. У лопарей самым большим успехом пользуется «опчая», когда в маленькой комнате буквально не остаётся пустого места и все как бы топчутся в общей массе. На ижемской вечеринке в богатом доме, кроме танцев, водили хоровод, под русские песни: «По за городу», «В хороводе были мы»,«Капустка» и т. д. Здесь были очень стильны девушки и женщины в особо повязанных шёлковых платках, заменяющих старинные ленты и кокошники, употребляющиеся теперь лишь на свадьбах. На ижемской свадьбе угощали всех «бражкой» — мутная сладковатая самодельная водка, — олениной, пирогом с рыбой (кумжой), пшенной каше и, клюквенным киселем. У кого не было свадьбы, ходили по гостям и принимали гостей. Веселье продолжалось несколько дней — с бражкой, но почти без водки. По крайней мере, мы не видели водки, хотя заходили во многие дома. Вечером поражала тишина в селе, мало похожая на праздник.

Праздник давал нам возможность без особого стесненья ходить по домам, помог ознакомиться с постройками, домашним бытом, и вместе с тем выяснить ряд хозяйственно-бытовых вопросов, в частности, вопрос о перекочевках. Завязав знакомства, В.В.Чарнолуский при содействии нескольких лопарей в течение десятидневного пребывания в Ловозере собрал материал для составления карты перекочевок и оленьих пастбищ.

Хотя мы участвовали в празднике, для нас он был тем более рабочим временем. Мы всемерно стремились использовать съезд лопарей для антропологических измерений. Работая с утра до наступления темноты, мы измерили 65 лопарей мужчин, 8 женщин и 30 ижемцев.

Женщины саами. Йоканьгский погост. 1928 г.
Из архива Мурманского областного краеведческого музея.

Событием, отличающим современный праздник, были волостной съезд советов, митинг памяти В.И.Ленина и 9 Января 1905 года, два спектакля и танцы. Народа было очень много. К сожалению, ребята так шумели, что трудно было слушать. Многие были недовольны и жаловались, что непонятно. Устроенные после спектакля танцы прошли очень весело и оживлённо. Сочетание европейских танцев и лопарских и ижемских костюмов и типов было интересно своеобразно. Из мелочей, являющихся показателем моды и вкусов молодёжи, наше внимание привлекло употребление в качестве украшения английских булавок, прикалываемых в количестве 2-8 на кофточках и пиджаках.

Мы благодарим всех кто оказал поддержку в сборе средств на печать второго номера альманаха “Земля ТРЕ”! Вот их имена:

Борис Жилин
Тата Мальцева
Ксения Попова
Роман Лошаков
Давид Гоцман
Илья Серов
Роман Яковлев
Татьяна Крылова
Вадим Семин
Валерий Федулов
Сергей Балалаев
Елена Багаева
Юлия Побединская
Борис Пятериков
Павел Горбачёв
Дарья Козлова
Григорий Иванов
Василий Котельников
Сергей Алексишин
Tatiana Thvost
Гарри Невельский
Наталья Степакова
Полина Никерова
Михаил Коваленко
Ирина Файель
Татьяна Игнатенко
Костя Юриков
Сергей Круглов
Олег Артёмов
Иван Стасюк
Ирина Волкова
Александр Сучков
Сергей Машков
Валерий Винниченко
Ната Елизарова
Игорь Панасенко
Константин Коткин
Дмитрий Доронин
Марина Суздалева
Ольга Кострова
Виктория Андреева
Янина Пирогова
Igor Anonov
Александр Коршунов
Александр Баранов
Татьяна Погодина

Третий номер альманаха «Земля ТРЕ» будет посвящён истории туризма в Хибинах и Ловозерских тундрах. Мы представим вам наиболее интересные выдержки из путеводителей 20-х и 30-х годов, описания туристских маршрутов, карты-схемы. Мы познакомим вас с редкими рисунками, фотографиями и репродукциями картин экскурсантов в Хибины и Луяврурт, сделанных в довоенные годы.

Друзья! Историко-краеведческий альманах “Земля ТРЕ” предлагает вам принять участие в наших в экспедициях в качестве спонсоров и участников. География наших путешествий - Хибины, Сейдозеро и Ловозерские тундры, Терский берег Белого моря, Канозеро, п-ов Рыбачий и др. В наших экспедициях и экскурсиях, организованных опытными краеведами, вы не только насладитесь красотами северной природы, но и примите участие непосредственно в сборе материала для будущих альманахов “Земля ТРЕ” и других наших изданий - путеводителей и книг о крае. Вы приобретете и усовершенствуете полезные навыки (ориентирования, фотосъёмки, опросной работы, определения редких растений и др.).

Подписывайтесь и следите за информацией в группах социальной сети ВКОНТАКТЕ:

- Альманах «Земля ТРЕ» **http://vk.com/zemlyatre**
- «Проводник на Сейдозеро» **http://vk.com/seidozero**
- “Петроглифы” **http://vk.com/rockart**
- “Проводник Хибины” **http://vk.com/provodnik8**

Пос. Нотозерскій
Оз. Нотозеро
Оз. Шоанъ
Оз. Веймозеро
Оз. Улито
Оз. Пуро
Оз. Печезеро
Оз. Анозеро
Глубокое
Оз. Колмозеро
Оз. Вх. Лебяжье
Оз. Вх. Вороньe
Оз. Старозеро
Оз. Куножье
Оз. Гремяхо
Оз. Щучье
Оз. Керчь
Изба
Кола
Вол. Прав
Оз. Домашнее
Оз. Корожное
Оз. Мулозеро
Оз. Чючизеро
Оз. Каметъ-ярви
Оз. Шолотково
Оз. Сенькино
Оз. Каменное
Оз. Кица
Кица
Кицкая
Оз. Лунозеро
Оз. Унезеро
Оз. Вадосово
Оз. Легкозеро
Оз. Чудзезеро
Мурдозеро
Мал. Пулозеро
Оз. б. Пулозеро
Пулозеро
Оз. Колозеро
Оз. Кырозеро
Оз. Пелесмозеро
Оз. Немозеро
Оз. Мердозеро
Оз. Кардозеро
Оз. Вх. Яичное
Нивка
Куренька
Ст. Разноволоцкая
Оз. Мончезеро
Оз. Симбозеро
Печа
Оз. Купозеро
Нж. Чунозеро
Оз. Видозеро
Вороньи
Оз. Красноозеро
Оз. Гольцово
Имандра
Березовъ
Оз. Сейдозеро
Оз. Умбозеро
Оз. Сейдозеро
Оз. Гарьюсъ
Оз. Наякозеро
Оз. Вх. Войдозеро
Орнозеро
Оз. Сопо
Мал.
Оз. Б. Видозеро
Белогубская
Озеро
Имандра
Тикозеро
Оз. Тикозеро
Оз. Цоги
Олангъ
Оз. Райдозеро
Ст. Зашеечная
Нива
Оз. Пасмозеро
Оз. Пилозеро
Оз. Урусиха
Оз. Глубокое
Оз. Лакозеро
Оз. Капустная
Оз. Реппаръ
Оз. Вх. Панозеро
Оз. Никозеро
Оз. Канозеро
Оз. Куткозеро
Мунозеро
Лямукса
Оз. Лямукса
Кандалакша
Оз. Белое
Белое Море
Вересъ Ручьевская
Пос. Бабинскій
Оз. Бадозеро
Е
К
С
А
П
Д
Р
О
В
С
2°
Д
3°
Е
4°
Ж
5°

00766455

Кольский центр охраны дикой природы